

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

2
2001

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2, 2001

Учредитель – Кубанский государственный университет

Содержание

Представление номера	3
Местные сообщества	
<i>Г. Д. Авджян, В. В. Ермоленко</i> Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных образований: проблемы взаимодействия и достижения консенсуса субъектов планирования	4
<i>Н. В. Пахомов</i> Краевому бюджету – казначейскую основу	12
<i>А. Н. Вальвашов</i> Рынок жилья: проблемы и механизмы развития	17
<i>С. С. Кузьмичев</i> E-government: Давайте помечтаем!	31
<i>Т. А. Мясникова</i> Комплексный план или стратегия развития? (Города живут и умирают)	39
<i>А. А. Кизим, Я. А. Манченко, В. Н. Фадеев</i> Формирование логистического подхода в общей системе экспресс-доставки России	47
Человек в мире	
<i>И. Ю. Лизогуб, И. В. Самаркина</i> Политическая картина мира младших школьников (по материалам контент-анализа рисунков)	60
<i>Т. А. Бурмистрова</i> Траектории личностно-профессионального развития учителя зрелого возраста в инновационной школе	72
<i>А. Н. Дёмин</i> Использование понятия «совладание» в психологии (Краткая история понятия)	90

<i>Е. Ю. Кожевников</i>	
О ресурсах совладающего поведения	107

Политическая регионалистика

<i>В. М. Юрченко, Е. В. Морозова, Н. В. Самаркина, И. В. Мирошниченко</i>	
Политические лидеры местных сообществ	118

Кафедра

<i>О. А. Оберемко</i>	
Типы социальной организации (Конспект спецкурса)	158

<i>С. Д. Некрасов, Ю. С. Шелковой</i>	
Выделение основных параметров социального объекта (на примере создания базы данных о личностных особенностях студентов)	170

<i>А. В. Шуваев</i>	
Занятость и безработица: ретроспективный взгляд на проблему	176

Жизнь факультета

Молодежь для молодежи и подростков	190
Ученые о перспективах муниципальной науки	191

<i>Л. Н. Ожигова</i>	
Гендерные проблемы и перспективы их изучения в современном российском обществе	194
О неделе науки на факультете управления (Краснодар, апрель 2001 г.)	197

Издается с марта 1999 г. Периодичность – 4 номера в год.
Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *Е. В. Морозова*, д-р филос. наук, профессор
Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь; *Т. Т. Авдеева*, канд. экон. наук, доц.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц.; *З. И. Рябкина*, д-р психол. наук, проф.;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н
Тел. (8612) 69-95-63, 69-95-64.

Дизайн художников *М. Н. Марченко, С. Г. Ажгихина*.

Оригинал-макет *Г. А. Литвяковой*.

Подписано в печать 25.06.01. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 11,62.

Тираж 200 экз. Цена свободная. Заказ № 807

Кубанский государственный университет.

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Тип. ООО «Крайбибколлектор». 350058 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 252.

Уважаемые читатели!

Представляя вам очередной номер журнала, редколлегия испытывает смешанные чувства. С одной стороны, настоящий «взрыв» публикаций заставляет нас радоваться, с другой – разноплановая тематика статей создает затруднение в выстраивании содержательной линии журнала. Наверное, пришло время подумать о расширении наших рубрик.

Итак...

Достаточно полно отражены в номере научные интересы ученых кафедры государственного и муниципального управления. Это и проблемы планирования развития муниципальных образований (статьи Г. Д. Авджяна и В. В. Ермоленко, Т. А. Мясниковой), и «тайны» рынка жилья (статья А. Н. Вальвашова) и системы экспресс-доставки (статья А. А. Кизима, Я. А. Манченко, В. Н. Фадеева). Материал С. С. Кузьмичева раскрывает проблемы использования Интернет-технологий в системе муниципальной демократии.

Ряд публикаций номера подготовлен с помощью грантовой поддержки российских и зарубежных научных фондов. Статья «Политические лидеры местных сообществ», написанная учеными кафедры политологии и политического управления, обобщила результаты годовичного исследовательского проекта, который финансировал Институт «Открытое общество». Материалы А. Н. Демина и Е. Ю. Кожевниковой подготовлены в рамках гранта RSS (Research Support Scheme) фонда Сороса.

И. В. Самаркина и ее киевская коллега И. Ю. Лизогуб прислали нам статью из США, где они находились на стажировке по программе фонда Фулбрайта.

Рубрика «Кафедра» на сей раз представлена материалами разных жанров: это конспект спецкурса «Идеальные типы социальной организации» О. А. Оберемко, материал к лекции нашего коллеги из Ставрополя А. В. Шуваева и статья С. Д. Некрасова и Ю. С. Шелкового, относящаяся более к управлению образованием, чем к методике преподавания.

Прочитав журнал, можно познакомиться с новостями факультета управления, итогами Недели науки-2001. Показателем успеха последней стал возросший поток студенческих работ в журнале, готовящихся к публикации в следующем номере журнала.

Редколлегия

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ДОСТИЖЕНИЯ
КОНSENSУСА
СУБЪЕКТОВ
ПЛАНИРОВАНИЯ**

*Г. Д. Авджян,
В. В. Ермоленко*

**КРАЕВОМУ БЮДЖЕТУ –
КАЗНАЧЕЙСКОЮ
ОСНОВУ**

Н. В. Пахомов

**РЫНОК ЖИЛЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ
И МЕХАНИЗМЫ
РАЗВИТИЯ**

А. Н. Вальвасов

**E-GOVERNMENT:
ДАВАЙТЕ ПОМЧЕТАЕМ**

С. С. Кузьмичев

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПЛАН
ИЛИ СТРАТЕГИЯ
РАЗВИТИЯ?**

*(Города живут
и умирают)*

Т. А. Мясникова

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЛОГИСТИЧЕСКОГО
ПОДХОДА В ОБЩЕЙ
СИСТЕМЕ ЭКСПРЕСС-
ДОСТАВКИ РОССИИ**

*А. А. Кизим,
Я. А. Манченко,
В. Н. Фадеев*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ КОНSENSУСА СУБЪЕКТОВ ПЛАНИРОВАНИЯ

Г. Д. Авджян, В. В. Ермоленко

Начало наступившего тысячелетия характеризуется дальнейшим развитием рыночных отношений в экономике Российской Федерации. Развитие происходит не всегда последовательно, характеризуется наличием определенных противоречий, которые связаны прежде всего с отказом в управлении от методов планового регулирования экономики. Более того, возобладавший в последние годы тезис о несостоятельности плана и рынка породил многие из сегодняшних проблем как в социально-экономической, так и в политической сфере. Данные обстоятельства указывают на необходимость усиления регулирующей роли государства в социально-экономическом планировании, об этом свидетельствует и объективная тенденция, существующая в мировой экономике.

Мировая экономическая наука видит новую парадигму развития в повсеместном внедрении идеи стратегического планирования, и не только в сфере бизне-

са, но и в сфере муниципального и государственного управления.

Основная и определяющая черта современного развития состоит в переходе к стратегическому управлению социально-экономическим развитием муниципальных образований и субъектов федерации, одной из основных функций которого является планирование. Процесс такого планирования основан на партнерских отношениях различных уровней управления между собой, с частным бизнесом, хозяйствующими субъектами различных форм собственности, общественно-политическими движениями и местными элитами и, что особенно важно, – с населением территории [3, с. 14].

В современной концепции стратегического управления придается особое значение планированию экономического развития муниципального образования. Именно на местном уровне сегодня решаются многие проблемы социально-экономического развития [1, с. 4]. Одна из определяющих тенденций развития муниципальных образований – усиление роли предпринимательской среды. Муниципальные образования видят свои цели в достижении равновесия в обществе, обеспечении условий для развития малого и среднего бизнеса, поддержке промышленности, развитии сферы услуг, привлечении капитала и повышении качества жизни населения. При этом делается ставка преимущественно на внутренние факторы развития и местные ресурсы.

Новые тенденции в социально-экономической сфере муниципальных образований и в масштабе России требуют от органов местного самоуправления стратегического видения проблем, умения привлечь разрозненные элементы экономики, базирующиеся на различных формах собственности к участию в решении проблем на муниципальном уровне.

Стратегическое развитие муниципальных образований предполагает учет при планировании всего спектра потребностей, экономических и общественных интересов широкого круга жителей, предпринимателей, политических партий и движений, органов местного самоуправления, т. е. тех, кого можно отнести к субъектам планирования. Успех такого планирования возможен тогда, когда осуществляется максимально широкое и полное информирование данных субъектов о провозглашаемых конечных целях, обмен мнениями, направленный на формирование общественного согласия относительно их достижения.

Стратегическое планирование позволяет согласовать различные позиции на этапе проработки плана и тем самым создать твердую базу для принятия решений, в которых бы учитывались интересы различных сил. Вместе с тем опыт стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований свидетельствует, что существует ряд проблем, которые в той или иной степени сказываются на достижении конечных целей развития.

Во-первых, наличие скрытого противоречия между профессиональным техническим планированием, его восприятием жителями муниципального образования и предпринимателями. Игнорирование их интересов, несоответствие социальным запросам жителей обрекает на провал многие планы.

Вовлечение местных жителей в процесс планирования развития муниципального образования позволяет учесть местные особенности, исторические традиции и специфические интересы различных групп населения (коренных этнических групп, детей, инвалидов, пожилых людей, молодежи и т.д.) на основе их баланса и гармонии.

Во-вторых, в условиях противоречивой социально-экономической ситуации в России найти совпадающие оценки

различными общественными и политическими силами очень сложно даже в рамках муниципального образования. В то же время поиск согласованных путей выхода из кризиса и источников развития крайне необходим. Поэтому достижение взаимодействия и консенсуса различных сил в процессе разработки стратегического плана социально-экономического развития муниципального образования – чрезвычайно актуальная задача.

Успех в осуществлении плана развития муниципального образования во многом зависит от поддержки его местными жителями, политическими движениями, ассоциациями развития, представителями делового мира. Такие планы должны подвергаться обсуждению на каждом этапе их разработки.

Местное сообщество может не только замедлять или изменять содержание стратегического планирования, но даже блокировать его реализацию.

Уже в самих элементах стратегического плана развития содержится потенциальное многообразие подходов и оценок. Невозможно рассчитывать на единые оценки внешней среды муниципального образования или местного сообщества и их внутреннего потенциала, однозначный прогноз возможного взаимодействия с внешними факторами развития, формирования на их основе стратегии и конкретных программ ее реализации, разделяемых всеми сторонами (субъектами), участвующими в стратегическом планировании.

Специалисты по стратегическому управлению к целям стратегического планирования относят и достижение консенсуса в муниципальном образовании по вопросу стратегии развития на основе общего видения проблемы развития всеми участниками процесса планирования [4, с. 116].

Достижение такого консенсуса служит основой для группового принятия решения с учетом широкого спектра

мнений, подходов, существующих в обществе ценностей и предпочтений, на базе которых обозначается консолидированная точка зрения субъектов планирования. При этом на формирование такой точки зрения оказывает порой существенное влияние политическая конъюнктура, особенно на этапе предвыборной борьбы.

В этой связи в структуре процесса стратегического планирования целесообразно выделять организационный этап, в ходе которого все участники планирования заявляют о своей системе ценностей, предпочтений и выражают суть своих несогласий с заинтересованными участниками. В ходе этого этапа важно выявить все противоречия, определить границы и степень несогласия с тем, чтобы в процессе совместной работы на последующих этапах снять расхождения или сформировать на основе диалога новые предпочтения, которые бы не только адекватно соответствовали ситуации, но и отвечали бы целям и стратегии развития.

В процессе стратегического планирования необходимо сформировать систему взаимодействия между субъектами планирования, позволяющую приходиться к консенсусу. Основными принципами деятельности такой системы могли бы быть: свободный обмен мнениями между участниками планирования, привлечение экспертов по тем или иным сферам планирования, исключение доминирования с чьей-либо стороны, определение границ ответственности каждого из субъектов планирования и др. Предложенные принципы служат для выявления системы взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение консенсуса среди субъектов планирования. К таким мероприятиям можно отнести:

– проведение специальных мероприятий по разъяснению политики муниципальных властей;

– активный обмен информацией между органами местного самоуправления, населением, политическими партиями и движениями; доступность информации;

– изучение общественного мнения различных категорий граждан муниципального образования;

– создание консультативных советов граждан и их участие в комиссиях и группах органа местного самоуправления по стратегическому планированию;

– использование услуг специализированных консультативных фирм;

– телевизионные программы о новаторских подходах в планировании, приглашение представителей средств массовой информации на специальные мероприятия;

– выпуск и распространение по месту жительства информационных бюллетеней, брошюр о планируемых действиях органа местного самоуправления, результатах, предоставляемых услугах;

– организация обучения школьников, учащихся, студентов по специальным программам; их знакомство с деятельностью местных властей.

В обстановке непрерывных изменений в расстановке политических сил реализация указанных мероприятий при осуществлении стратегического планирования будет заострять внимание сменяющих друг друга лидеров местных элит на «непреходящих» вопросах экономического и социального развития [2, с. 322]. Стратегическое планирование, таким образом, для местных групп различного политического направления служит источником информации о возможных вариантах развития, а сменяющим друг друга лидерам оставляет возможность выбора.

В условиях становления демократии в обществе стратегическое планирование может все больше приобретать черты

индикативного, основанного на партнерских отношениях государства и частного бизнеса при условии создания первым для второго стимулов вложения средств в те сферы, развитие которых происходит в интересах всего сообщества (предпринимательство, производство, торговля, услуги, социальная сфера, политика занятости, экология и др.).

Из менеджмента известно, что стратегическое планирование – одна из функций управления развитием социально-экономической сферы муниципального образования и одновременно эффективный инструмент регулирования и развития местной экономики и социальной сферы.

В рамках системы стратегического управления выделяют следующие элементы. *Структурно-содержательный* элемент управления предусматривает такое планирование, которое интегрирует анализ текущей ситуации, прогноз развития, сценарии будущего, стратегию и возможные пути ее реализации.

Процессно-содержательный элемент стратегического управления предусматривает выбор и реализацию стратегии. Данный элемент позволяет согласовать позиции всех сторон, сформировать общее видение актуальных проблем развития муниципального образования различными структурами управления всех уровней (регионального, муниципального), частным бизнесом, политическими движениями и жителями. Достижение консенсуса дает некоторые гарантии и создает предпосылки для осуществления целей на этапе реализации плана (программы) независимо от смены лидеров и власти в целом в ходе выборов.

Иными словами, достижение консенсуса вносит стабильность и снимает часть неопределенности относительно путей развития, делает развитие более поступательным, предсказуемым и менее зависящим от политической конъюнктуры. Одним из важнейших условий, способствующих

этому, является одобрение стратегического планирования в местном представительном органе.

К сожалению, принятый в июле 1995 г. Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ» рассматривает лишь некоторые элементы планирования, а не все проблемы в комплексе. В этой связи представляется целесообразным на уровне законодательной власти субъектов федерации или представительной власти муниципальных образований разработать и принять нормативные акты о стратегическом управлении, отражающие все проблемы, связанные с его организацией и разработкой стратегических планов социально-экономического развития регионов, муниципальных образований и местных сообществ.

В силу значительной специфики каждого субъекта федерации и необходимости согласования стратегического планирования, начиная с субъектов федерации до местного сообщества, такой закон мог бы определить концепцию стратегического управления территориями, что в немалой степени содействовало бы выходу муниципальных образований, местных сообществ и субъектов федерации из кризисного состояния.

Библиографический список

1. Гессе Г. Город // Городское управление. 1997. № 1.
2. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения. Тула, 1997.
3. Ибрагимов Х. Критерии становления и условия спонтанного развития субъекта местного самоуправления // Городское хозяйство. 1997. № 5.
4. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства: Учебник. М., 2000.

КРАЕВОМУ БЮДЖЕТУ – КАЗНАЧЕЙСКУЮ ОСНОВУ

Н. В. Пахомов

Позитивное (хоть пока и недостаточно быстрое) развитие российской экономики привело и к оживлению бюджетов субъектов федерации и муниципальных образований. Со второй половины 1999 г. стала явно просматриваться тенденция к уменьшению бюджетного дефицита. А начиная с 2000 г. бюджеты отдельных субъектов Российской Федерации стали профицитными. Краснодарский край – не исключение. Причин улучшения бюджетных показателей несколько. Во-первых, это особенность производственной базы региона, попавшего в весьма благоприятные внешне-экономические условия. Во-вторых, произошла адаптация населения к уменьшению бюджетной обеспеченности, следовавшему после дефолта 1998 г. В-третьих, система управления бюджетом тоже настроилась на работу в новых условиях. Но при стабилизации и даже росте бюджетных доходов резко повышается необходимость совершенствования систем контроля за расходами. Последнее предполагает, что существующая система контроля не обеспечивает должного уровня контроля. И это действительно так. Чтобы не быть голословными, рассмотрим, как сегодня расходуются бюджетные средства.

Финансовый орган администрации (финорган) в соответствии с краевым законом о бюджете на очередной финансовый год плановым порядком переводит средства бюджета с общесубъектного счета на расчетные счета распорядителей бюджетных средств, т. е. отраслевых и территориальных подразделений администрации. Те в свою очередь, согласно уже своим оперативным планам, распреде-

ляют и переводят средства получателям бюджетных средств. И уже получатели бюджетных средств переводят полученные деньги конечным потребителям — поставщикам в бюджетную сферу товаров и услуг. У этой трехступенчатой схемы, которая действует в большинстве регионов РФ, есть несколько существенных недостатков.

1. Бюджетные средства со счета финансового органа до счета конечного потребителя совершают довольно длительный «холостой» пробег, на который уходит 3–10 (а иногда и более) дней. За этот срок деньги просто «не работают» на бюджет.

2. Бюджетные средства распыляются по счетам распорядителей и получателей бюджетных средств. На нескольких сотнях расчётных счетов оседают временно не используемые остатки бюджетных средств. Эти деньги тоже «не работают». До 20% средств бюджета распылены по «чужим» счетам. И для бюджета эти средства недоступны.

3. Самый серьезный недостаток такой многоуровневой системы расходов в том, что практически отсутствует возможность для оперативного и полного текущего контроля за расходами со стороны финоргана. Действительно, финансовый орган администрации, который отвечает за расходы бюджета, от собственно расходов отдален. Более того, перед законодательным органом финансовый орган отчитывается за расходы на основе отчетов главных распорядителей и распорядителей бюджетных средств, но не по первичным платежным документам. С точки зрения финансового органа бюджетные средства расходуются бесконтрольно. Однако на практике не совсем так. Через 2–6 месяцев после расходов путём ревизии проверяется их правильность по бухгалтерским документам бюджетополучателей.

Такую организацию контроля расходов назвать оптимальной и эффективной нельзя. Но чтобы ее изменить, нужно соответствующее технологическое решение. И такое решение дает казначейская система исполнения бюджета. Согласно ст. 215 Бюджетного кодекса РФ, вступившего в силу с 1 января 2000 г., на территории Российской Федерации установлено **казначейское исполнение бюджетов всех уровней**. На органы исполнительной власти возложена организация исполнения и исполнение бюджетов, управление счетами бюджетов и бюджетными средствами. Указанные органы являются кассирами всех распорядителей и получателей бюджетных средств и осуществляют платежи за счет бюджетных средств от имени и по поручению бюджетных учреждений.

Главный принцип исполнения бюджетов на казначейской основе – принцип единства кассы, установленный ст. 216 Бюджетного кодекса РФ. Он предусматривает зачисление всех поступающих доходов бюджета, привлечение и погашение источников финансирования дефицита бюджета и осуществление всех расходов с единого счета бюджета.

Суть этой системы в следующем. При финансировании бюджетные средства не перемещаются, как раньше, со счета на счет, а остаются на едином счете бюджета. При новой системе к распорядителям бюджетных средств и далее к получателям приходят не «живые» деньги на расчетные счета, а только информация, т. е. выписка о состоянии лицевого счета казначейства. И только в момент собственно расхода (по представлении бюджетополучателем всех необходимых первичных документов в финорган) реальные деньги списываются с единого бюджетного счета (со счета, казначейства) на счёт поставщика товаров и услуг.

Преимущество казначейской системы очевидно: пока в процессе финансирования в бюджетной системе «ходит» информация о финансировании, бюджетные деньги находятся на счете финоргана, работают на бюджет. Но самое главное, что теперь финансовый орган получает возможность контролировать движение буквально каждой бюджетной копейки. Таким образом, вводится в практику новое понятие «предварительный сплошной контроль».

Такой контроль, безусловно, добавляет финоргану работы. Число обрабатываемых теперь платежных документов возрастает в 20–30 раз. С таким потоком информации без автоматизации процесса обработки не справиться. И приходится модернизировать системы автоматизированного управления бюджетом, что связано с определенными затратами. Но эти затраты более чем оправданы. Практический опыт пока еще немногих регионов и муниципальных образований, перешедших на казначейское исполнение бюджета, показывает: затраты на внедрение казначейских систем исполнения окупаются за 3–4 месяца после начала их эксплуатации!

И еще об одном следует сказать. Бюджетный кодекс и Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2001 год» предлагают переводить свои бюджеты на обслуживание в отделения Федерального казначейства. Эти строки Федерального закона часто трактуются как попытки федеральной власти подменить собой многотрудную и кропотливую работу финансовых органов на местах или как попытка федерации заглянуть в расчетные счета бюджетов. А ведь это не так. Что касается второго, то бюджеты и так хранят свои средства на счетах федерального учреждения – Центрального банка России. А что касается подмены, то никогда у федерального казначейства не хватит сил заменить собой

десятки тысяч финорганов. Федеральному казначейству отводится роль кассового оператора бюджетов, роль заместителя не очень, кстати, удобной системы ЦБ РФ. Это вопрос спорный и требует доработки, но сам подход нам представляется правильным. Но еще раз отметим, что использование отделений Федерального казначейства в качестве кассовых операторов регионального бюджета не заменит необходимости налаживать собственно казначейское исполнение внутри бюджетной сферы города. Контроль расходов нужен не столько федерации, сколько городу и горожанам.

Переход на казначейское исполнение бюджета – это большая работа, затрагивающая весь процесс управления бюджетной деятельностью в регионе. А поэтому такая работа должна сопровождаться соответствующими изменениями в нормативно-правовой базе, организационном и программно-техническом обеспечении управления бюджетом. Эту работу финоргану можно и должно проводить только под руководством исполнительной власти и в тесном взаимодействии с законодательной властью.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Государственные финансы – это искусство передавать
деньги из рук в руки до тех пор, пока они не исчезнут.*

Р. Сарнофф

РЫНОК ЖИЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ

А. Н. Вальвашов

Каждый человек приходит в этот мир, чтобы достичь определенной значимой для него или для других людей цели. Для максимального раскрытия своих потенциальных возможностей, для самореализации и в конечном итоге для достижения своей цели человеку нужны благоприятные жизненные условия. И в этом смысле трудно переоценить значимость и необходимость качественных жилищных условий в жизни человека. Жилье – важнейшее благо, обеспечивающее достойное существование человека. Среднестатистический человек проводит в стенах своего дома не менее 60% своей жизни, а суммарное времянахождение дома и в здании места постоянной работы (деловой офис, банк, университет) составляет примерно 90% жизни человека. Качественное жилье – одна из основ успешной деятельности человека и его положительной оценки самого себя, важнейший ресурс развития человека. Более того, обладание хорошим жильем – одна из ключевых материальных потребностей и целей деятельности человека. Жилье – это важный социальный критерий оценки человека.

Все эти факторы определяют важность жилья для отдельного человека.

На уровне местного сообщества развитие рынка жилья определяет пропорциональность и гармоничность развития местной экономики. Деятельность местных строительных компаний и организаций, обслуживающих уже существующие объекты жилья, снижает уровень безработицы в местном сообществе, стимулирует деятельность технологически связанных отраслей, повышает объем инвестиций

в создание нового и поддержание в оптимальном состоянии старого жилищного фонда. Размеры и качество жилья, которым обладают граждане местного сообщества, оказывают влияние на структуру потребительского спроса [9, с. 174]. Повышение степени обеспеченности жильем и его качественное улучшение обуславливают тенденцию роста потребления товаров длительного пользования, что ведет к развитию соответствующих отраслей местного хозяйства и структурным изменениям в местной экономике. Хорошее состояние жилищного фонда удерживает внутренних и привлекает внешних инвесторов, стимулируя их активность именно в границах данной территории. В то же время жилье как форма обеспечения займа определяет интенсивность экономической активности граждан местного сообщества.

Важность рынка жилья для местного правительства определяется несколькими факторами. Жилье является одним из самых крупных источников налоговых поступлений в местный бюджет. Кроме того, развитый рынок жилья делает местное сообщество привлекательным с точки зрения миграции рабочей силы из других сообществ.

Жилье определяет также и социальный потенциал местного сообщества. Доступность и высокое качество жилья стимулируют образование семей, высокий уровень рождаемости и снижение числа разводов в данном сообществе.

Таким образом, трудно переоценить воздействие рынка жилья на социальный, экономический и финансовый потенциал развития местного сообщества [2, с. 177]. Воздействуя с помощью различных инструментов на рынок жилья, местное правительство влияет на все стороны жизни местного сообщества.

Реализуя стратегию развития рынка жилья, местное правительство сталкивается со следующими проблемами:

- нисходящая фильтрация жилья, т. е. переход объекта недвижимости вниз с рынка жилья высокого качества на рынок жилья низкого качества;
- низкий уровень жилищных инвестиций;
- низкое качество жилищных услуг;
- проблема управления ведомственными объектами жилья;
- монополия нескольких строительных компаний на рынке жилья;
- монополия нескольких компаний, обслуживающих жилой фонд местного сообщества;
- дефицит денежных средств местного бюджета, направляемых на финансирование развития рынка жилья;
- нерациональное использование жилищных ресурсов;
- неэффективная земельная политика [1, с. 69];
- наличие недостроенных объектов жилья, финансирование строительства которых прекращено.

Деятельность местного правительства на рынке жилья нацелена на улучшение жизни граждан местного сообщества через повышение качества жилья и жилищных услуг.

Для решения этих проблем и достижения целей развития сообщества местное правительство может использовать следующий инструментарий:

1. Изменение принципов и механизмов финансирования жилищной сферы со стороны муниципальных органов власти. Важное значение для формирования рыночной финансово-экономической системы имеет модернизация механизма финансирования отрасли в части изменения соотношения между основными источниками – платежами населения и других потребителей услуг и ассигнованиями из бюджета – в сторону сокращения бюджетных дотаций.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) должны перейти к обеспечению расширенного воспроизводства основных фондов в результате своей хозяйственной деятельности посредством включения в тарифы на оплату услуг инвестиционной составляющей, которая обеспечит постепенное покрытие затрат на капитальный ремонт, реконструкцию и новое строительство объектов жилья.

В новых условиях хозяйствования основными источниками финансирования текущей деятельности и развития рынка жилья могли бы стать:

- средства населения, поступающие в форме платежей за жилищно-коммунальные услуги;
- средства организаций – потребителей услуг в виде оплаты за пользование жилищными услугами;
- ассигнования из местного бюджета;
- средства от сдачи в аренду объектов жилья;
- средства от местных налогов на содержание городской инфраструктуры;
- разовые внесения гражданами средств для финансирования конкретных мероприятий по ремонту жилых домов, объектов коммунального хозяйства и по благоустройству населенных пунктов, в том числе за счет банковских кредитов на эти цели;
- средства местного бюджета на развитие и реконструкцию объектов жилья данного населенного пункта;
- средства федерального бюджета, выделяемые в качестве государственной поддержки развития жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения льгот по оплате строительства, обслуживания и ремонта жилья, установленные на федеральном уровне;

– средства юридических лиц, в том числе финансово-строительных компаний, и граждан, выступающих инвесторами по строительству жилья;

– средства потребителей услуг в виде инвестиционной составляющей тарифа, обеспечивающей частичное покрытие затрат на реконструкцию и новое строительство жилья [3, с. 71].

2. Муниципальные займы. Этот способ получения средств для местных администраций имеет ряд достоинств. Согласно российскому законодательству облигации местных займов не облагаются подоходным налогом. Налог на операции с муниципальными облигациями втрое меньше, чем на операции с коммерческими [3, с. 72]. Они являются одними из самых надежных ценных бумаг и гарантируются налоговыми полномочиями местных администраций и муниципальной собственностью. При этом погашение займа возможно осуществлять как за счет предоставления квартир (посредством лотереи), так и за счет поступлений от депозитных вкладов, куда будут помещены оставшиеся от финансирования средства.

3. Развитие системы муниципального страхования жилья. Цель этого инструмента – вовлечение жилья и объектов коммунального назначения в систему страхования имущества. В первую очередь это относится к страхованию рисков, возникающих у юридических и физических лиц вследствие аварий в коммунальных сетях. В этом случае страхователями будут выступать государственные и негосударственные учреждения, предприятия, организации, а также частные лица, а страховщиками – имеющиеся или специально созданные страховые компании. Последние, стремясь к минимизации своих расходов, будут экономически заинтересованы в контроле за состоянием

коммунальных сетей и в своевременном проведении планово-профилактических ремонтов оборудования. Установление льготного налогового режима деятельности страховых организаций должно снизить уровень страховых взносов на оплату услуг такого рода.

4. *Улучшение финансового состояния действующих на территории муниципального образования предприятий, организаций, учреждений, предоставляющих жилищные услуги.* Дополнительные ресурсы, необходимые для финансирования ЖКХ, можно получить и за счет улучшения финансового состояния действующих в населенных пунктах предприятий. Мероприятия такого рода могли бы включать в себя:

- освобождение жилищно-коммунальных предприятий от налогов на прибыль и имущество, НДС и земельного налога;
- установление льгот для населения и коммунально-бытовой сферы, вплоть до полного освобождения от платы за пользование природными ресурсами и платы за выбросы (кроме сверхнормативных);
- распространение налоговых льгот на предприятия и продукцию, выпускаемую для нужд жилищно-коммунального хозяйства;
- индексация (не реже раза в год) амортизационных отчислений на ЖКХ; использование принципа ускоренной амортизации для основных фондов отрасли.

Кроме того, в качестве средств, направляемых на содержание и развитие рынка жилья, могут быть использованы на региональном и муниципальном уровнях:

- налог от разницы между себестоимостью и продажной ценой жилья всех форм собственности;
- доля налога с недвижимости;

- кредиты под гарантии субъектов федерации, органов местного самоуправления;

- эмиссия ценных бумаг (облигаций, сертификатов, акций) под обеспечение уставным капиталом, недвижимостью;

- амортизационные выплаты в жилищном секторе;

- доля от квартирной платы и оплаты коммунальных услуг;

- фамильные жилищные счета, которые размещаются в банках, имеющих соответствующую государственную лицензию [3, с. 75].

5. *Повышение качества предоставления жилищных услуг.* В современных условиях важное значение имеет обеспечение защиты интересов потребителей от предприятий-монополистов в отношении качества обслуживания и темпов роста тарифов путем комплексного перехода на договорную форму взаимоотношений предприятий отрасли с заказчиками на конкурсной основе (муниципальный заказ, открытый конкурс), а в отношении малоимущих категорий населения – путем выдачи им компенсаций (субсидий) по оплате жилья и коммунальных услуг в пределах нормативного уровня потребления.

6. *Налоговая политика местных властей в отношении жилищного рынка.* Важнейшим финансово-экономическим вопросом жилищной реформы является налоговая политика в жилищной сфере. В условиях поэтапного повышения тарифов на оплату жилья и коммунальные услуги, когда в структуре договорной цены предприятий-подрядчиков, эксплуатирующих объекты жилья, сохраняется значительная (до 50%) бюджетная составляющая, необходимо введение гибких механизмов налогообложения жилищно-коммунальной деятельности с целью снижения совокупных затрат при

производстве услуг. По расчетам специалистов, такой подход позволил бы значительно снизить экономически обремененные затраты на производство жилищных услуг, обеспечив более безболезненный переход на полную оплату населением жилья и коммунальных услуг.

7. Политика местного правительства в отношении ведомственных объектов ЖКХ. Особое положение в сложившейся системе занимают ведомственные объекты ЖКХ, которые создавались в свое время предприятиями или числятся на их балансе. В настоящее время предприятия из-за тяжелого финансового состояния зачастую оказываются неспособными осуществлять на прежнем уровне финансирование принадлежащих им объектов, требующих весьма значительных затрат, и стремятся избавиться от принадлежащих им учреждений социального профиля.

Варианты осуществления преобразований коммунально-бытовой инфраструктуры предприятий непосредственно связаны с изменениями в отношениях собственности, выражающимися в полной или частичной передаче предприятиями прав собственника другим субъектам. В зависимости от этих изменений возможны три варианта.

А. Предприятия отказываются от права собственности на те или иные объекты жилищно-коммунального назначения и не претендуют на преимущественное право использования их для оказания услуг своим работникам.

В этом случае данные объекты должны быть переданы в собственность группы лиц (юридических или физических), муниципальным органам власти или отдельным гражданам.

Соответственно, существует ряд вариантов такой передачи прав собственности.

1. Создание на базе соответствующих объектов самостоятельных предприятий, которые в полной мере берут на

себя ответственность за результаты своей деятельности. Механизм образования таких самостоятельных предприятий может быть различным:

а) объекты продаются на конкурсной основе или на аукционе сторонним покупателям;

б) на объектах коммунально-бытового назначения в соответствии с решением, принятым комиссией по приватизации, создаются самостоятельные хозяйственные товарищества или общества из непосредственно занятых там работников;

в) на базе данных объектов создаются акционерные общества открытого типа с последующей продажей акций.

2. Бесплатная передача объектов коммунально-бытового профиля в муниципальную собственность на баланс местных органов власти. Передача данных учреждений местным органам власти должна одновременно сопровождаться перераспределением средств бюджета того уровня управления, в ведение которого переходят данные объекты. Соотношение источников финансирования муниципализированных объектов коммунальной инфраструктуры может быть различным.

3. Бесплатная передача объектов коммунально-бытовой инфраструктуры в собственность отдельных граждан. Речь в данном случае идет о приватизации жилья, расходы на содержание которого будут осуществляться за счет самого населения.

Б. Предприятия хотели бы сохранить в своей собственности учреждения жилищно-коммунального назначения, однако не имеют финансовых возможностей для их содержания, поэтому стремятся «поделиться» своей собственностью и продолжать владеть ею уже на долевой основе.

В. Предприятия не хотят передавать принадлежащие им объекты другим собственникам и осуществляют их финансирование за счет своей прибыли.

8. *Резервирование муниципальных зданий.* Этот инструмент служит как для уменьшения расходных статей муниципального бюджета, так и для привлечения инвестиций. С этой целью муниципальные власти предоставляют в распоряжение предпринимательским структурам недостроенные здания (каркасы зданий, внутренняя часть которых характеризуется отсутствием отделочных работ) или заброшенные здания, которые еще далеко не выработали свой ресурс использования. Таким образом, местные власти предоставляют «пространство развития», своеобразный кредит предпринимательским структурам и способствуют восстановлению и улучшению внешнего вида зданий местного сообщества.

Предоставляя местным предпринимателям конкретные здания в конкретном месте, местные власти в некоторой степени «вынуждают» финансовый и предпринимательский капитал оседать именно внутри данного местного сообщества, а не утекать за пределы муниципального образования. Тем самым местные власти проводят целенаправленную политику по размещению предприятий.

9. *Местные жилищные программы.* Регулирование рынка жилья с помощью местных программ может идти по следующим направлениям:

- политика стимулирования предложения, которая осуществляется двумя основными методами: строительство муниципального жилья и субсидирование частного строительства;
- политика стимулирования спроса, т.е. субсидирование потребителей жилья через различные экономические инструменты (пособия, сертификаты, жилищные ваучеры, долгосрочные кредиты муниципальных кредитных учреждений);
- административное ограничение квартирной платы.

Эти направления регулирования рынка жилья реализуются через соответствующие программы. Выделяют три основных типа программ:

- 1) жилищная помощь – комплекс мер для улучшения жилищных условий и снижения стоимости жилья для бедных;
- 2) жилищная поддержка – программа поддержки усилий местной администрации по улучшению качества жилья и оживлению заброшенных микрорайонов;
- 3) ограничение максимальной квартплаты.

10. Новая политика в отношении оплаты жилья и коммунальных услуг. Предпосылкой для функционирования рынка жилья является реальная (100%) оплата жилья и коммунальных услуг. Переход на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг, введение специальных компенсаций отдельным категориям граждан создают необходимые условия для разумного управления жилищным фондом. К основным направлениям реализации новой политики в сфере оплаты жилья и коммунальных услуг относятся:

- постепенное повышение уровня оплаты населением жилищно-коммунальных услуг в пределах нормативов потребления;
- предоставление гражданам компенсаций на оплату жилья и жилищных услуг;
- переход на договорные отношения собственников жилья и объектов коммунального хозяйства с нанимателями (арендаторами) жилых помещений.

Дальнейшее повышение ставок и тарифов связано с определением механизма и критериев для обеспечения обоснованности затрат в условиях рыночной экономики, а также с введением инвестиционной составляющей (на строительство жилья и объектов инженерного благоустройства) и с началом дифференциации ставок оплаты жилищных ус-

луг в зависимости от местоположения и качества жилья. Реформа ценообразования должна, таким образом, изменить подходы к установлению платы за жилье и коммунальные услуги. В частности, оплата жилья должна включать не только плату за содержание и ремонт, которая устанавливается в размере, обеспечивающем возмещение издержек на обслуживание, капитальный, текущий и профилактический ремонт, за развитие и реконструкцию жилищного фонда (в виде инвестиционной составляющей), но и плату за наем, которая должна учитывать и амортизационные отчисления на полное восстановление, и потребительские качества жилищного фонда, и его местоположение.

11. Механизм снижения затрат. Один из основных путей повышения эффективности деятельности местных властей – создание механизма снижения затрат. Такой механизм должен обеспечить объективные стимулы ресурсосбережения, что позволит снизить затраты обслуживающих предприятий и определить наиболее безболезненный переход к экономически обоснованным ставкам и тарифам. Для этого помимо организационно-технических мероприятий, связанных с введением договорных отношений, необходимо реализовать ряд технических решений, направленных на модернизацию инженерных систем, обеспечив их приборами регулирования, учета и контроля расхода воды (горячей и холодной) и тепловой энергии.

Значимыми факторами снижения себестоимости производимых в жилищно-коммунальном хозяйстве услуг должны стать:

- 1) разделение функций управления и обслуживания объектов жилья;
- 2) переход на договорные (контрактные) взаимоотношения заказчиков и подрядчиков;

3) внедрение конкурсной основы отбора подрядчиков.

Разделение функций управления и обслуживания предполагает создание двух взаимодействующих независимых структур, одна из которых – служба заказчика – обеспечивает эффективное управление жилищным фондом от лица собственника, а другая – ремонтно-эксплуатационные предприятия – специализируется на выполнении исключительно подрядных функций по содержанию и эксплуатации объектов ЖКХ.

12. Службы заказчика. Чтобы реализовать свои функции заказчика на жилищно-коммунальное обслуживание, местные органы самоуправления должны создать соответствующие структурные звенья – службы заказчика. Службы заказчика будут заключать договоры с подрядными предприятиями любых организационно-правовых форм на оказание услуг по содержанию и ремонту жилищного фонда только на конкурсной основе. У заказчика, кроме того, должны остаться функции, выполняемые исключительно государственными структурами. Следует также создать юридические группы, обеспечивающие стабилизацию работы по сбору платежей с физических и юридических лиц.

13. Дифференцированные ставки и тарифы на жилье. При установлении дифференцированных ставок и тарифов на оплату сверхнормативной площади жилья и сверхнормативного потребления коммунальных услуг могут быть использованы следующие подходы:

а) ставки и тарифы на оплату социальной нормы площади жилья и нормативов потребления коммунальных услуг устанавливаются в пределах сроков и уровней платежей граждан на каждый конкретный период, а ставки и тарифы на оплату сверхнормативной площади и сверхнормативного потребления услуг – на уровне предела, утвержденного на последующие периоды, вплоть до полного возмещения затрат;

б) тарифы для оплаты сверхнормативной площади и сверхнормативного потребления услуг могут устанавливаться дифференцированно, в зависимости от уровня превышения над нормативом в определенном эквиваленте, вплоть до полного возмещения;

в) тарифы для оплаты сверхнормативной площади и сверхнормативного потребления услуг могут корректироваться в зависимости от совокупного дохода семьи в определенном эквиваленте, вплоть до полного возмещения.

Таким образом, инструментарий развития местного сообщества через воздействие на рынок жилья чрезвычайно разнообразен. Местное правительство, выбирая конкретные инструменты развития, должно учитывать конъюнктуру на рынке жилья, уровень доходов домохозяйств, инвестиционный климат, демографические факторы, предпринимательскую активность и состояние жилищного фонда на данной территории.

Совершенствование рынка жилья, поддержка и содействие со стороны местных властей предпринимательской деятельности и финансовой активности на рынке жилищных услуг, применение инструментария, повышающего эффективность функционирования этого рынка, могут в совокупности дать мощный позитивный импульс развитию местного сообщества и внести значимый вклад в достижение главной цели сообщества – процветания и благополучия каждого его гражданина.

Библиографический список

1. Вобленко С. Рынок городской недвижимости: понятие, состояние, задачи регулирования // Городское управление. 1998. № 6.
2. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства: Учебник. М., 2000.
3. Чернышев Л. Финансово-экономическая модель хозяйственного механизма жилищно-коммунального хозяйства в условиях рынка // Городское управление. 1998. № 9.

E-GOVERNMENT: ДАВАЙТЕ ПОМЕЧТАЕМ!

С. С. Кузьмичев

Настоящий бум информатизации и интернетизации прокатился по России. В основном это произошло на предприятиях нефтеперерабатывающего комплекса и банковской системы.

Как обстоят дела с применением информационных систем и информационных технологий в органах государственного и муниципального управления страны? «Аналитические исследования показали, что около 65% компьютеров, установленных в органах местного самоуправления (МСУ), работают как автономные рабочие места и около 75% используются для решения учетных задач, не связанных с организацией бизнес-процесса!» (Computer World 2001. 20 марта).

По Краснодару подобной статистики, к сожалению, нет. Анализ состояния дел в области информационного развития МСУ нашего города возможен только на основе информации, находящейся на сайте администрации: <http://www.krd.ru>. Единственный документ, описывающий «информационную систему (ИС) мэрии» и информационные технологии (ИТ), применяемые ею, расположен по адресу <http://www.krd.ru/www/home.nsf/webdocs/9FBDFECFF3A177CC00256A4E003DB1E6.html> и называется «Информационное обеспечение». В нём говорится о том, что:

- 1) у сотрудников мэрии имеется высокоскоростной доступ к Internet (DSL) и электронной почте;
- 2) используются и регулярно пополняются юридические системы «Консультант Плюс» и «Гарант»;
- 3) ведется разработка программного комплекса автоматизации клиринговых расчетов для управления муниципального заказа;

4) установлена программа подведения итогов конкурса «Лучшее предприятие в отрасли»;

5) в отчетном периоде произведено подключение подразделений администрации (аппарат главы администрации, управление муниципальной собственностью) к базе данных БТИ;

6) разработаны и внедрены программные комплексы «Формирование отзывов на коллективные договоры предприятий и организаций города» и «Состояние охраны труда на предприятиях города»

7) регулярно обновляется информация о задолженности предприятий города за потребленные энергоресурсы и по платежам в бюджет;

8) проведены работы по информационному насыщению электронной план-схемы города. Подготовлен план-схема города с отображением избирательных округов.

Предлагаем заглянуть на <http://infovisor.ivanovo.ru/>, где описывается система «Инфовизор», на основе которой разработана «Региональная информационно-аналитическая система Ивановской области». Положительный опыт применения данной системы на практике уже есть.

Что мешает городским и краевым органам власти позаимствовать данную систему? Несколько факторов препятствуют этому. Во-первых, оставляет желать лучшего положение дел с информатизацией в некоторых департаментах администрации города. Например, в управлении архивными делами города в «информационном хранилище юридической и экономической информации», наиболее значимой для города информации, не автоматизирован ни один процесс.

Во-вторых, в России не принят закон об электронной подписи (хотя данный факт не мешает автоматизировать деятельность самого отдела).

В третьих, на автоматизацию нет денег.

Законопроект об электронной подписи уже направлен в Государственную Думу и в ближайшее время, возможно, будет рассмотрен и принят (Computer World. 2001. 20 марта). В США данный закон принят в 2000 г. Этот закон, как мы знаем, законодательно приравнивает бумажную и электронную форму представления информации.

Обыкновенный бумажный документ на протяжении семи веков являлся основным носителем информации, сегодня современные информационные технологии позволяют избавиться от этой неудобной и достаточно дорогой формы хранения и представления информации.

Курс на развитие или очередная пятилетка?

В разделе «Экономика» сайта www.krd.ru находится документ -- «Программа первоочередных мероприятий по поддержке и развитию реального сектора экономики города Краснодара на 2001 год». Кроме него очень интересны статьи: «Развитие Делового центра (п. 2), разработка и осуществление программы подготовки, переподготовки и привлечения квалифицированных рабочих кадров на предприятия промышленности и транспорта» (п. 4), «Снятие административных барьеров сдерживающих развитие предприятий» (п. 5), «Привлечение инвестиций в реальный сектор экономики города. Формирование банка инвестиционных проектов, их экспертиза и реализация» (п. 7), «Создание на территории Краснодара общегородского транспортно-логистического центра» (п.8), «Формирование облика Краснодара как промышленного центра Юга России и информационная поддержка предприятий реального сектора экономики» (п. 10), «Предпринимательство» (п. 17).

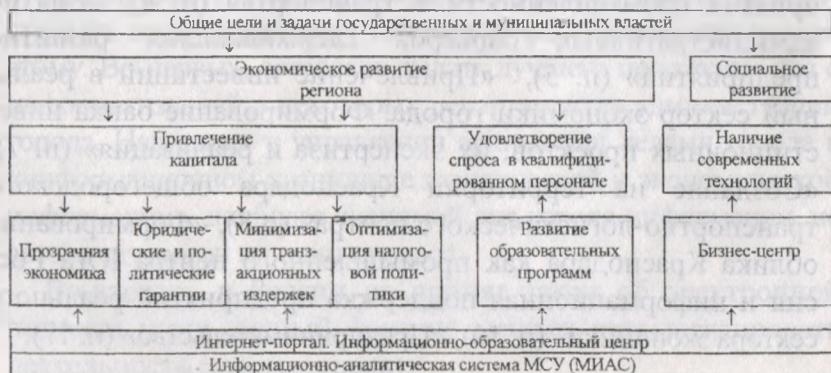
Всего 19 пунктов со сроком исполнения в 2001 г. (с оригиналом данного документа вы можете ознакомиться по адресу <http://www.krd.ru/www/home.nsf/webdocs/F9A80A7EE04CC2A9C3256A41006FA4B4.html>).

К сожалению, и тут ни слова не говорится о планах по внедрению аналитической системы или СИПР.

В настоящее время в правительственных кругах рассматривается вопрос о направлении достаточно больших (порядка 150 млрд р.) инвестиций в реальный сектор экономики Южного федерального округа.

Как при нынешнем положении дел органы власти г. Краснодара смогут привлечь хотя бы часть этих инвестиций в экономику города? Как максимально эффективно распорядиться этими ресурсами, если сегодня обмен информацией ИС мэрии и органов статистики осуществляется с помощью дискеты? На Западе информационные технологии давно превратились в мощный рычаг, ускоритель развития экономики.

Цели и задачи функционирования органов МСУ и ГСУ и методах их реализации посредством ИС можно представить в виде упрощенной схемы.

Мы абстрагировали две главные цели: экономическое и социальное развитие, но рассмотрели только экономическое. Цели социального развития – вопрос отдельной статьи и здесь не рассматривается.

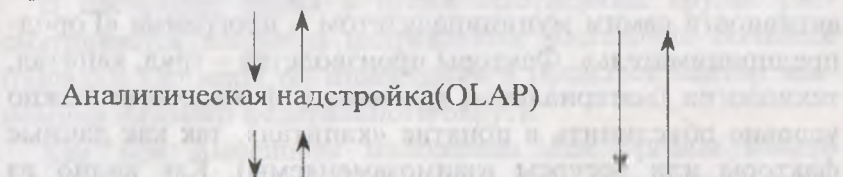
По нашему мнению, развитие экономики региона возможно через привлечение факторов производства в частный сектор экономики и развитие предпринимательской активности самим муниципалитетом – программа «Город-предприниматель». Факторы производства – труд, капитал, технологии (материальные факторы и финансовые можно условно объединить в понятие «капитал», так как данные факторы или ресурсы взаимозаменяемы). Как видно из схемы, задача привлечения капитала упрощённо сводится к обеспечению надлежащих условий, т.е. открытости, «прозрачности» экономики – юридической и политической безопасности капитала, минимизации транзакционных издержек и продуманной налоговой политике. Если вопрос гарантий безопасности капитала и оптимизации налоговой политики целиком и полностью лежит в политической и юридической плоскостях, т.е. не относится к теме данной статьи, то «прозрачность» экономики и минимизация транзакционных издержек являются областью применения ИТ.

Открытость информации

Одна из причин низкой инвестиционной активности в России – недоступность информации о функционировании органов власти. Именно непредсказуемость, неопределённость российской экономики и является главным фактором, сдерживающим инвестиционную активность и в Краснодарском крае. Дефицит достоверной информации испытывают и сами органы власти. Но эта проблема скорее организационная, чем технологическая.

На наш взгляд, разумным в создавшейся ситуации было бы создание властями нашего города СППР со свободным доступом в OLAP через портал Интернета для всех граждан нашего города с возможностями аналитической обработки в реальном времени. Коротко опишем, что это такое.

Традиционная СУБД, ориентированная ИС* + центральная БД

Портал («корпоративный» web сайт)

Эти три ключевых элемента в совокупности составляют полноценную муниципальную информационную систему. Традиционная информационная система, основанная на реляционной СУБД (например, MS SQL SERVER 2000), где данные накапливаются и хранятся в виде двумерных таблиц, предоставляет информацию для аналитической надстройки (например, MS Analytical Services), где плоские таблицы обрабатываются и преобразуются в многомерные. Такого рода надстройки традиционно применяются для построения СППР. Далее из аналитической подсистемы информация публикуется на Internet-портале, где становится общедоступной. При этом возможна обратная связь, где данные через портал поступают непосредственно в ИС или аналитическую систему (АС).

Обработка и публикация происходит автоматически в режиме реального времени, что позволяет вовремя спрог-

* В случае с МИС распределённая система, состоящая из n-количества БД (по числу департаментов).

нозировать ту или иную тенденцию или даже смоделировать последствия того или иного управленческого решения. За счет открытости информации, а также обратной связи посредством портала можно достичь очень высокой эффективности управления. Хотя данные технологии в основном применяются коммерческими организациями, органы муниципальной власти вполне могут ими воспользоваться.

Тех, кого заинтересовала проблематика аналитической обработки в реальном времени, могут обратиться на сайт <http://olap.ru>.

Наличие квалифицированного персонала или возможность подготовки такового при минимальных затратах является основополагающим фактором. Этой проблеме будет посвящена отдельная статья в одном из следующих номеров журнала.

Технологический фактор в производстве затрагивает не только область информационных технологий как таковых, но и инновационные технологии управления – инновационный менеджмент, технологии управления цепочками поставок (логистика), технологии управления взаимоотношениями с заказчиками – CRM и др.

Малому и среднему бизнесу в настоящий момент не под силу самому внедрять современные технологии. На наш взгляд, развитие в этой сфере возможно только при создании органами МСУ центров передовых технологий – бизнес-центров, хотя при отсутствии муниципальной информационно-аналитической системы (МИАС) эта возможность чисто теоретическая.

Пример реализации – региональная информационно-аналитическая система по управлению ресурсами Ивановской области (см. сайт <http://infovisor.ivanovo.ru/>). Данная система обладает рядом полезных аналитических функций

(поэтому и взята для рассмотрения), что наиболее значимо для муниципальных информационных систем. В большинстве регионов вопрос внедрения современной МИАС пока даже не ставится. Автоматизация некоторых аспектов деятельности администрации нашего города пока что не является современной информационной системой, поскольку еще нет единой коммуникативной среды, объединяющей бизнес-процессы в географически разрозненных департаментах в единую информационную среду. Термина, обозначающего эти процессы применительно к деятельности МСУ и ГМУ, пока не существует. Возьмем на себя смелость применить именно термин «бизнес-процессы», поскольку он наиболее полно отражает процессы, порождаемые функционированием органов власти, государственных и муниципальных структур.

Нужна ли муниципальная информационная система? Стоит ли начинать программу по её внедрению? Эффективно ли будет функционировать власти при наличии этого инструмента? Ответ однозначен: безусловно, описанная модель СПИР, реализованная на городском уровне, жизненно необходима государственным и муниципальным руководителям, а также работникам сферы бизнеса. Ну а рядовым гражданам было бы интересно знать, например, подробности использования финансовых ресурсов города.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Информация – основная валюта демократии.

Р. Недер

КОМПЛЕКСНЫЙ ПЛАН ИЛИ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ? (Города живут и умирают)

Т. А. Мясникова

Сегодня многие российские города находятся в глубоком социальном и экономическом кризисе. Безработица, разрастание раковой опухоли трущоб, потеря исторических корней, наркомания и проституция постепенно пожирают наши города. Им грозит постепенное снижение численности населения и физическое разрушение города (строений, инженерных сооружений). Не избежали этой опасности и кубанские города и станицы.

В чем причина «банкротства» российского города? Почему наши города оказались в таком бедственном состоянии?

«Банкротство» многих малых и средних городов России вопреки распространенному мнению произошло еще до начала реформ 1990-х. Оно принимало более или менее явные формы. В явной форме города мельчали, старели. Молодежь стремилась переехать в крупные, быстро растущие центры. Города, попадающие в число бесперспективных, постепенно угасали. Но были и более скрытые формы, когда государство по той или иной причине поддерживало градообразующие, но не всегда перспективные предприятия города. Естественно, лишившись государственной поддержки в период реформ, эти города оказались «банкротами».

Можно назвать и более глубинную причину идеологического плана, связанную с прошлым, речь идет об иерархической трактовке приоритета общенародных интересов перед местными и, как следствие, забвении собственных интересов города. Эта идеология не только проникла в души градоначальников, но и была оформлена в песенном

жанре: «Жила бы страна родная, и нету других забот...». Наличие интересов и индивидуальности города как местного сообщества считалось местничеством, идущим вразрез с интересами общенародного государства. Органы городского управления во многом зависели от крупных предприятий. Ведомственное подчинение, как правило, доминировало над территориальным. Жизнь городов была неразрывно связана с крупными промышленными предприятиями, так как основное внимание уделялось наращиванию производственного потенциала. Практически управление городом осуществлялось предприятиями-комплексам, в которых проходила вся жизнь человека, начиная с яслей, принадлежащих предприятию, и заканчивая ведомственным санаторием для пенсионеров. Предприятие обеспечивало работу, жилье, социальные гарантии.

То, что происходит с городами сегодня, во многом объясняется историческими корнями – потерей самостоятельности местными органами управления, сложившимися социальными и экономическими диспропорциями, неконкурентоспособностью градообразующих предприятий. Антигородская политика государства повлекла за собой существенную диспропорцию городских территорий: в крупных городах основную часть территории занимали «грязные» промышленные и промышленно-торговые зоны, функциональные зоны проникали друг в друга, их границы не соблюдалась. Жилищный комплекс десятилетиями не ремонтировался. Все это вело к разрушению исторического центра, появлению и разрастанию трущоб, общему ухудшению среды обитания.

Сегодня на смену диктатуре центра приходит собственная ответственность муниципалитетов за решение вопросов местного значения. К сожалению, многие российские

города оказались не готовы реализовать свои интересы без посторонней помощи. Лишившись поддержки центра, с разрушенной экономической базой, не имея необходимого опыта самостоятельного развития местного хозяйства, местные органы управления оказались в очень тяжелом положении. Вся их деятельность, как правило, сводится к латанию дыр.

Социально-экономическая ситуация требует освоения новых управленческих технологий. Управление развитием в условиях рыночной экономики — это управление изменениями. Тактическое планирование не справляется с этой задачей. Необходимо выработать стратегию развития города, которая позволит мобилизовать необходимые ресурсы и найти экономическую нишу города. Теоретической основой стратегического планирования служит *концепция развития местных сообществ*. Технология стратегического планирования, соответствующая этой концепции достаточно проста и понятна и в то же время позволяет каждому городу найти свой путь к процветанию.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ указана необходимость планирования *комплексного социально-экономического развития* муниципальных образований. Многие российские города (в том числе и Краснодар) имеют план комплексного социально-экономического развития. Однако, как показывает практика, эти планы не решают всех стоящих перед муниципальным образованием проблем, часто не выполняются, остаются только на бумаге. В чем причина: в непрофессионализме или недобросовестности разработчиков? Или причина кроется глубже?

«Ловушки» *комплексного плана социально-экономического развития (КСЭР)*. Причина того, что планы КСЭР не

срабатывают, кроется в самой концепции такого подхода. Во-первых, такие программы пытаются объять необъятное – все сферы жизнедеятельности муниципального образования. Поэтому такие программы громоздки, обречены на обрастание многочисленными механизмами согласования и требуют настолько фантастических ресурсов, что, как правило, после принятия откладываются «до лучших времен». Во-вторых, эти планы, за редким исключением, разрабатывают сами работники мэрии без участия групп интересов местного сообщества, поэтому отражают не интересы населения, а в лучшем случае представление работников мэрии об интересах населения.

Самоопределение комплексного социально-экономического развития делает его внешним по отношению к местному населению, в том числе по отношению к наиболее активной его части – предпринимателям. Местное правительство выступает как «перст указующий», пытаясь контролировать весь процесс развития города. Таким образом, все, что не согласовано с местным правительством, по-видимому, развитием не является.

Технология развития, базирующаяся на концепции развития местных сообществ позволяет избежать этих «ловушек».

Концепция развития местных сообществ

Данная концепция в России только начинает завоевывать заслуженное признание. Тем не менее она уже была использована при разработке стратегических планов развития Выселковского и Красноармейского района Краснодарского края, сельских округов Адыгеи – Тульского и Дондуковского. Активное участие в разработке этих планов приняли сотрудники кафедры государственного и му-

ниципального управления факультета управления Кубанского государственного университета.

Довольно удачным примером может служить и стратегия развития туризма в г. Краснодаре, разработанная по технологии, основанной на концепции развития местных сообществ. Отдельные ее элементы вошли в 1998 г. в планы развития г. Краснодара.

Данная стратегия основывается на следующих утверждениях [1, с. 14]:

- город – это местное сообщество, которое характеризуется наличием территории, населения, социальных связей и чувства сообщества;

- каждое местное сообщество уникально в экономическом отношении, т.е. обладает неповторимой комбинацией ресурсов, определяющей возможности города в достижении цели развития – улучшения жизни местного населения;

- каждое местное сообщество испытывает воздействие как внешних, так и внутренних факторов;

- местные сообщества находятся на разных уровнях развития;

- местное сообщество – это принимающая решения экономическая единица;

- пространственная организация территории обуславливает понимание города как пространственного феномена, следовательно, пространственное развитие является одним из аспектов социально-экономического развития города.

При данном подходе развитие города во многом сводится к развитию *местного хозяйства*. Цель развития местного хозяйства – улучшение качества жизни местного населения (через создание продукта / услуги, обеспечение занятости, благоустройство территории). При этом социальные и экономические потребности соотносятся как цель и средство [1, с. 20].

Местное правительство является лишь одним из равноправных участников в разработке и реализации стратегии развития. Здесь речь не идет о каком-либо жестком контроле или планах, спущенных сверху.

Другое очень важное отличие концепции развития местных сообществ от планов комплексного социально-экономического развития – гибкое стратегическое управление, т. е. управление изменениями. В любой программе развития должны быть предусмотрены возможности их изменения в зависимости от ситуации, вплоть до отказа от данной программы и перехода к другой [1, с. 26].

Исходя из вышеперечисленных положений, на первом этапе планирования развития туризма в г. Краснодаре был проведен анализ сложившейся в городе ситуации, тенденций развития города, оценены имеющиеся ресурсы (т.е. мы ответили на вопрос, *где мы находимся сейчас*). Был сделан следующий вывод: одно из самых перспективных направлений развития г. Краснодара – развитие культурного туризма как внешнего (рассчитанного на иногородних потребителей), так и внутреннего.

Краснодар – центр края с уникальными по значимости памятниками истории. Города Краснодар, Анапа, Армавир, Ейск, Сочи и станица Тамань были отнесены Постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19 февраля 1990 г. к историческим населенным местам России.

Историческое наследие Краснодара, воплощенное в материальные носители, в сочетании с уникальной природой Кубани вполне может составить конкуренцию мировому рынку индустрии культурного туризма. По документам архива Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в г. Краснодаре и его пригородной зоне зарегистриро-

вано 568 памятников истории и культуры. Из общего количества объектов историко-культурного наследия г. Краснодара на государственный учет поставлено 342 памятника. 226 объектов охраняются государством.

К сожалению, многие из этих уникальных по красоте и исторической значимости памятников постепенно разрушаются. Развитие культурного туризма в городе не только позволит достигнуть основных целей развития (благоустройство, занятость / доходы, продукт / услуга), но и сохранить недвижимые памятники истории и культуры.

На втором этапе были определены цели развития (т.е. мы ответили на вопрос, *к чему стремимся*). В нашем случае историческое наследие выступает в роли катализатора развития, содействует привлечению в город потенциальных потребителей. Реализация данной стратегии будет способствовать реструктуризации экономики города и даст возможность создать новые («хорошие») рабочие места, увеличить доход местного населения. Стратегия предусматривает маркетинг города, т.е. его рекламу как места жительства, места вложения капитала, развития бизнеса. Ее реализация позволит также создать новую услугу для местных жителей – внутренний туризм, сохранить уникальное историческое наследие г. Краснодара. В рамках стратегии были предусмотрены три проекта. **Проект А** включает инвентаризацию и уход за памятниками истории и культуры, выявление и регистрацию наиболее ценных памятников истории и культуры, их реставрацию, создание музейных комплексов. **Проект Б** – приведение в порядок территории и формирование базы необходимых услуг: создание сферы услуг, необходимых туристам; разработка необходимых городских и краевых транспортных маршрутных линий; организация работ по уборке территории города.

Проект В предусматривает проведение кампании по привлечению туристов: реклама через средства массовой информации; организация краеведческих семинаров; выпуск рекламных проспектов, открыток и т.п.

На третьем этапе были взвешены возможности и ресурсы, а также описаны действия и инструменты, необходимые для достижения результатов (т.е. мы ответили на вопрос, *как мы можем достичь желаемого*).

Стратегия развития туризма в г. Краснодаре – это одна из попыток по-новому взглянуть на ресурсы и направления развития города. Она предусматривает активное участие в развитии города всех социальных групп местного сообщества. К сожалению, по независящим от разработчиков причинам данная стратегия до сих пор не реализована, хотя, как уже говорилось, ее элементы вошли в планы развития г. Краснодара.

В заключение хочется пожелать не только специалистам в области управления развитием муниципальных образований, но и жителям городов, станиц, деревень не занимать выжидательную позицию, а самим проявлять инициативу. В наших силах сделать так, чтобы города не умирали.

Библиографический список

1. От исполнительства к стратегии развития местного сообщества / Под ред. С. Н. Железко, Т. Т. Авдеевой, Ю. В. Филиппова. Краснодар, 1996.
2. Филиппов Ю.В, Авдеева Т.Т. Основы развития местного хозяйства. М., 2000.
3. Филиппов Ю.В, Авдеева Т.Т., Пенюгалова А.В. Как организовать развитие? Краснодар, 1996.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ РОССИИ

А. А. Кизим, Я. А. Манченко, В. Н. Фадеев

Любая компания на российском рынке, имеющая широкие деловые связи с другими компаниями или насчитывающая несколько филиалов по стране, рано или поздно сталкивается с проблемой доставки корреспонденции, которая может заключать в себе не только деловую переписку, но и бандероли, посылки, а также различные грузы. В этот момент перед компанией возникает вопрос о том, каким образом доставить груз или корреспонденцию. Особую актуальность проблема приобретает в случае, если адресат находится за пределами Российской Федерации и сроки доставки должны быть минимальны.

Одним из важных условий при этом является возможность контроля со стороны компании за предметом доставки в любой момент времени, на любом участке движения. Таким образом, экспресс-доставка с точки зрения логистики и логистического подхода превращается в непрерывный поток: в одном направлении идет доставка как таковая, в обратном направлении – информационный поток о месте нахождения предмета доставки. Также должны быть определены моменты времени на функции доставки, в один из которых происходит, например, оплата услуг доставки.

ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКА = F (ВРЕМЯ, ЗАТРАТЫ, НАДЕЖНОСТЬ)

Выделенные важнейшие переменные при принятии управленческо-логистического решения предполагают (в нашей стране) как минимум четыре варианта решения.

1. Услуги Федеральной почтовой связи

Ближайшим аналогом курьерских служб в нашей стране долгое время являлась только Федеральная почтовая связь (современное название), а отечественный рынок такого рода услуг оставался монопольным именно благодаря ей. В настоящее время почтовые отделения по всей стране предоставляют следующий набор услуг:

- 1) письма – простые, заказные, с объявленной ценностью;
- 2) почтовые карточки – простые, заказные;
- 3) бандероли – простые, заказные;
- 4) специальные мешки «м»;
- 5) мелкие пакеты;
- 6) европисьмо;
- 7) особые.

В последнее время наблюдается переход Федеральной службы связи к более цивилизованным и рыночным методам работы, происходит отказ от «советской системы работы» (потерянные письма, долгие сроки доставки, отсутствие расширенных сервисных услуг и т.д.), начинает применяться *современный логистический подход*, опирающийся на создание системы слежения за своей корреспонденцией со стороны заказчика, гарантирование надежности и конфиденциальности доставки и т.д. Данные процессы наиболее активно происходят в крупных городах и сельские районы особо не затрагивают.

Одно из подразделений Федеральной почтовой связи РФ – ГП «Международный почтамт». Это главный Российский центр обработки международной почты, как поступающей в нашу страну, так и отправляющейся из нее. Именно он эффективно и продуктивно развивается в настоящее время.

Международный почтамт, находящийся в Москве, выполняет функции международного оператора, т. е. самостоятельно производит расчеты со всеми почтовыми администрациями стран – членов Всемирного почтового союза за услуги международной почтовой связи. Сегодня Международный почтамт поддерживает партнерские отношения со 189 иностранными почтовыми администрациями и многими крупнейшими авиакомпаниями мира. Тарифы на международные почтовые отправления и услуги почтовой связи определяются государством и являются на сегодняшний день самыми низкими на российском почтовом рынке. Международный почтамт тесно сотрудничает с Московской южной таможней. Была создана и успешно работает Служба почтовой безопасности, что позволило Международному почтамту достичь уровня сохранности почты, соответствующего мировым стандартам. Служба качества дает возможность своевременно и эффективно работать с зарубежными и отечественными клиентами по улучшению стандартов доставки почтовых отправлений.

2. Услуги совместного предприятия (на территории Краснодарского края)

Данный вариант является, с одной стороны, промежуточным между услугами почтовой службы и услугами курьерской службы, а с другой – примером плодотворного взаимодействия Краснодарского почтамта и глобальной системы экспресс-почты EMS (Express Mail Service) Garantpost.

Почтамт г. Краснодара – крупнейшее почтовое предприятие Юга России. В среднем ежедневно здесь принимается и отправляется 50 тыс. писем и бандеролей, 600 посылок, 1,5 тыс. денежных переводов, обрабатывается и доставляется 48 тыс. экземпляров газет и журналов. В настоящее время происходит дальнейшее развитие Краснодарского

почтамта с применением зарубежного опыта (руководитель Краснодарского почтамта В. Н. Фадеев побывал в 2001 г. на семинаре «Информационные технологии в почтовых процессах» в Нидерландах [8]).

Начиная с 1993 г. Краснодарский почтамт вошел составной частью в глобальную систему EMS Garantpost, которая включает в себя 184 страны мира. Среди других аналогичных систем, занятых эспресс-доставкой, EMS Garantpost была выбрана по двум основным критериям:

- сравнительно небольшой тариф, дающий возможность предоставления этой услуги более широкому кругу потенциальных клиентов;

- гарантия (на основании работы в странах Европы и Азии) сохранности и доставки отправок в течение 72 часов в любую из стран, участвующих в проекте.

В настоящее время EMS Garantpost – одна из лучших курьерских служб России, которая обеспечивает ускоренную доставку почты и других экспресс-грузов по системе «от двери до двери», когда отправление вручается непосредственно в руки адресату в любой стране мира.

В г. Краснодаре доставку отправок непосредственно получателю осуществляет специально выделенный курьер (для этого выделяется автомобиль). Кроме того, по заявкам клиентов курьер может принять любое почтовое отправление на дому (или в офисе) для отправки по системе EMS Garantpost в любую точку земного шара.

Маркетинговые исследования потенциальных пользователей почтовых услуг показали необходимость разработки более гибких тарифов на экспресс-доставку. Результатом этих исследований стало внедрение региональной ускоренной доставки почты по краю «Кубань-экспресс» (с 1999 г.). Перечень предоставляемых услуг краевой экспресс-достав-

ки практически аналогичен перечню услуг EMS. Тарифы «Кубань-экспресс» более низкие, что позволяет предложить эти услуги значительно большему числу как индивидуальных, так и корпоративных клиентов на всей территории Кубани. В перспективе планируется распространение этого вида экспресс-почты на территории Южного административно-территориального округа.

3. Услуги фирмы, являющейся курьерской службой

Малое время доставки – это основной фактор, обусловивший развитие курьерских служб и экспресс-доставки. Данные службы и специализированные транспортно-экспедиторские компании предоставляют услуги по доставке отправлений («от двери до двери», на следующий день после отправления) в различные города, страны, континенты [7].

На российском рынке присутствуют все основные международные экспресс-перевозчики: DHL, TNT, FedEx, UPS. По данным агентства Research International, проводившего исследование российского рынка экспресс-доставки в 1999 г., доля DHL составляет 51%, TNT – 19, UPS – 10, FedEx – 7, других служб – 13% [2].

В качестве примера компании, специализирующейся на оказании курьерских услуг, можно рассмотреть компанию DHL, которая вышла на российский рынок раньше всех других подобных зарубежных компаний – в 1984 г., а с 1996 г. активно включилась в разработку *логистических проектов*. Для развития деятельности в этом направлении в 1997 г. на базе сортировочного узла DHL в Шереметьево был развернут *логистический центр* SPC (Strategic Parts Centre – центр логистики локального уровня) для обслуживания российских клиентов [2]. Создатели DHL изначально ставили перед собой две задачи, от которых не отказались

и в дальнейшем [4]: 1) доставка грузов по всему миру; 2) ориентация на корпоративных клиентов.

По утверждению компании, что бы вы ни выбрали критерием оценки возможностей курьерской компании, DHL может предложить вам больше: больше стран и городов, больше информации, больше квалифицированного персонала и лучший сервис. При этом компания учитывает тот факт, что корпоративные клиенты заинтересованы в комплексе услуг, включая гарантии конфиденциальности, постоянный контроль за прохождением корреспонденции и возможность ее отправки действительно в любую точку планеты [6].

Для того чтобы воспользоваться услугами DHL, нужно позвонить в отдел по обслуживанию клиентов ближайшего офиса компании и вызвать курьера. Если это представляется вам более удобным, то вы можете принести отправление в офис или экспресс-центр компании в течение рабочего дня. Для грузов, подлежащих таможенной обработке, персонал DHL на основании предоставленных отправителем документов и в соответствии с таможенным законодательством обеспечит оформление декларации и прохождение через таможню [5].

Если ваша информация финансовая, то ее особым образом маркируют, и она подлежит отправке отдельно от всех прочих отправлений, что служит дополнительным гарантом того, что будут соблюдены сроки доставки и информация попадет к адресату [5].

В процессе оформления курьер снабдит вверенный груз штрих-кодом. После этого посылка или письмо окажется занесенным в информационную сеть курьерской службы. Далее по ходу следования в каждом очередном перевалочном пункте упаковку отправления будут сканировать, и

данные об этом также окажутся в информационной сети. В любой момент вы можете получить сведения о местонахождении и статусе вашего груза с помощью этой системы, которая позволяет контролировать путь его следования по сети DHL до получателя [1].

Основные виды услуг, предоставляемых компанией своим клиентам

Международные отправления

Документ (International Document) SM – международная экспресс-доставка различных видов документации и предметов, не имеющих коммерческой стоимости. Эта услуга предусматривает доставку в 224 страны.

Экспресс документ (Express Document) SM – пересылка любой корреспонденции весом до 200 г (до 30 листов формата A4) за границу по специальному льготному тарифу при оплате наличными или кредитной картой по факту отправления.

Посылка DHL Worldwide Package Express (WPX) TM – международная экспресс-доставка предметов, проходящих необходимые процедуры по таможенному оформлению. DHL, на правах таможенного брокера, осуществляет регистрацию груза на таможне в стране отправления и в стране получения посылки. Отправителю необходимо составить сопроводительное письмо и предоставить пакет документов для декларирования груза в соответствии с требованиями таможенного законодательства Российской Федерации.

Импорт-экспресс (Import Express) SM – с помощью этой услуги возможно регулярно получать грузы от любых отправителей, находящихся в странах – участниках программы Импорт-экспресс, и оплачивать расходы за их транспортировку при получении.

Отправки внутри страны (Domestic Service)

DHL оказывает услуги по пересылке корреспонденции и грузов внутри страны более чем в 260 российских городов и населенных пунктов. Также введены две новые услуги: Domestic Express (аналог Express Document) и Jumbo Junior Box.

Специальные услуги

Авиафрахт (Airfreight) SM — транспортировка тяжелых негабаритных грузов общим весом более 250 кг, состоящих из одного или нескольких мест, где вес одного места превышает 50 кг, а также опасных грузов (не указанных в списке запрещенных грузов). DHL осуществляет доставку груза до аэропорта назначения.

Международная почта (Worldmail) SM — способ пересылки большого количества корреспонденции, не требующей срочной доставки, при проведении рекламных, информационных и поздравительных кампаний. DHL доставляет письма до регионального почтового центра для их дальнейшего распространения по каналам почтовых систем стран получателей.

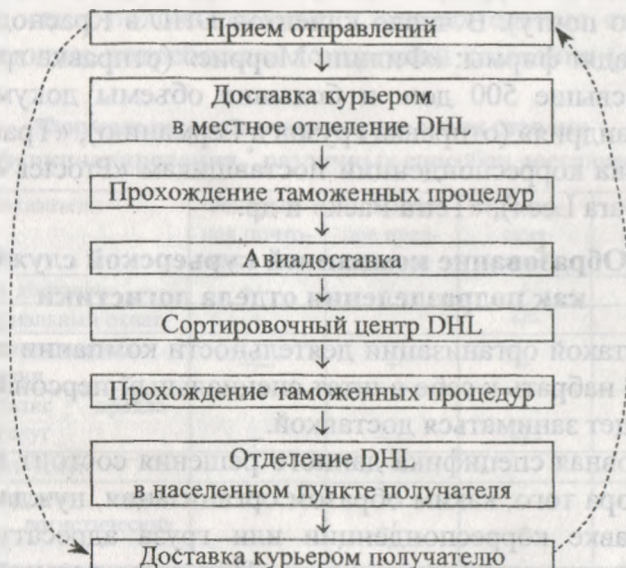
Дополнительные услуги

Страховое покрытие грузов (Insurance) SM означает, что компания берет на себя повышенную ответственность за сохранность отправки и обеспечивает финансовую защиту от всех рисков физического повреждения или утери груза. Если приобретается страховое покрытие, то автоматически предоставляется гарантия полного или частичного возмещения заявленной стоимости груза и тарифа DHL.

Доставка специальным курьером (On-Board Courier Service) SM предусмотрена для срочной корреспонденции

или груза в пределах СНГ, она охватывает и те города, где нет офисов компании.

Схема логистической цепочки доставки грузов компании DHL представлена на рисунке.

Компания DHL открыла Краснодарское отделение в 1995 г. Цель создания нового офиса еще в одном городе – завоевать как можно больший сегмент рынка. Краснодарский край – прекрасное место для развития бизнеса и вложения финансовых средств. В крае много компаний, которые нуждаются в экспресс-доставке и могут оплатить услуги международного перевозчика; данным обстоятельством и воспользовалось руководство компании DHL для расширения своей деятельности. Структура Краснодарского отделения соответствует всем нормам и правилам, регламентируемым московским офисом DHL, который в свою очередь подчиняется центральному офису во Франкфурте-на-

Майне. Особый интерес у краснодарских клиентов компании вызывает возможность воспользоваться услугами компании и отслеживать информацию с помощью Internet (45% вызовов курьера и отправок происходит через электронную почту). В число клиентов DHL в Краснодарском крае входят фирмы: «Филипп Моррис» (отправка грузов на сумму свыше 500 дол. и большие объемы документов), «Александрия» (отправка грузов в Германию), «Трансазия» (отправка корреспонденции поставщикам «Procter & Gamble», «Sara Lee»), «Tetra Pack» и др.

4. Образование компанией курьерской службы как подразделения отдела логистики

Для такой организации деятельности компании ей необходимо набрать к себе в штат специальный персонал, который будет заниматься доставкой.

Основная специфика данного решения состоит в свободе выбора того, каким образом организация, нуждающаяся в доставке корреспонденции или груза адресату, будет производить экспресс-доставку. При этом возможно достигнуть почти 100% конфиденциальности и надежности доставки информации, построить любые (по выбору компании) системы и модели доставки. Но данный путь – самый трудоемкий и дорогостоящий, так как требует от организации комплексного взвешенного решения. Прежде всего следует:

- 1) разработать структуру отдела по доставке;
- 2) подобрать необходимый персонал и оборудование;
- 3) создать и утвердить логистическую схему экспресс-доставки к каждому предполагаемому адресату;
- 4) организовать деятельность по доставке;
- 5) разработать систему контроля осуществления процесса доставки.

Как видим, такой вариант приемлем только для крупной фирмы, которая обладает необходимыми финансовыми и логистическими ресурсами.

Каждый из рассмотренных вариантов имеет свою специфику, свои положительные и отрицательные стороны, учитывающие потребности конкретной компании (см. таблицу).

Формальные признаки определения степени функционирования * различных способов доставки

Показатели	Федеральная почтовая связь	Совместное предприятие	Курьерская служба	Специальный отдел
Скорость доставки	+/-	+/-	+	-
Территориальный охват	+	-	+/-	-
Конфиденциальность информации	+/-	+	+	+
Разнообразие предлагаемых услуг	-	+/-	+/-	+
Стоимость услуг	+	+	-	+/-
Использование современных логистических методов	-	+/-	+	+

Специальный отдел в структуре компании, как первый выделенный сегмент из общего понятия «курьерская служба», больше подходит для крупной компании, имеющей обширные и достаточно устойчивые связи с определенным кругом адресатов. В таком случае имеет смысл создавать в организации отдел курьерской службы или доставки грузов и корреспонденции.

Во всех остальных случаях сразу возникает фактор неопределенности. Он связан, во-первых, с самой компанией,

* «+» – успешное функционирование, «-» – отсутствие функционирования, «+/-» – приемлемое функционирование.

имеющей адресатов либо эпизодических, либо нерегулярных, либо не являющихся строго определенными, во-вторых, с тем, какой именно набор услуг предлагается курьерскими фирмами. Конкретный выбор, который делает компания, определяется ее кредитоспособностью и желанием доставить груз как можно быстрее и более надежными методами.

В качестве перспективы дальнейшего развития данного рынка логистических услуг – рынка экспресс-доставки – следует назвать использование новейших разработок в области Интернет-технологий: электронная почта, специальные ресурсы Интернет-компаний, позволяющие размещать документы для совместной работы в режиме удаленного доступа [3]. С одной стороны, они дают возможность обходиться без услуг экспресс-перевозчиков в тех случаях, например, если речь идет о рабочих документах для передачи в филиалы организации, партнерам, клиентам и т.д. С другой стороны, развитие электронной торговли, обслуживающей как юридических, так и физических лиц, может значительно увеличить количество небольших экспресс-перевозок, причем заказ можно сделать из любой точки мира.

Не случайно среди почтовых предприятий стран ЕС заключаются соглашения о сотрудничестве и о взаимном участии в капитале, что уже в недалеком будущем позволит создать европейскую сеть экспресс-доставки. Это вызвано тем, что на сегодняшний день даже крупная фирма, занимающаяся экспресс-доставкой, не может предоставить услуги по доставке такого качества и в таком объеме, которые бы удовлетворяли клиентов. Время выполнения заказа даже в современных дистрибьюторских центрах слишком долгое – от 21 до 30 часов, а используемые для сбыта логистические структуры не приспособлены для выполнения

нового вида услуг [9]. Выявленные требования вынуждают придумывать новые логистические структуры и компоненты, которые бы позволили выполнять доставку быстро и качественно.

Библиографический список

1. Бутвина Е. Логистика и курьерский сервис – симбиоз двух подходов // Бизнес: организация, стратегия, системы. 2000. № 5.
2. DHL – профессиональная логистика в экспресс-доставке // Логинфо. 2001. № 4.
3. Зубченко Л.А. Логистика и Интернет // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. №2.
4. Ромашкевич А. Банкир останется доволен // Бизнес: организация, стратегия, системы. 1999. № 9.
5. Ромашкевич А. Береженого DHL бережет // Там же. 1999. № 11.
6. Ромашкевич А. Обрусевшие американцы // Там же. 1999. № 9.
7. Сергеев В.И., Кизим А.А., Эльяшевич П.А. Глобальные логистические системы: Учеб. пособие. СПб., 2001.
8. Фадеев В.Н. Записки семинариста // Кубань сегодня. 2001. 11 июня.
9. Wehking K.-H. Новые логистические структуры обеспечивают клиентам дополнительную выгоду // Логинфо. 2001. № 4.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Мир движется вперед со скоростью
несколько гордиевых узлов в год.*

В. Брудзинский

*Разумный человек приспосабливается к миру;
неразумный пытается приспособить мир к себе.*

Д. Б. Шоу

**ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КАРТИНА МИРА
МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
РИСУНКОВ)**

*И. Ю. Лизогуб,
И. В. Самаркина*

**ТРАЕКТОРИИ
ЛИЧНОСТНО-
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ
УЧИТЕЛЯ
ЗРЕЛОГО
ВОЗРАСТА
ВИНОВАТОРНОЙ
ШКОЛЕ**

Г.А. Бурмистрова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПОНЯТИЯ
«СОВЛАДАНИЕ»
В ПСИХОЛОГИИ
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПОНЯТИЯ
А.Н. Демин**

**О РЕСУРСАХ
СОВЛАДАЮЩЕГО
ПОВЕДЕНИЯ
Е. Ю. Кеженикова**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РИСУНКОВ)*

И. Ю. Лизогуб, И. В. Самаркина

В каждом обществе с детьми связывают будущее общества, его экономики, политики и искусства, будущую стабильность или нестабильность социальной системы. Изучение политической картины мира детей помогает не только понять, как представляют дети политику, но и найти ответы на некоторые теоретические вопросы, касающиеся как универсальных механизмов процесса политической социализации, так и их особенностей в различных политических системах.

Целью нашего исследования было изучение политической картины мира детей младшего школьного возраста в стабильной политической системе (исследование проводилось в США накануне выборов президента в 2000 г.).

Методология и методика исследования

Изучение политической социализации — область междисциплинарных исследова-

* Проект выполнен при финансовой поддержке департамента правительства США по вопросам международного образования (программа JFDP). Авторы благодарят преподавателей рисования Кети Ляска и Кети Макгвайер за помощь в организации и проведении исследования.

ний, и наш проект – наглядный пример тому.

Следуя традиции системного анализа политики, мы рассматриваем процесс политической социализации как одну из основных функций политической системы, направленную на формирование политической поддержки.

Под политической социализацией мы понимаем процесс, посредством которого политические нормы и модели поведения, приемлемые в существующей политической системе, передаются из поколения в поколение [10, с. 1]. Таким образом, политическая социализация предполагает передачу ценностей политической культуры от одного поколения к другому. Анализируя результаты политической социализации, мы использовали концепцию политической культуры, изложенную в работах Алмонда, Вербы и их коллег [3].

В современной политической психологии убедительно доказано, что стресс системы уменьшается, если граждане принимают предложенные им системой правила игры без сопротивления и добровольно, постепенно и с раннего возраста. Политические установки взрослых являются конечным продуктом предыдущего научения и определяют поведение [5, с. 28].

Для обоснования выбранной нами методологии важно отметить еще один тезис, выдвинутый Д. Истоном [4, с. 435–457]: человек будет оказывать политической системе поддержку в зрелом возрасте в том случае, если в детстве его отношение к системе было позитивно. Детская политическая картина мира, конечно, не совпадает в деталях с вновь приобретенными убеждениями. Но базовые ценности поддержки остаются и проявляются в лояльности к власти, в доверии к государству, в симпатии к национальному флагу, в идентификации со своей страной.

Результаты первичной политической социализации зависят от социального статуса семьи. Степень поддержки политической системы среди детей среднего класса и детей из других социальных и этнических групп различна [6, с. 288].

Наш выбор возраста респондентов (9–11 лет) объясняется тем, что именно младший школьник впервые становится субъектом отношений «ребенок – общество». Школа – один из важнейших институтов политической социализации, и «правда состоит в том, что в любой школе невольно пропагандируются политические ценности» [8, с. 180–181].

Политическая социализация является частью процесса развития мышления и интеллекта ребенка. В выборе методики для нашего исследования мы опирались на концепцию Ж. Пиаже [1, 2] о стадиях развития интеллекта ребенка. Исследуя процесс социализации детей, и политической социализации в частности, исследователь сталкивается с проблемой выбора адекватного метода исследования. Мы предлагаем использовать метод контент-анализа детских рисунков.

Изложенные выше теоретические положения позволили нам выдвинуть следующие рабочие гипотезы:

1) в возрасте 9–11 лет дети уже знакомы с государственной и политической символикой;

2) младшие школьники имеют общее представление о ролевой структуре политики;

3) дети представляют политический процесс как совокупность нескольких сюжетов;

4) существуют гендерные и возрастные (между 9- и 11-летними) различия в политической картине мира младших школьников.

Необходимо отметить, что мы не являемся пионерами в контент-анализе детских рисунков, посвященных политической проблематике. Исследовательская группа факульте-

та социологии Санкт-Петербургского государственного университета проводила исследование отношения детей к выборам в Государственную Думу Российской Федерации в Санкт-Петербурге и некоторых городах Ленинградской области. Они еще не опубликовали полностью свои результаты, но материалы, которые можно найти на сайте факультета [7], позволяют предположить возможность сравнения результатов наших исследований.

Наше исследование проводилось в двух начальных школах г. Терра Хот (штат Индиана, США): Fuqua School и Hoosier Prairie накануне выборов президента США (23 и 27 октября 2000 г.). В качестве респондентов выступали учащиеся 4–5-х классов, всего 116 человек, из них 51 мальчик и 65 девочек в возрасте 9–11 лет.

Рисунки детей (всего 116) были подвергнуты контент-анализу. Предметом исследования служила картина политического мира описанной группы детей младшего школьного возраста, объектом исследования – детские рисунки. Единицами анализа выступали отдельные элементы рисунков, например, флаг США, кандидат в президенты, избирательный бюллетень.

На первом этапе каждый рисунок был разбит на единицы анализа вне зависимости от того, связаны ли они с политикой или нет. Получив набор из 55, мы сгруппировали их по категориям, несущим политическую нагрузку (таковых оказалось 17) и не несущим политической нагрузки. Для дальнейшего анализа из первой группы единиц были выбраны только те, которые использовались в рисунках более чем 10% детей.

В соответствии с выдвинутыми гипотезами при анализе учитывались также демографические данные (пол, возраст, этническая принадлежность).

Для того чтобы определить структуру связей между элементами, которые наиболее часто встречались в рисунках детей, и таким образом найти типичные сюжеты, мы использовали *иерархический кластерный анализ*. Анализ был применен по отношению к переменным (единицам анализа), а не к объектам (рисункам как таковым).

В качестве метода кластерного анализа мы выбрали метод Варда (агломеративную * процедуру иерархического кластерного анализа), основанный на предположении о том, что с уменьшением количества кластеров от k к $k-1$, $k-2$, ..., 1 группировка все более отличных объектов приводит к все менее точной информации. Цель каждого этапа процедуры – формирование группы таким образом, чтобы квадрат внутригрупповых отклонений от группового среднего был минимальным. Функция определяется через сумму квадратов внутригрупповых отклонений. Каждый шаг предполагает рассмотрение всех возможных пар $(N(N-1)/2)$ и отбор пары, для которой значение функции наименьшее [9, с. 90–99].

Структура связей, полученная методом иерархического кластерного анализа, была подтверждена *одноуровневым кластерным анализом* (K.-Means Cluster), проведенным с целью выявления принадлежности объектов (рисунков) к определенным кластерам (т.е. одноуровневый кластерный анализ применялся по отношению к рисункам, а не по отношению к единицам анализа). Первоначальные центры кластеров были определены на основании иерархического кластерного анализа. Нами использовалась итеративная процедура, которая подбирает кластеры с дальнейшими

* В отличие от дивизимных кластерных процедур, агломеративные процедуры начинаются с разъединенного набора элементов, каждый из которых представляет собой кластер. На каждом следующем этапе новые кластеры объединяются до тех пор, пока не остается один.

поисками оптимизации первоначально определенного решения. В дополнение к кластерному анализу мы проанализировали таблицы частот для того, чтобы определить наиболее типичные элементы, а также возможные различия между рисунками разных групп детей.

Интерпретация результатов

Проведенный анализ позволяет нам описать политическую картину мира исследованной группы младших школьников следующим образом.

Политические символы. Дети знакомы и успешно используют для описания политики государственную и политическую символику: государственный флаг, изображения Капитолия и Белого дома, статуи Свободы [рис. 1], орла, слона [рис. 2] и осла как символов политических партий, портреты бывших президентов страны (Вашингтона [рис. 3], Линкольна [рис. 4], Клинтона). Политическая и государственная символика присутствует в 76 рисунках, что составляет 65,5% выборки.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

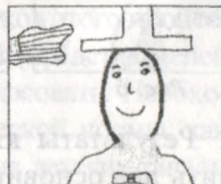

Рис. 4

Рис. 5

Наиболее узнаваемым и часто встречающимся в рисунках государственным символом является *флаг* [рис. 5], он был использован в 59,5% рисунков. Согласно результатам кластерного анализа, исследуемая группа детей воспринимает этот символ достаточно абстрактно, однозначно связывая его с атрибутами власти или результатом борьбы за власть.

Ролевая структура политики. Подтвердилась выдвинутая нами гипотеза о том, что дети младшего школьного возраста представляют себе политику как поле деятельности нескольких акторов, играющих присущие им политические роли. В представлении детей этого возраста ролевая структура политики такова: 1) кандидаты, ведущие борьбу за власть (в эту категорию вошли как персоналии – Джордж Буш [рис. 6] и Альберт Гор, так и безымянные персонажи), были изображены на 41,4% рисунков; 2) народ, люди, к которым эти кандидаты обращаются, присутствуют на 44,8% рисунков [рис. 7]; 3) другие участники избирательного процесса (избиратели [рис. 8], наблюдатели на выборах, активисты-агитаторы) представлены в работах 18,1% детей.

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Результаты кластерного анализа позволили нам выделить два основных сюжета, в рамках которых исследуемая группа детей осмысливает политику: 1) предвыборная борьба [рис. 9]; 2) процесс голосования*. Несомненно влияние как средств массовой информации [рис. 10], так и личного опыта на появление этих сюжетов. Предвыборная борьба изображена как процесс дебатов (в 16,4% рисунков)

* Единица анализа «флаг США» не была отнесена ни к одному из сюжетов и может быть рассмотрена как отдельный кластер.

или как предвыборные митинги (24,1%), при этом наиболее часто данный сюжет сопровождается следующими элементами: кандидат (41,1%), призыв голосовать за конкретного кандидата или анонимный призыв голосовать (36,2%), микрофон или телекамера (30,2%) [рис. 11].

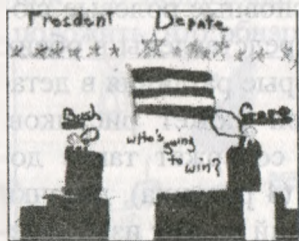

Рис. 9

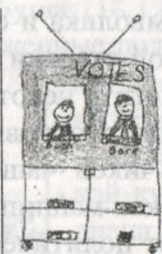

Рис. 10

Рис. 11

Процесс голосования дети этого возраста представляют себе наиболее детально и реалистично, это можно объяснить тем, что, во-первых, родители берут их с собой на избирательные участки во время выборов, во-вторых, тем, что накануне выборов в школах проводятся специальные занятия в рамках предмета «Социальные науки». В качестве участников этого процесса дети выделяют избирателей, наблюдателей (представителей двух партий) и активистов, призывающих голосовать. Необходимо отметить, что осознание такой юридической нормы, как запрет агитации на избирательных участках, на детских рисунках полностью отсутствует, что согласуется с описанными теоретическими положениями и возрастными особенностями исследуемой группы детей.

Некоторые полученные данные можно интерпретировать как иллюстрацию положения о том, что особенностью детских представлений о мире в этом возрасте является переход от общей эгоцентричности (по терминологии Пиаже) к децентрализации. Так например, политика на 11% полученных нами рисунков представляется детьми через приз-

му их семейных отношений. Дети изображают место работы родителей и свою школу, украшая эти здания государственными флагами.

Незначительный объем выборки не позволил нам найти существенных различий в политической картине мира мальчиков и девочек. Символика и основные ролевые сюжеты практически в равной степени представлены в обеих группах. Хотя можно отметить некоторые различия в деталях, которые сопровождают основной сюжет рисунков. Например, рисунки мальчиков чаще содержат такие дополнительные элементы, как машины (4 рисунка), девочки в основном иллюстрируют политический сюжет изображением солнышка (7 рисунков), облаков (5 рисунков) или звезд (6 рисунков). На рисунках девочек можно чаще встретить половую дифференциацию (изображенные люди определено или мужчины или женщины на 12 рисунках девочек и на 1 рисунке, сделанном мальчиком). Девочки чаще отображали на своих рисунках партийную принадлежность кандидатов (из 7 рисунков всего 1 принадлежит мальчику), упоминая партийные форумы (конгрессы Демократической или Республиканской партий), зато мальчики чаще использовали для партийной идентификации принятые символы – слона и осла (5 рисунков мальчиков и 1 – девочки), а также Белый дом и Капитолий (6 рисунков мальчиков и 1 – девочки).

Политические аттитюды. О наличии политических аттитюдов в исследуемой группе детей следует говорить осторожно. Для анализа мы брали отдельную переменную, в которой фиксировали позитивное отношение к одному из кандидатов (Гору, Бушу) или отсутствие какого-либо отношения. Позитивное отношение фиксировалось, если на рисунке преобладали призывы голосовать за одного из кан-

кандидатов, либо рисунок иллюстрировал празднования по поводу уже состоявшейся победы одного из кандидатов. Рисунков, в которых таких предпочтений не зафиксировано, оказалось большинство – 88 рисунков, или 75,9%, 7 рисунков свидетельствуют о симпатии Гору (6%) и 21 рисунок – о поддержке Буша (18,1%) [рис. 12]. Можно предположить, что обнаруженные политические предпочтения –

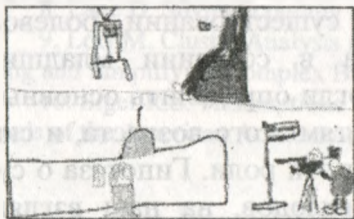

Рис. 12

это отражение политических взглядов родителей и особенностей региональной политической культуры. Известно, что Индиана традиционно республиканский штат. Однако, на наш взгляд, этот тезис требует более глубокого исследования.

Мы получили лишь один рисунок, который можно однозначно интерпретировать как негативное отношение к политике [рис. 13]. Автором рисунка был мальчик, афро-американец, который нарисовал американский флаг, простреленный в 4 места, и под ним два пистолета. Когда ему предложили объяснить содержание, он ответил, что флаг прострелен, потому что идет «гражданская война между Севером и Югом».

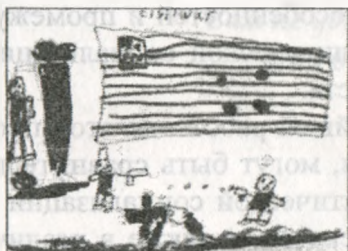

Рис. 13

Учительница попросила его нарисовать еще что-нибудь, и он продолжил этот сюжет, нарисовав повешенного, убитого, раненого, стреляющих друг в друга людей. Однако, этот рисунок, хотя и является показательным примером негативного отношения к политической системе, обусловленного прежде всего социальным

статусом семьи (безработные родители), на наш взгляд, не может рассматриваться больше, чем пример. Эта проблема требует дополнительных исследований.

Итак, проведенный нами анализ подтвердил первоначальные гипотезы о знании младшими школьниками политической и государственной символики, что говорит о начале формирования государственной идентификации. Подтвердилась также гипотеза о существовании ролевой структуры политического мира в сознании младших школьников. Кроме того, мы смогли определить основные политические роли, известные детям этого возраста, и сюжеты с которыми дети связывают эти роли. Гипотеза о существовании политических аттитюдов, на наш взгляд, требует более глубокого исследования. Гипотеза о наличии существенных возрастных различий (между детьми 9 и 11 лет) не нашла подтверждения в нашем исследовании, что мы объясняем в первую очередь незначительным объемом выборки.

В целом мы считаем, что предложенный метод может быть продуктивным для анализа особенностей и промежуточных результатов процесса политической социализации детей младшего школьного возраста.

Одним из направлений дальнейшей работы по этой проблематике, с нашей точки зрения, могут быть сравнительные исследования процесса политической социализации в различных типах политических систем, а также в различных качественных состояниях политической системы.

Библиографический список

1. Брангье Ж.-К. Беседы с Жаном Пиаже // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 2–6.
2. Пиаже Ж. Суждения и рассуждения ребенка. М., 1969.

3. Almond G., Verba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, 1989; Pye L.W., Verba S. (eds.). Political Culture and Political Development. Princeton, 1965.

4. Easton D. The Reassessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. 1975. № 5.

5. Easton D., Dennis J. Children in the Political System. N.Y., 1969.

6. Hermann M (ed.), Political Psychology. San Francisco, 1986.

7. <http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/ui2000/home.html>.

8. Lane D. Soviet Economy and Society. Oxford, 1985.

9. Lorr M. Cluster Analysis for Social Scientists. Techniques for Analyzing and Simplifying Complex Blocks of Data. San Francisco, 1983.

10. Sigel R.S. Assumptions about the learning of political values // Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1965.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Вам не удастся никогда создать мудрецов,
если будете убивать в детях шалунов.*

Вольтер

*Когда народ кого не любит,
Полки его и деньги – прах.*

Г. Р. Державин

ТРАЕКТОРИИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УЧИТЕЛЯ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА В ИННОВАЦИОННОЙ ШКОЛЕ

Т. А. Бурмистрова

Проблема зрелости заключается в том, как заботиться о тех, кто вверен нам тогда, когда наша идентичность уже сформирована, о тех, формирование чьей идентичности теперь на нашей совести.

Э. Эриксон

В отечественной возрастной психологии вопросы развития взрослых людей долгое время оставались на периферии научных исследований. Интерес к этой области в России стал заметно активизироваться в последнее десятилетие, что определяется не только внутренней логикой развития науки, но и насущными требованиями практики, прежде всего сферы образования. Осуществление перехода от авторитарной к личностно-ориентированной парадигме в образовании привлекает исследовательское внимание к возрастным особенностям личностно-профессионального развития учителя, имеющего значительный опыт работы в авторитарной школе. Десятилетний период экспериментирования предоставил возможность проследить путь личностно-профессионального движения взрослого человека-учителя в условиях инновационной школы.

Особенности возрастного развития в зрелый период жизни человека

Понятие «зрелость» и «взрослость» не являются синонимами в силу различающегося смыслового наполнения. В зарубежных исследованиях они дифференцируются и обозначаются разными терминами: «maturity» и «adulthood».

Зрелость взрослого человека может включать разные составляющие: умственная зрелость, личностная зрелость, трудовая, как индивида (физическая зрелость). Каждой из них человек может достигать в разном возрасте [1, с.71]. Понятие «зрелая личность» – сравнительно новое в психологии. Категорию зрелости в первую очередь соотносят с исследованием экзистенциального отношения к своей жизни: к своему Я в широком смысле – к возможностям повлиять на мир и изменить его, вписать себя в многомерный социокультурный опыт, в универсум, в космос. Содержательное наполнение этого понятия во многом определено анализом таких явлений, как «бегство от свободы» (Э. Фромм), «экзистенция» (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс), «самоактуализация» (А. Маслоу), «самость» (К.-Г. Юнг), «социальный интерес» (А. Адлер), жизненный смысл (В. Франкл), «эгоинтеграция» (Э. Эриксон) и др. [12, с. 6].

Анализ теорий личностного развития показывает, что зрелость – это качество функционирования и здорового развития взрослого человека. Оно не наступает одновременно со взрослостью, а требует «опыта жизни», времени и событий, которые позволяют приобрести зрелость как новое качество личности. В наиболее известных периодизациях развития взрослого человека период жизни от 35 до 40 лет связывают с достижением зрелости. Основная психологическая задача обозначенного возраста, в концепции Э. Эриксона, – это приобретение генеративности. Главная дилемма зрелого возраста связана с противоречием между способностью человека к развитию, которую он получает на основании благоприобретенного на предыдущих стадиях, и личностным застоем, медленным регрессом личности в процессе обыденной жизни, это противоречие неуспокоенности (генеративности) против поглощенности собой и

стагнации. Если ситуация развития во взрослости неблагоприятна, то, как указывает Эриксон, создаются защитные системы псевдоблизости: появляется чрезмерная сосредоточенность на себе, приводящая к косности, застою, личностному опустошению [18, с.16].

В периодизациях возрастного развития В. И. Слободчикова и Л. Гоулда 35–45 лет – это время окончательного взросления, время упрочнения самобытности [13, с. 20]. Согласно Л. Гоулду, взросление – это процесс отказа от детских иллюзий и ложных представлений в пользу уверенности в своих силах и самопринятия. В период, когда человек достигает зрелости, наступает рассвет жизни. Взрослые избавляются от детской потребности в безопасности, становятся способными исследовать и отвергнуть глубокое чувство собственной никчемности и злобности, которое осталось с детства. Начинается период «автономного взрослого созревания». С одной стороны, люди в эти годы уже добились авторитета и построили стабильный и надежный мир, с другой стороны, появляется страх, что не все поставленные цели могут быть достигнуты, ощущение того, что время уходит и больше ничего нельзя откладывать [20]. В этой фазе жизни человек в зависимости от индивидуальных свойств личности более всего ориентирован на достижение общественно значимых целей и материального благополучия. Ему свойственны взвешенные оценки своих возможностей. К окончанию ступени индивидуализации складывается целостная самооценка личности, в которой отражены результаты жизненного пути как целого, жизни как решаемой задачи. Человек становится и субъективно осознает себя единственным в своем роде, уникальной и неповторимой личностью. К 40 годам человек обретает уникальную полноту самобытия, которая складывается

ся из многообразия его прав и обязанностей в разных сферах жизни и деятельности (в обществе, на работе, в семье), и в то же время – предельную ответственность за мир и за себя в мире [14, с.349–451].

Многие авторы строят свое видение развития взрослого человека, исходя из того, что смысловая система индивидуума развивается и определяет его поведение и жизненно важные решения. Осмысление жизни выступает в качестве основного механизма развития взрослых. К середине жизни, согласно Д. Ловингер, процесс развития Эго достигает такого уровня, когда возможно самопонимание, улаживание внутренних и внешних конфликтов; интеграция понимания себя с пониманием других * [21]. К 40 годам происходят изменения в жизни взрослого человека, связанные с изменением его функций как родителя, что в свою очередь опосредуется взрослением детей и прохождением ими собственных возрастных кризисов. Взрослые как родители решают разные задачи на разных стадиях развития детей, так как каждый критический период для ребенка создает или вызывает критический период для родителей [7]. На каждой стадии родители должны суметь разрешить свои внутренние конфликты на новом и более высоком уровне интеграции [7].

Обобщая возрастные характеристики, типичные для периода середины жизни, авторы подчеркивают, что существуют значительные индивидуальные различия между взрос-

* В концепции Д. Ловингер, Эго – это психоаналитический конструкт, близкий по смыслу, но не тождественный Я-концепции. Это процесс, управляющий извлечением смысла из личного опыта. Эго проходит в своем развитии ряд стадий, которые зависят от смысловых структур или толкований внешнего мира и от структур характера.

лыми людьми в прохождении ими возрастов взрослости, которые, помимо всего прочего, определяют собственный темп развития, способность к осмыслению жизни и способность к изменениям [21]. Одним из критериев зрелости выделяют способность реагировать на изменения и успешно приспосабливаться к новым условиям жизни [7]. «Зрелому человеку необходимо, чтобы в нем нуждались, и зрелость ведома природой того, о чем следует заботиться» [18, с.149].

Понятие личностной зрелости не только описывает возрастные изменения человека, но и указывает направление здорового развития взрослого. Этот процесс может быть рассмотрен как «бесконечная цепочка ситуаций свободного выбора, в которой человек пребывает в каждый момент своей жизни, будучи вынужден выбирать между безопасностью и развитием, зависимостью и независимостью, регрессом и прогрессом, незрелостью и зрелостью» [10, с. 75]. Понятие «зрелость личности» используется в психодинамических теориях, начиная с Фрейда. Взрослый человек постепенно высвобождается от плена собственного Я и начинает ориентироваться на решение духовных задач, достижение внутреннего чувства общности с другими людьми, миром, космосом. Показателем зрелости будет выступать «сознательная реализация человеком всех элементов личности» [19, с. 205]. В психодинамической гештальттерапии понятие зрелости становится центральным, вбирающим в себя основные признаки, названные в психоанализе, определяющим конечную цель терапии. Характерные особенности зрелой личности – принятие ответственности (но уже за самого себя, за свои собственные чувства, верования, отношения и поведение), переход от поддержки со стороны окружения к самоподдержке, развитие собственного потенциала; конгруэнтность, в которой отражаются правдивые для самого себя ценности, надежды и чувства [3; 7].

В теории Олпорта зрелая личность – синоним здоровой личности. Созревание человека – это непрерывный, продолжающийся всю жизнь процесс становления. Существует качественная разница между зрелой и невротической личностью, состоящая в том, что поведение зрелых субъектов функционально автономно и мотивировано осознанными процессами. Напротив, поведение незрелых лиц преимущественно направляется неосознанными мотивами, проистекающими из переживаний детства; можно описать основные черты психологически зрелого человека [16, с. 28].

Анализ психологических исследований проблем развития взрослого человека в период середины жизни и представлений о зрелости и ее критериях позволяет сделать вывод о том, что зрелость – ключевое новообразование среднего возраста. Это интегральная и системная характеристика личности, достигаемая взрослым человеком по мере приобретения и пересмысления жизненного опыта. К важнейшим ее признакам относятся:

- ответственность за собственную субъектность;
- развитие собственного потенциала;
- конгруэнтность, в которой отражаются правдивые для самого себя ценности, надежды и чувства;
- реалистичность целей и представлений о мире и самом себе;
- самоподдержка и самопринятие;
- эмоциональная гибкость и устойчивость.

Инновационная школа как социальная ситуация личностно-профессионального развития учителя

Инновационная школа как социальный институт, связанный с внедрением принципиально новых элементов в сферу образования, задает особые условия деятельности и

развития учителя. Под инновационной организацией школы понимается «такая организация жизни и деятельности всех вовлеченных в образовательный процесс, при котором регулярно происходит возвращение к основаниям этого процесса, анализ этих оснований, целей и средств деятельности и смена средств, целей, техник – пересамеоопределение всех участников школы, а затем и реализация нового самоопределения» [15, с.228].

В педагогической практике под инновационными школами часто понимаются все учебные заведения, которые применяют какие-либо нововведения. За счет такой объемной характеристики к группе инновационных школ относят совершенно различные школы, находящиеся на разных уровнях осмысления своей профессиональной деятельности. Ряд школ, ничем не отличающихся от традиционных образовательных учреждений, берут ориентацию на «инновационность» как на очередную идеологическую установку [6, с. 45]. При этом, по меткому замечанию И. Фрумина, «концептуальная эпидемия», поразившая российское образование, после потери его единообразия не только не решает практических проблем, но и усугубляет их. «Выбираясь из-под завалов авторитарной педагогики, почти все становились под знамена личностно-ориентированного подхода, независимо от истинной сути педагогической позиции... Редкий педагог откажется от возможности назвать себя гуманистом или либералом, но это вовсе не значит, что массовая школа стала личностно-ориентированной и поддерживающей. Факты сплошь и рядом свидетельствуют о другом. Часто учитель продолжает работать в технологии воздействия, а думает, что это и есть «поддержка» только потому, что он заменил крики и угрозы на издевательские и

ехидные замечания, считая их «воздействием юмором» в духе подростковой субкультуры» [8, с. 92].

Каков бы ни был характер вводимых в школе инноваций, «реальный» или «формально-концептуальный», инновационная школа предоставляет уникальную возможность изучения особенностей возрастного развития в зрелом возрасте. Для учителя среднего возраста, за плечами которого большой практический опыт, созданный стиль педагогического общения, сформировавшиеся ценности и мировоззрение, складывается особая социальная ситуация личностного и профессионального развития. Концепция личностно-ориентированной педагогики, «как и всякая теория воспитания, предъявляет свои требования к учителю» [4, с.24]. Ряд исследований показал, что в реальности значительное число учителей не готово к работе в новой парадигме по субъективным причинам [2, 8, 11]. Движителем и камнем преткновения всех инноваций является учитель, поэтому решающую роль приобретает способность и готовность учителя к профессиональному развитию. Коль скоро сензитивным периодом для формирования профессионального мышления служит возраст профессиональной подготовки и адаптации, то для профессионала зрелого возраста основополагающим качеством становится сохранение способности к развитию, переоценке приоритетов деятельности и изменению на этой основе способов профессиональной деятельности.

Понятие социальной ситуации развития как отношения «специфичного, своеобразного для данного возраста, исключительного и неповторимого между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» было сформулировано Л. С. Выготским для объяснения механизмов развития в детском возрасте [5, с.258]. По

нашему мнению, оно может быть применено и к анализу возрастов взрослости, поскольку социальная ситуация развития, специфичная для каждого возраста, представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода [5, с. 258–259]. Уточняя вслед за Д. Элькониным понятие социальной ситуации развития [17], можно сказать, что это есть не что иное, как место учителя в социальных условиях инновационной школы (его статус), характер профессиональной деятельности и отношение к ней.

*Сравнительный анализ индивидуальных траекторий
личностно-профессионального развития учителя
зрелого возраста*

Экспериментальная деятельность на протяжении десяти лет в одной из городских школ позволила изучить пути личностного и профессионального развития педагогов зрелого возраста. В качестве исследовательской стратегии был избран социально-индивидуальный метод [17], специфика которого заключалась в том, что траектория развития каждого взрослого изучалась не изолированно, не сама по себе, каждый учитель рассматривался не как изолированный индивид, а как член сообщества детей и взрослых, в его контексте, во всей совокупности социальных отношений между учителями и детьми, учителями и администрацией, коллегами. Для сбора данных использовалось включенное наблюдение, опросные и проективные методы, анализ документов, клиническое интервью. Исследование строилось как лонгитюдное на протяжении шести лет.

Первым исследовательским шагом стало изучение социального контекста инновационного лица в его развитии. Были выявлены такие специфические особенности, как

двойственность норм отношений и двойные стандарты ценностей, регулирующие профессиональную деятельность учителя; несоответствие декларируемых и реально действующих ценностей. Так, например, практика селекции детей на «лицеистов» и «нелицеистов», чрезмерная учебная загруженность лицеистов явно противоречили заявленной цели создания системы педагогической поддержки. Разрыв между ценностями, заявляемыми образовательным учреждением, и реально действующими на практике нормами на протяжении десятилетнего периода неуклонно увеличивался. Этому способствовали замалчивание, игнорирование, сокрытие и обезличивание конфликтов и негативных фактов; система «двойных» педагогических советов – тематических, «концептуальных» и дисциплинарных; наличие особой системы норм и правил в отношении избранных детей, с одной стороны, и углубление теоретизирования в гуманистическом направлении – с другой. Прослеживалась также двойственность линии администрации в отношении к инициативе учителя: поощрялось участие в общешкольных мероприятиях, связанных с инновационной программой развития, и в то же время проявлялось безразличие и отсутствие поддержки индивидуальной инициативы учителя. Эти тенденции усиливались по мере усиления формализма в экспериментировании. В обозначенной двойственности социального контекста ситуация личностно-профессионального развития учителей приобрела выраженную специфику, состоящую в постоянном наличии выбора для учителя. Участие или неучастие в общешкольном экспериментировании могло повлиять на место учителя в социальных отношениях школы, его статус. Учитель делает выбор между участием, присоединением к официальной версии эксперимента как средством достижения

определенного статуса и содержательной инициативностью; некритичным принятием происходящих изменений и выстраиванием собственной линии поведения в соответствии с личными ценностями. В характере профессиональной педагогической деятельности также возможен выбор. Учитель может ориентироваться в своей деятельности на идеальную для настоящего периода развития школы систему ценностей гуманистической педагогики, реализуя ее в целях, средствах деятельности, способах построения отношений с учениками, или на привычные ценности подавляющей педагогики, что не требует внесения изменений в деятельность, а предполагает наращивание средств давления и манипуляции. Возможность осознанного выбора, а также отношение учителя к своей деятельности и месту, занимаемому в социальных отношениях, в значительной степени опосредовано его возможностью реалистично воспринимать действительность, видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими хотелось бы их видеть, т.е. обусловлено личностной зрелостью учителя.

Вторым шагом было составление описаний индивидуальных траекторий. Весь полученный фактический материал был проанализирован и обобщен по трем направлениям: 1) изменение отношения учителя к инновационной деятельности школы; 2) динамика отношений учителя и учеников; 3) проявление и развитие личностной зрелости.

В сравнительном анализе были прослежены различия между учителями в изменении их отношения к школьным инновациям и в развитии их собственной творческой активности. Развитие зрелого отношения к инновационной деятельности происходит в направлении от формальной поддержки инноваций к содержательной инициативности, творческому профессиональному росту, от конформизма к

утверждению собственной позиции. Личностная зрелость учителя обнаруживает себя в неприятии формального «экспериментирования», критичности в отношении к происходящим изменениям, предпочтении содержательной работы с детьми участию в формальных мероприятиях. Зрелый учитель создает и развивает свои формы творчества самостоятельно, не присоединяясь к основному направлению школьных «инициатив». Его траектория движения выстраивается вследствие возможности выбора и саморазвития. В качестве примера можно привести фрагмент описания случая учителя русского языка и литературы С.В.

С.В. 37 лет. Пришла в школу 7 лет назад, когда первая волна инноваций уже прошла. В первые два года своей работы активно участвовала во всем, что было направлено на развитие эксперимента, – семинарах, проектных играх, работой над новыми учебными программами. Постепенно нарастали недоверие и критичность по отношению к различного рода инновационной активности. В 1996 г. включилась в работу «мастерской профессионального роста». Уже тогда в рамках психологической группы она обозначает проблему неудовлетворенности своей жизнью, для нее важно «понять, как возможно вырваться из среды, образа жизни, в котором живешь». В 1996 г. участвует в обучающем выездном семинаре для учителей края, проводимого Московским центром развития инновационного образования. После этого семинара она окончательно пересматривает свое отношение ко всему, что в школе носит название «инновационный», поскольку, встретившись с лидерами инновационного движения, испытала разочарование: «Они зачем из Москвы в Анапу приехали? Правильно, отдыхать. А тетка эта, которая нас учила (руководитель секции русского языка и литературы), не знала, как писать «путаный».

И еще чему-то нас пыталась учить!». Она продолжает участвовать в «показательных» мероприятиях школы постольку, поскольку к этому обязывает служебное положение, инициатива участия исходит не от нее, а определяется административными приказами.

Отношение к этим своим видам деятельности достаточно устойчиво – «бесполезная трата времени». Официальную версию экспериментирования не принимает: «Эта педагогическая поддержка – фикция. Я вообще не понимаю, что это такое. Просто сплошная говорильня. Под нее все что угодно можно подвести». Отгораживаясь критичным отношением от «официальной» инноватики, в то же время начинает проявлять собственную инициативность. Придумывает сама, находит у других авторов новые техники и методические приемы, формы деятельности, которые применяет на уроках русского языка и литературы и во внеклассной работе. В 1998 г. проходит аттестацию на категорию «учитель высшей квалификации». К 1999 г. имеет устойчивую репутацию блестящего специалиста по русскому языку. В 1999–2000 гг. руководит школьным детским научным обществом, организует и проводит три крупных события учебного года, отмеченных как детьми, так и коллегами: детско-учительскую пресс-конференцию (для детей начальной школы); спектакль-стилизацию в духе поэтов серебряного века «Красная Шапочка» совместно со старшеклассниками; детско-профессорскую конференцию под девизом «Ударим интеллектом по хамству и жлобству!», в которой принимают участие дети разных возрастов, с 6-го по 11-й класс, объединившиеся по сопричастности интересов. По сути, С.В. реализует на практике заявленные в эксперименте цели – создание системы поддержки сотрудничества, сотворчества.

Незрелое отношение проявляется в конформизме, некритичном отношении к изменениям, происходящим в школе. Участие в инновациях в целях утверждения профессионального статуса, завоевания признания сопутствует снижению критичности к своей профессиональной деятельности, приводит к идее своей особой миссии в школе. Соответственно, траектория собственного движения не выстраивается учителем самостоятельно, а подстраивается под те изменения, которые происходят в школе.

Динамика развития отношений между учителем и учениками, складывалась таким образом, что эмоциональный знак отношений между учителем и учениками разных поколений сохранялся на протяжении шести лет в преобладающем большинстве рассмотренных случаев. Для учителей, устанавливающих положительные отношения с учениками, характерно возрастание эмоциональной стабильности, устойчивости в отношениях с детьми. Для учителей, отличающихся негативными отношениями, напротив, характерно усиление эмоциональной нестабильности, повышение проявлений конфликтности в поведении. Здесь уместно привести замечание А. А. Леонтьева: «Если учитель не умеет обеспечить оптимальных взаимоотношений со школьниками и владеть собственным общением и поведением, едва ли 10 или 20 лет, проведенных в стенах школы, сделают из плохого педагога – хорошего, из нелюбимого – любимого и уважаемого» [9, с. 29]. Диагностика личностных характеристик учителей показала, что у педагогов, имеющих позитивные отношения с учениками, наиболее выражены показатели по шкалам «дружелюбие – подчинение», а у учителей с негативными отношениями с учениками – «доминирование – агрессивность».

Отношения учителя с детьми не выстраиваются «ровно», даже в тех случаях, когда в целом они складываются позитивно. Учитель выстраивает свои взаимоотношения с учениками не в безвоздушном пространстве, а в реальной социальной среде, когда его отношения с учениками оказываются встроенными в более широкий контекст социальной образовательной среды школы. Принадлежность учителя к институту классного руководства оказывает наиболее сильное влияние на построение взаимоотношений с детьми. Учитель не свободен в способах построения взаимодействий, в видах деятельности, организуемой с детьми. Классный руководитель находится «между» администрацией и учениками. В традиционной школе учитель, в функциональные обязанности которого входит классное руководство, находится на стороне администрации, в школе, провозгласившей путь гуманистического развития, учитель попадает в ситуацию конфликта ценностей, выбора деятельностных приоритетов. Об этом точно отозвалась одна из учителей: «Мне или перед директором навтыяжку стоять, или с детьми ссориться». Анализируемые случаи показывают, что в развитии взаимоотношений с детьми, учитель может двигаться разными путями и в разных направлениях, решая ценностный конфликт или избегая его решения. Для учителей, работающих в традиционном режиме, такого конфликта не существует, их отношения контроля с учениками не противоречат внутренним «долгестованиям». Учителя, принявшие ценности гуманистической парадигмы, ясно осознающие ценностный конфликт идеальной экспериментальной модели отношений и реально действующих практик, могут идти разными путями в его решении. Один из них – не решать его вовсе, становясь «буфером между детьми и преподавателями». При этом

конфликт внешний сопровождается внутриличностным неосознаваемым конфликтом, подавлением и отрицанием авторитарных, агрессивных тенденций. С годами и внешний, и внутренний конфликты усиливаются, приводя к субъективному ощущению хронической усталости, опустошенности, желанию избавиться от непосильной ноши: «Второе классное руководство я не переживу». Другой способ решения конфликта собственных ценностей и ценностей школы состоит в максимальном обособлении (что с необходимостью предюлагает отказ от классного руководства), создании особого «педагогического острова», где взаимоотношения с учениками строятся на основании гуманистических ценностей. Характерно, что в этих случаях происходит изменение шкальных показателей межличностных характеристик от акцентуации в сторону психологического здоровья.

Находясь в противоречивых условиях, заданных разнонаправленными ценностями педагогической деятельности, учитель может осознавать или не осознавать эти противоречия, утверждать свою позицию через реализацию собственных ценностей во взаимоотношениях с учениками либо строить отношения с учениками на основании внутренних и внешних долженствований. В случаях, когда учитель идет по пути осознания ценностных оснований своих взаимоотношений с детьми к утверждению и реализации собственной позиции, наблюдается усиление эмоциональной стабильности, динамика межличностных характеристик в сторону здорового функционирования. В противном случае возрастает акцентуация межличностных характеристик: в случаях негативных отношений с детьми – усиление доминантности, в случаях позитивных отношений с детьми – усиление дружелюбия.

Личностная зрелость взрослого, его подлинность в отношениях тонко чувствуется учениками. «Во взрослом застрял... вечный ребенок, нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании. <...> В мрачном ощущении своей ущербности он (взрослый) захватывает в руки воспитание ребенка... теша себя мыслью, будто во время его собственного воспитания и детского развития что-то пошло кривь и вкось и что это, конечно же, можно будет устранить в следующем поколении. Это намерение... терпит фиаско... Дети не столь глупы, как мы полагаем. Они слишком хорошо замечают, что настоящее, а что поддельное» [19, с. 189].

Сравнивая случаи, мы обнаружили, что учителя среднего возраста различаются в возможности достижения личностной зрелости. Зрелый учитель способен делать ценностный выбор, реализовывать его в отношениях с учениками, выстраивать свое отношение к инновационному процессу, занимая в нем соответствующее место. Его траектория личностно-профессионального развития отличается непротиворечивым отношением между его участием в педагогическом новаторстве, его творческими замыслами и развитием взаимоотношений с учениками. Зрелость – системная характеристика взрослого человека, позволяющая сохранить устойчивость в специфических и весьма противоречивых социальных условиях инновационной школы, избежать развития невротического поведения и профессионального сгорания. Другими словами, направление и форма траектории личностно-профессионального развития учителя среднего возраста определяется ключевым новообразованием возраста – личностной зрелостью, изменяющей коренным образом прежнюю социальную ситуацию развития и создающей новые возмож-

ности личностного и профессионального роста в изменяющемся пространстве инновационной школы.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. А.А.Бодалева, Б.Ф.Ломова. Т.1 М., 1980.
2. Антонова Н.В. Личностная идентичность и общение современного педагога // Вопросы психологии. 1997. № 6.
3. Брински Б. Гештальттерапия. СПб., 1996.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.
5. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т. Т.4. М., 1983.
6. Ковалева Т.М. К вопросу о возможной типологии инновационных школ // Педагогика развития и перемены в российском образовании: Матер. науч.-практ. конф. Красноярск, 1995.
7. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
8. Крылова Н.Ф. Педагогическая поддержка как пространство личностных изменений ребенка и взрослого // Классный руководитель. 2000. № 3.
9. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М., 1979.
10. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
11. Миронова М.Н. Попытка целостного подхода к построению модели личности учителя // Вопросы психологии. 1998. №1.
12. Сапогова Е.Е. Взгляд на взрослость изнутри: психологический дивертисмент // Психология зрелости и старения. № 1 (13), весна 2001.
13. Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991. № 2.
14. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М., 2000.
15. Фрумин И. Тайны школы: заметки о контекстах. Красноярск, 1999.
16. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
17. Эльконин Д.Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Избранные психологические труды. М., 1989.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
19. Юнг К.Г. Конфликты детской души. М., 1995.
20. Gould L. Roger. Ttransformations. N.Y., 1978.
21. Loevinger J. Measuring ego development. San-Francisco, 1970.
22. Santrock D. Life-Span Development. N.Y., 1998.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СОВЛАДАНИЕ» В ПСИХОЛОГИИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

А. Н. Дёмин

В последние годы в отечественной литературе, преимущественно психологической и психотерапевтической, все чаще используется термин «coping» или его русский перевод – «совладание, преодоление». Обращение к данному термину и стоящим за ним концепциям легко объяснимо – слишком много трудностей, конфликтов и кризисов выпало на долю жителей нашей страны в 1990-е гг., которые им пришлось и приходится преодолевать.

Использование coping не ограничивается только психологической областью. Его можно обнаружить, например, в работах по информационно-библиографическому обслуживанию, образовательной политике, правовому регулированию сельскохозяйственного производства и т.д., но это остается за рамками данной статьи. Мы затрудняемся сказать, кто именно ввел этот термин в научно-психологический обиход. В недавно изданной «Психотерапевтической энциклопедии» автором понятия называют Л. Мерфи, которая использовала его в своей работе 1962 г. [18, с. 295]. Но в первом систематическом библиографическом указателе по проблемам совладания и адаптации, изданном в 1970 г. [26], можно найти статьи, оперирующие понятием coping относящиеся к первой половине 1950-х гг. Указатель содержит прежде всего доступные и относительно недавние для своего времени источники, поэтому разработка понятия «coping» может быть еще более ранней. В литера-

туре мимоходом указывается на его значение для клинических исследований не только в 1950-е, но и 1940-е гг. [32]. Решающим шагом в институционализации понятия можно считать работу Р. Лазаруса 1966 г. в которой совладание трактуется как реакция индивида на угрозу и рассматривается в рамках феноменологического подхода к стрессу [31]. В 1969 г. тот же Р. Лазарус помещает главу о coping в учебнике о способах регуляции и эффективности человека [28]. За три последующих десятилетия количество публикаций, посвященных coping, сильно увеличилось, появились специализированные серии научных изданий (например, «The Plenum Series on Stress and Coping») и проблематика совладания, имевшая статус сопутствующей, т.е. включенной в другие предметные области, такие, как адаптация, соматическое и психическое здоровье, психотерапия, стала превращаться из побочной в важную область психологического знания.

В России coping чаще используется в рамках клинического подхода. Попытки «вмонтировать» его в более широкие отечественные научные традиции сталкиваются с определенными трудностями из-за несформированности соответствующей системы понятий. В этой связи Л. И. Анцыферова считает важным изучение совладания через призму ценностно-смысловой сферы личности [2], и, по-видимому, не случайно в последние годы отечественные авторы увязывают эмпирические индикаторы совладания с феноменами надежды, счастья, эгоизма [6, 13, 15].

С учетом данной познавательной ситуации полезно указать на некоторые особенности применения coping в западной психологии. Это понятие принадлежит и разговорной речи, и научному языку, что не могло не сказаться на определении его содержания. Для одних авторов – это ответная ре-

акция, направленная на уменьшение или избегание психологического стресса (отрицательных переживаний) [29], для других – это любой прием, снимающий напряжение и не связанный с нарушением самоконтроля и внутреннего равновесия [33]. Третьи дают более развернутое определение, понимая под совладанием «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на то, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оцениваются как напрягающие или превышающие ресурсы личности» [32; 141].

Далее мы хотели бы остановиться на трех моментах, важных для понимания совладания. В соответствии с первым требуется тщательное изучение того, как человек «размещается» в разных жизненных ситуациях, какую позицию занимает и как это сказывается на его поведении в настоящем и будущем. Трудные ситуации могут ставить перед человеком типичные задачи. Р. Мосс и Дж. Шефер выделяют пять главных задач, которые требуется решать во время поворотных жизненных моментов или кризисов: 1) определение смысла ситуации и понимание ее значения лично для себя; 2) противостояние ситуации и ответ на ее требования; 3) поддержание отношений с членами семьи, друзьями, а также другими лицами, которые могут быть полезными в преодолении кризиса и его последствий; 4) поддержание эмоционального равновесия через управление расстроенными чувствами; 5) сохранение позитивного я-образа и поддержание чувства компетентности и мастерства [34]. Исследователям хорошо известно, что одни и те же стрессовые события, объективно ставя перед людьми сходные задачи, инициируют разные стратегии и приемы совладания. С одной стороны, это происходит в силу существования так называемых вторичных стрессоров, которые производны от первичных событий-

производны от первичных событий-стрессоров и более чувствительны к особенностям индивидуальной жизненной ситуации [35]. С другой стороны, выбор конкретных форм совладания зависит от личных целей и оценок происходящего (например, от того, как субъективно оценивается степень контролируемости событий), наличных умений и черт характера [32]. Взаимодействие обстоятельств и личных особенностей формирует специфический контекст совладания. Понимание того, что индивидуальное поведение является так называемой «погруженной системой» (в терминологии Ильи Пригожина), придает контекстному подходу статус устойчивой и долгосрочной исследовательской перспективы. Для сравнения: в психологии всевозрастного развития успешно реализуется методологический принцип контекстности [3], а в социальной психологии – принцип ситуационизма [17].

Второй момент относится к анализу факторов, влияющих на исход совладания. Они делятся на демографические, личностные, событийные, факторы социальной и физической среды [34], а те в свою очередь на более дробные составляющие. Отдельного пояснения требуют событийные факторы [см. 23, 27, 36]. Здесь речь может идти об экстремальных событиях (природная или техногенная катастрофа, гибель близкого человека и т.п.), когда обычного приспособления оказывается недостаточно и требуются дополнительные, подчас чрезвычайные, энергетические и эмоциональные траты со стороны субъекта; о поворотных жизненных моментах, которые либо задаются нормативной структурой жизненного пути (например, поступление в учебное заведение, рождение первого ребенка и уход за ним, выход на пенсию), либо являются ненормативными (появляющимися вне «социального расписания»), подобно

потере работы, заболеванию или вынужденному переезду на другое место жительства. Нормативные и ненормативные события могут накладываться на так называемые постоянные ролевые проблемы (стычки между детьми и родителями, между супругами, трения с коллегами, решение текущих материальных проблем), которые не имеют очевидного дискретного характера, но тем не менее накапливаются, приобретают статус хронических стрессоров и в сочетании с двумя первыми типами событий формируют жизненную напряженность. События делят также на внешние и внутренние, желательные и нежелательные, по сферам жизни и т.д. Механизмы взаимодействия событий, относящихся к разным типам, вряд ли можно считать хорошо изученными.

Третий момент относится к особенностям организации и проведения исследований. Важно обратить внимание на существование континуума исследовательских подходов, на одном полюсе которого располагаются каузальные, на другом – процессуально ориентированные схемы. Каузальные реализуются в позитивистском ключе и в своей основе имеют формулу «исходный фактор → результат». Результаты делятся на кратко- и долгосрочные. К первым относят ситуативную эффективность, текущие эмоциональные переживания и физиологические изменения. Краткосрочные эффекты воплощаются в качество социального функционирования (особенности выполнения социальных ролей, достигнутый социальный статус), уровень удовлетворенности жизнью (самочувствие, моральное благополучие и т.п.), состояние здоровья. Процессуальные схемы тяготеют к феноменологической традиции, в них особое внимание уделяется переходам из одной фазы поведения в другую, что позволяет выделять не только процессуальные факто-

ры, но и понимать индивидуальное своеобразие и логику развития совладания [32]. В идеале обе схемы должны совмещаться, например, в форме тройственного взаимообусловливания основных переменных (см. рисунок).

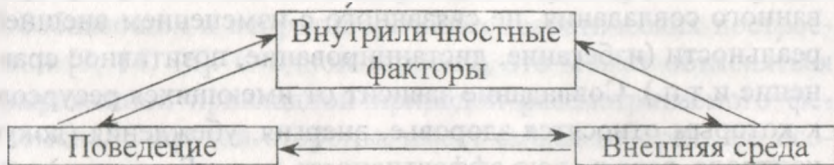

Схема тройственного взаимообусловливания

Такой подход провозглашается в современной социально-когнитивной теории личности [24].

Применение каузальных и процессуальных схем, а также их комбинаций приводит к построению описательных и аналитических моделей совладания. В первом случае речь идет о классификациях, во втором – о разного рода зависимостях, позволяющих делать предсказания и теоретически достраивать модель изучаемого явления. В литературе приведено немало классификаций совладающего поведения, тем не менее, как пишет К. С. Нартова-Бочавер, создание удовлетворительной системной классификации – дело будущего [16]. Аналитическая модель может быть проиллюстрирована концепцией Р. Лазаруса [31, 32]. Согласно его воззрениям, процесс совладания опосредован когнитивными оценками меняющихся личностно-средовых отношений. Когнитивные процессы «взвешивают» личностные факторы в контексте средовых и наоборот. Ключевой детерминантой действий человека в трудной ситуации является ответ на вопрос: «Что я могу сделать?», который относится к так называемой вторичной оценке. Если вредные, угрожающие или бросающие вызов обстоятельства

оцениваются как доступные изменению, наиболее вероятным будет совладание, сфокусированное на проблеме (выработка новых решений, освоение новых навыков и др.); если обстоятельства оцениваются как недоступные изменению, повышается вероятность эмоционально-фокусированного совладания, не связанного с изменением внешней реальности (избегание, дистанцирование, позитивное сравнение и т.п.). Совладание зависит от имеющихся ресурсов, к которым относятся здоровье, энергия, убеждения (локус контроля, вера в свою эффективность или в Бога и др.), навыки решения проблем и социальные навыки, финансовая обеспеченность, социальная поддержка (эмоциональная, информационная, «осязаемая» – помощь трудом, деньгами и т.п.). Отношения между ресурсами и совладанием опосредованы культурными традициями, личностными нормами и прочими ограничителями, а также уровнем тревоги, переживаемой человеком. Способы оценивания и совладания влияют на характер краткосрочных и долгосрочных эффектов поведения.

Структура понятия

Любое понятие, попадающее в «тело» науки, может быть описано через: 1) логический статус (какими познавательными ситуациями иницируется его использование, насколько широко содержание); 2) основные признаки, или атрибуты; 3) перспективы приращения нового знания о понятии.

1. Логический статус. Совладание обнаруживает себя в экстремальных условиях, значимых (поворотных) и повседневных трудных ситуациях, т.е. это особый срез жизнедеятельности любого человека, решающего проблемы адаптации. В настоящее время данный срез стал полноценным объектом научного интереса.

Бросается в глаза мозаичность общей панорамы исследований совладания. Авторы, вводящие данное понятие в концептуальный строй отечественной науки, отмечают, что существует множество эмпирических исследований разных аспектов совладания, но при этом чувствуется дефицит обобщающих и непротиворечивых теоретических построений [9, 14, 16]. С одной стороны, это может объясняться выраженной прикладной природой рассматриваемого феномена. С другой стороны, имеет смысл говорить об особом статусе понятия, которое способно обнаружить себя в разных теоретических подходах и традициях, являясь тем самым своеобразным теоретическим медиатором в диалоге существующих моделей адаптации и жизненных трудностей. Например, совладание оказывается значимой переменной в моделях саморегуляции, описывающих динамику индивидуальных целей [25], и обнаруживает частичное сходство с понятием самоэффективности, т.е. веры в свою способность решать проблемы [24]. Оно может быть соотнесено с подходом М. Селигмана, известного своими исследованиями выученной беспомощности и оптимизма. То, как человек объясняет себе рядовые неприятности или серьезные поражения, определяет, сколь беспомощным или энергичным он будет: оптимистическое объяснение останавливает беспомощность, а пессимистическое усугубляет [7]. В том же ряду находится подход А. Эллиса – автора рационально-эмотивной терапии, согласно которому чувствовать и действовать соответствующим образом нас заставляет не то, что происходит, а то, что мы думаем и как относимся к этому, поэтому улучшить самочувствие и поведение можно через изменение иррациональных убеждений [1, 21]. Совладание легко интерпретируется в терминах социальной компетентности. Интерес к факторам ее форми-

рования и особенностям проявления закономерно усилился в ситуации социального перелома (см., например, [8, 11]. Проблематика совладания присутствует в работах, посвященных механизмам уменьшения и предупреждения рисков психосоциального неблагополучия [37], и демонстрирует свой эвристический потенциал в междисциплинарных подходах, например, при изучении маргинальных групп [10]. Предложенный перечень может быть продолжен.

Отсутствие единой концепции совладания является не столько недостатком, сколько отражением реальной сложности поведения человека в трудных жизненных ситуациях. Но при этом теоретическая полимодальность и междисциплинарность не отменяют изначальной принадлежности совладания к явлениям регуляции и саморегуляции поведения.

Совладание может использоваться в широком и узком смыслах, обнаруживая в этом сходство с такими понятиями, как воля, стресс или творческие способности. Широкий и узкий подходы выполняют разные функции. Первый задает мировоззренческую позицию. Когда Р. Ассаджиоли присвоил воле статус суперпонятия, назвав ее ядром личности, это позволило ему обосновать систему законов психической жизни, принципов и конкретных техник улучшения индивидуального бытия [22]. Широкий подход в чистом виде стремится воплотиться в темах экзистенциального звучания, в соответствии с которыми жизнь, например, начинает рассматриваться как творчество или преодоление. Узкий подход более прагматичен и позволяет решать конкретные теоретические и прикладные задачи. В узкой трактовке та же воля становится либо механизмом мотивационной регуляции, либо специфическим процессом, который мотивацию дополняет, а стресс из общего адаптаци-

онного синдрома превращается в одну из форм эмоционального переживания или предпосылку функциональных нарушений в организме и психике. Аналогичная ситуация сложилась в отношении совладания. С одной стороны, под ним можно понимать любые усилия, предпринимаемые человеком в трудной ситуации, безотносительно к их эффективности, а с другой стороны, его можно соотнести с конкретными признаками, которые позволяют говорить о нем как о специфическом классе действий.

2. Признаки понятия. Ключевым свойством совладания (в сочетании с его регуляторной природой) является контекстность, которая воплощается в ряд производных признаков.

Первый признак – *конструктивность*. А. Либины и А. Либин конструктивный характер совладания связывают с реальным, а не компенсаторным разрешением проблемы и противопоставляют его психологической защите. При этом в сферу совладания попадают механизмы эмоциональной и рациональной регуляции своего поведения с целью оптимального взаимодействия с обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями [9]. В таком определении заложено противоречие, поскольку оптимальность может обеспечиваться защитным поведением и не совпадать с реальным разрешением проблемы. По-видимому, конструктивность и оптимальность – два разных признака поведения: один относится к его цели, а другой – к средству достижения цели. С учетом данного различия под конструктивностью будем понимать *направленность на доступные в данной ситуации уровень и форму разрешения проблемы и подготовку благополучных исходов в будущих ситуациях*.

Второй признак – это наличие *оптимальных связей* между индивидуальными особенностями человека и его жизненной средой, которые формируют контекст конструктивного поведения. Совладание не может быть понято без учета взаимодействия внутренних переменных (когнитивных, эмоционально-волевых, мотивационных процессов, свойств характера, самосознания и т.д.) с системами социальных ожиданий, формальных правил и внешних ресурсов (материальных, временных, информационных и др.), которое каждый раз подвергается оценке и переоценке со стороны субъекта. В одном случае оптимальность достигается невмешательством в естественный ход событий, в другом она зависит в основном от преобразующих усилий, направленных вовне, в третьем случае такого рода усилия лучше заменить компенсаторной активностью. Возьмем, например, фантазирование. В знаменитых «Корнях неба» Ромена Гари описывается ситуация, когда узники концлагеря ввели в свою жизнь фантом – даму, которая «поселилась» в их бараке и заставила своим воображаемым присутствием сохранять человеческое достоинство. Она была недоступна эсэсовцам, поскольку существовала в сознании узников, зависела от их воли и больше ни от кого [5]. Воображение победило физическое насилие и унижение, помогло выжить.

Третий производный признак – *индивидуальное своеобразие*. Совладание варьирует от человека к человеку, поскольку соотносит ситуацию с их индивидуальными свойствами. Примеров тому множество. В литературе приводятся интересные данные о том, что некоторые люди не стремятся к получению помощи извне, чтобы не ухудшать мнение окружающих о себе, не показаться слабыми, не потерять независимость или из-за иллюзии собственной не-

уязвимости [14, с. 106], т.е. наличие внешних ресурсов особым образом преломляется через их самосознание и сопровождается подчас непонятным для других поведением. Индивидуальное своеобразие позволяет поставить вопрос о стилях совладания, который давно обсуждается в западной психологии. С учетом работ отечественных авторов мы можем говорить об индивидуальных стилях только в условиях относительной социальной неопределенности, когда есть возможность выбора целей, образцов, сфер и способов приложения своих ресурсов. Социальные факторы индивидуального стиля совладающего поведения выстраиваются в следующей иерархической последовательности: 1) уровень неопределенности социальных дифференциаций и связанных с ними доступов к деятельности; 2) уровень неопределенности социальных оценок в отношении тех или иных групп (например, представитель социального дна оценивается гораздо более категорично и однозначно, чем работник высшей школы); 3) вариативность целей представителей этих групп; 4) вариативность условий их поведения [12, 19, 20]. Чем жестче и определеннее конструируются перечисленные факторы, тем меньше возможностей для стилевого разнообразия в совладающем поведении, тем уязвимее становится вся социальная группа, к которой принадлежит человек. Видимо, этим следует объяснять сложности с адаптацией некоренных этнических групп в некоторых странах СНГ или безработных в маленьких городах с монопроизводством, которые попадают в чрезмерную зависимость от внешних условий и не могут полноценно реализовать свои индивидуальные особенности. Концепция индивидуального стиля позволяет заключить, что общая картина приемов совладания может быть не только пестрой, но и варьировать от группы к группе, а ин-

дивидуальная и групповая вариативности являются предпосылкой оптимального для совладания контекста.

Все три признака обуславливают друг друга – по отдельности они вряд ли смогут характеризовать совладание. Дадим определение интересующему нас понятию. Это *такие индивидуально-своеобразные внешние и внутренние способы регуляции своего поведения, которые обеспечивают доступный в данной трудной ситуации уровень и форму разрешения проблемы и прямо или косвенно готовят благополучные исходы в будущих ситуациях за счет оптимального соотношения индивидуальных и средовых возможностей.*

3. Перспективы приращения нового знания о понятии. Литература, посвященная совладанию, содержит обширный перечень сфер его применения. Десять лет назад Л.Перлин, отмечая стагнацию в этой области психологического знания, связывал возможности его дальнейшего приращения с более тщательным изучением стрессовых обстоятельств и их влияния на человека [35]. Отечественным исследователям совладания предоставляются богатые возможности для реализации данной перспективы, поскольку современная российская действительность конструируется из трудных ситуаций такого количества и качества, которые не всегда имеют исторические и географические аналогии. Формирующаяся социальная структура России – хорошее тому подтверждение. Она изобилует промежуточными слоями и аутсайдерами (новые бедные, безработные, мигранты, беспризорники, сироты и др.), представители которых борются за выживание и находят способы адаптации. Психологически эти явления практически не изучены. Введение новых социальных групп в научный оборот сопряжено с дальнейшей проработкой контекстуального аспекта совладания (способы структурирования жизненных ситуа-

ций, виды ресурсов, используемых для преодоления трудностей, виды ограничений, не позволяющих это делать).

Еще одна перспектива связана с поиском ответов на вопросы: как совладание влияет на социальные процессы и каким образом переложить его на язык социальной политики. В рамках первого вопроса ключевое значение имеет положение о том, что адаптация отдельного человека связана с адаптацией групп, общностей, социума в целом, поскольку представления людей о самих себе, их планы, действия и возможности определенным образом включаются в представления, регулирующие деятельность социальных систем. Например, можно обратить внимание на то, что увеличение эффективно или неэффективно адаптированных индивидов оказывает влияние на экспектации среды, на межличностное и межгрупповое взаимодействие, отчего в свою очередь меняется напряженность адаптационного процесса [4, с. 156]. Заметим, что речь идет не просто о связи, а о взаимной детерминированности процессов адаптации, протекающих на разных уровнях. Индивидуальное поведение организуется в форме совладания не само по себе, а с учетом имеющихся социальных ресурсов. В то же время социальные ресурсы обнаруживают себя через действия конкретных людей. Группа адаптируется не сама по себе, а в контексте межгрупповых связей. Последние в свою очередь конструируются, развиваются конкретными группами. Здесь, кстати, важна возможность «взвешивать» социальные группы по их способности не вообще к адаптации, а именно к coping behavior, когда поиск оптимального взаимодействия индивидуальных и средовых возможностей обеспечивает достижение психосоциального благополучия. Какие ресурсы (индивидуальные, групповые, организационные, финансовые и т.д.) следует наращивать при этом и какие социальные ситуации конструировать?

Очевидно, что мы переводим рассуждения в область социальных технологий и социальной политики, которые лишь частично зависят от психологических закономерностей. Тем не менее ими нельзя пренебрегать. Например, имеются данные, свидетельствующие, что оказание социальной поддержки лицам с внешним локусом контроля или отсутствием чувства личной компетентности не только не предупреждает стрессы, но даже повышает уязвимость к ним [28, с. 43–44]. В данном случае мы имеем дело со своего рода канальными факторами, т.е. такими аспектами во взаимодействии индивида и ситуации, которые способны оказать наибольшее влияние на поведение субъекта [17]. При изучении совладающего поведения выделение канальных факторов (прежде всего позитивных) трудно переоценить. В одних случаях сюда попадет план действий, в других – социальный образец, в третьих – определенным образом подобранная и преподнесенная информация или поддержка со стороны родственников. Например, активное конструирование позитивной перспективы повышает стрессоустойчивость, наблюдение эффективного поведения (так называемое научение по образцу) помогает справиться с проблемой, доступ к недостающей информации влияет на принятие решений и т.д.

Библиографический список

1. Александров А.А. Личностно-ориентированные методы психотерапии. СПб., 2000.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
3. Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Там же.
4. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

5. Ромен Гари. Избранное. Рига, 1994.
6. Джидарьян И.А. Психологические причины поведения счастливых и несчастливых людей в трудных жизненных ситуациях // Вестник РГНФ. 1998. № 1. С.136-143.
7. Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму. М., 1997.
8. Корнилов А.П. Саморегуляция человека в условиях социального перелома // Вопросы психологии. 1995. № 5.
9. Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Стилъ человека: психологический анализ. М., 1998.
10. Маргинальность в современной России. М., 2000.
11. Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии. 1995. № 5.
12. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
13. Муздыбаев К. Измерение надежды (статья вторая) // Психологический журнал. 1999. Т.20. №4. С.26-35.
14. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №2. С.102-112.
15. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Т.21. №2.
16. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 5.
17. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999.
18. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб., 2000.
19. Стилъ человека: психологический анализ. М., 1998.
20. Толочек В.А. Стили деятельности: Модель стилей с изменяемыми условиями деятельности. М., 1992.
21. Эллис А., Ландж А. Не давите мне на психику! СПб., 1997.
22. Assagioli R. The act of will. L., 1974.
23. Baltes P.B., Reese H.W., Lipsitt L.P. Life-span developmental psychology // Annual Review of Psychology. 1980. Vol. 31.
24. Bandura A. Social cognitive theory of personality // Handbook of Personality. Theory and Research. 2-d ed. / Ed. by L. A. Pervin, O. P. John. N.Y., 1999.

25. Carver C.S., Scheier M.F. Stress, coping, and self-regulatory processes // Handbook of Personality. Theory and Research. 2-d ed. / Ed. by L. A. Pervin, O. P. John. N.Y., 1999.

26. Coping and adaptation: a behavioral sciences bibliography / Ed. by G. V. Coelho et al. Washington, 1970.

27. Coping with life crises. An integrated approach / Ed. by R. H. Moos. N.Y., 1986.

28. Gore S., Eckenrode J. Context and process in research on risk and resilience// Haggerty et al. (Eds). Stress, risk, and resilience in children and adolescents: processes, mechanisms, and interventions. Cambridge, 1994.

29. Houston B.K. Stress and Coping// Coping with negative life events. Clinical and social psychological perspectives / Ed. by C. R. Snyder and C. E. Ford. N.Y., 1987.

30. Lazarus R.S. Patterns of adjustment and human effectiveness. The riddle of man. N.Y., 1969.

31. Lazarus R.S. Psychological Stress and the Coping Process. N.Y., 1966.

32. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y., 1984.

33. Menninger K. Regulatory devices of the ego under major stress // Stress and Coping: An Antology / Ed. by Monat A. & Lazarus R.S. N.Y., 1977.

34. Moos R.H., Schaefer J.A. Life transitions and crises: A conceptual overview // Coping with life crises. An integrated approach / Ed. by R. H. Moos. N.Y., 1986.

35. Pearlin L.I. The study of coping. An overview of problems and directions // The social context of coping / Ed. by J. Eckenrode. N.Y., 1991.

36. Pearlin L.I., Lieberman M.A. Social sources of emotional distress// Research in Community and Mental Health. Vol.1 / Ed. by R.Simmons. Greenwich, 1979.

37. Rutter M. Psychosocial adversity: risk, resilience and recovery // Conflict and development in adolescence / L.Verhofstadt-Deneve et al., eds. Leiden University, 1996.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Политику затягивания поясов громче всех
одобряют те, кто носит подтяжки.*

Б. Фогель

Стоимость жизни постоянно растет, но спрос на нее не падает.

А. Пумер

О РЕСУРСАХ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Е. Ю. Кожевникова

На протяжении двух лет в поле нашего зрения находились так называемые новые бедные*, т.е. работающие в отраслях, оказавшихся в последнее десятилетие в наибольшем упадке (ВПК, машиностроение, научные учреждения и т.п.). Эти люди имеют низкий уровень доходов, зарплата им не выплачивается по несколько месяцев в связи с кризисным состоянием предприятий, депривированных экономически и социально. Нас интересовало то, как человек взаимодействует с подобными обстоятельствами, как он преодолевает их. Пытаясь сначала выделить механизмы поведения в трудной жизненной ситуации [4], мы затем обратили внимание на такую переменную, как ресурсы совладающего поведения. Цель наших размышлений на данном этапе – содержание этого понятия, выявление его специфики, определение роли и значения ресурсов в преодолении. Для достижения поставленной цели необходимо ответить на ряд вопросов: 1) что такое ресурсы совладания; 2) какие модели ресурсов возможны; 3) каковы стратегии расходования и обращения к ресурсам в трудной ситуации.

Понятие «ресурсы»

Согласно словарю, ресурс – это запас или источник чего-либо. Понятие «ресурсы» употребляется в различных

* Использовались данные, собранные в Краснодаре в рамках проекта «Совладание в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса», финансируемого Институтом «Открытое общество» (проект № 153/1998). Коллектив проекта: В. Радаев (руководитель), Е. Балабанова, М. Бурлуцкая, А. Дёмин, О. Кузина, Л. Петрова).

областях знаний, в том числе в психологии, в смежных областях. При этом к ресурсам относят как свойства организма, так и сугубо психологические качества. Например, Г. Селье рассматривает два вида адаптационных ресурсов организма: поверхностные и глубокие [10]. В рамках проблемы регуляции функциональных состояний тема ресурсов разрабатывается в психофизиологии и психологии спорта [6, 7, 12, 14]. Постепенно возрастающий интерес к собственно психологическим механизмам стресса позволил ввести такие понятия, как *личностные и когнитивные ресурсы*.

Понятие «когнитивные ресурсы» наиболее употребляемо. Так, В. А. Бодров, обобщая западный опыт, выделяет ресурсный подход к изучению стресса. Этот подход наиболее интенсивно разрабатывается применительно к изучению процессов приема и переработки информации, особенно при совмещенной деятельности человека. «Интерес к ресурсам связан прежде всего, во-первых, с ограниченностью средств обработки информации, которыми располагает человек в данный момент времени, и, во-вторых, с возможностями гибкого перераспределения этих средств между разными этапами, стадиями, каналами, уровнями в ходе преобразования информации» [2, с. 217]. Этому же типа теорию развивает и основоположник исследований психологического стресса Р. Лазарус, согласно которому одним из ключевых звеньев поведения в трудной ситуации является оценка вида и величины требуемых ресурсов [17]. Значение механизма оценки собственных ресурсов описал через понятие «самоэффективность» А. Бандура [13, 16]. Самоэффективность – личная схема компетентности и мастерства, куда входят знания, умения, навыки, жизненный опыт, состоящий из правильных или ошибочных действий

по преодолению проблемных ситуаций, убеждения в успешности своего действия и получении необходимого результата.

Во многих исследованиях изучаются индивидуально-психологические особенности (темперамент, нейротизм, уровень тревожности, тип мышления, локус контроля, направленность, самооценка, убеждения, история успехов и неудач), которые влияют на способы совладания [1, 6, 8]; их мы можем отнести к личностным ресурсам. В целом же разделение на личностные и когнитивные ресурсы достаточно условно и связано, скорее, с традициями, сложившимися в науке. Возможен вариант с выделением когнитивного, аффективного, мотивационного блока ресурсов или вариант с какой-нибудь теорией личности, позволяющей выделять ресурсы на базе своих положений.

Для совладания с трудной ситуацией человеку необходимо задействовать собственные ресурсы, но в то же время следует помнить о том, что он не отделен от общества, в котором живет, от собственного жизненного пути и от особенностей ситуации, в которой пребывает на момент преодоления, поэтому нужно выделять еще ресурсы среды. В структуре среды различают физический и социальный компоненты. В свою очередь социальный представлен двумя уровнями: микроуровень – социальные связи, роли, отношения, статусы; макроуровень – социальная структура общества, изменения которой ведут к трансформации структуры возможностей. Каждый из компонентов и уровней включает в себе определенный набор возможностей, любая из которых имеет значение в конкретной ситуации. Возможности могут предоставляться близкими людьми, обеспечивающими информацией, бытующими нормами, экономическими (имущество, денежные средства, конвер-

тируемая специальность) и правовыми (гражданство, статус, прописка) факторами, властью, национальностью, языком и т.д. (3,11,15).

Возможные модели ресурсов

Мы можем предложить две рабочие модели ресурсов совладающего поведения. В основе первой лежит критерий локализации ресурсов (рис. 1).

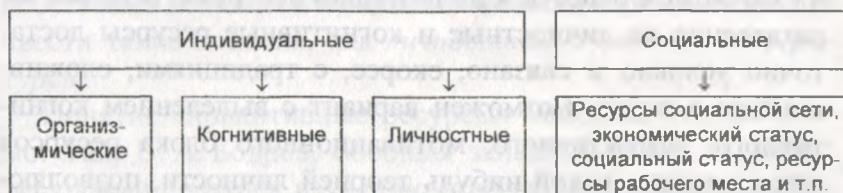

Рис 1. Модель ресурсов совладания по локализации их источника

Подобная схема позволяет нам структурировать большое количество характеристик и анализировать, в каком объеме задействованы индивидуальные и средовые компоненты. Тем не менее, используя данную схему в своей работе, мы столкнулись с трудностями, главная из которых в том, что модель статична, она не позволяет отразить динамику взаимодействия человека и среды, не даст возможности фиксировать собственно ситуацию преодоления во всем многообразии ее составляющих. Здесь важно обратить внимание на два аспекта. Во-первых, сама ситуация имеет ряд объективных ресурсов, находящихся вне личности, в среде, но обладающих потенциалом, необходимым для преодоления трудностей. Во-вторых, большое значение имеет субъективное значение элементов среды и своих индивидуальных особенностей для самого человека, т.е. что он сам определяет для себя в качестве возможностей и ограничений. В этой связи следует говорить о биполярной

природе ресурсов: одно и то же свойство человека или среды может оказаться то на одном, то на другом полюсе. Это зависит от тех специфических отношений, которые складываются в *процессе взаимодействия* человека и среды. Фактор отношения позволяет ограничить превратить в возможность преодоления и наоборот, поэтому наряду с индивидуальными и средовыми мы считаем важным выделить и процессуальные ресурсы. Соответствующую схему назовем трехблочной моделью ресурсов (рис. 2). Она преодолевает ограничения ранее предложенной и дополняет ее, поскольку мы можем зафиксировать, какой блок, в какой степени и почему задействован в трудной ситуации и как это связано с эффективностью преодоления.

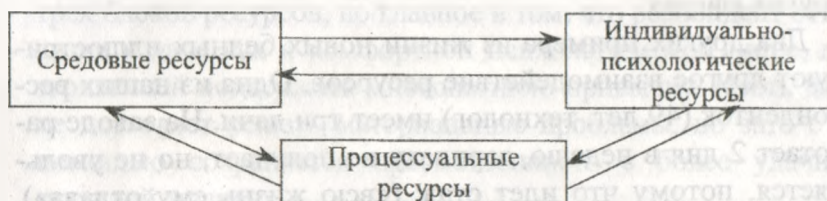

Рис. 2. Трехблочная модель ресурсов

В общетеоретическом плане вторая модель ресурсов согласуется с представлениями современной социально-когнитивной теории личности (А. Бандура, Дж. Роттер, В. Мишел) [13, 16], согласно которой активность человека может быть описана через схему тройственного взаимообуславливания трех реальностей: внутриличностных качеств, социальной действительности как таковой, поведения, объединяющего первые два элемента.

Применим трехблочную модель к такому аспекту жизнедеятельности многих людей, как работа на даче. Для одних респондентов, оказавшихся в трудной ситуации, характерно восприятие всего, что их окружает, как недоста-

точного для нормального существования: дача есть, но «она очень много требует затрат», «там все крадут», «на пропитание этого не хватает, одной солониной жив не будешь». Они предпочитают жить прошлым и переживать по поводу того, что не удалось то-то и то-то сделать в молодости. По сути, им не удастся извлекать пользу для себя из наличных ресурсов, при этом они не пытаются искать новые варианты, выходить за пределы наличной трудной ситуации. Средовые и индивидуальные ресурсы оказываются изолированными друг от друга в силу отсутствия связующего звена – позитивного личностного отношения и деятельной активности. Примечательно, что пример с дачей является прообразом жизнедеятельности таких людей и в других сферах.

Два других примера из жизни новых бедных иллюстрируют другое взаимодействие ресурсов. Одна из наших респонденток (49 лет, технолог) имеет три дачи. На заводе работает 2 дня в неделю, зарплату не получает, но не увольняется, потому что идет стаж («всю жизнь ему отдала»), кроме того, завод дает возможность реализовать то, что вырастила, – продает продукцию сослуживцам. Считает это удобным, так как на заводе ее все знают, нет необходимости «торчать на рынке», нет проблем с налоговой инспекцией. «Бывает так, что возьму что-то на продажу, а все разберут еще в автобусе, все те же сослуживцы или соседи». Очень гордится своей продукцией. Примечательно, что до трудностей на заводе имела только одну дачу, но потом увеличила их число до трех, увидя в них сферу приложения своих сил и решение проблем. Наконец, дачу воспринимает как прекрасную возможность пообщаться с природой, получает удовольствие от физического труда.

Другой респондент (53 года, мастер-технолог) работает полную рабочую неделю. Имеет дачу, на которой выращивает самые необходимые овощи и виноград – свою гордость. Вкладывает много усилий: «Если ее бросить и ждать пока что-то вырастет, то ничего не получишь, поэтому приходится и материальные средства вкладывать». Получает удовольствие от нахождения на свежем воздухе, рассматривает поездку на дачу как смену обстановки. Если урожай хороший, то хватает на всю зиму, если нет, то приходится покупать. Ничего не продает («Мы не так воспитаны, не по мне это»). Иногда семья делится урожаем безвозмездно с другими родственниками, у которых нет дачи; живут по принципу: «Хватило – и ладно». В данном примере мы видим другое взаимодействие трех блоков ресурсов, но главное в том, что респондент относится к даче как к комфортной психологической нише, позволяющей поддерживать многолетнюю привычку. Пусть дача не позволяет решать материальные проблемы, но зато с ее помощью сохраняется преемственность с более удачной прошлой жизнью.

При использовании трехблочной модели проявился один интересный феномен, который мы обозначили как *вливание в социальную сеть*. Он отражает взаимодействие респондентов с таким социальным ресурсом, как родственники, знакомые. В первой модели этот феномен не может быть отражен, поскольку не фиксирует фактор отношения. Мы заметили, что необходимость оказания помощи со стороны недооценивается нашими собеседниками. Многие предпочитают оказывать помощь своим близким и родственникам, хотя сами на данный момент находятся в трудном положении: «они же родственники», «им хуже, чем нам, мы старые, нам уже ничего не нужно», «им приятно, а мне все равно не нужно». В этих фразах фиксируется от-

сутствие отношения к социальной сети как возможности получения поддержки, т. е. процессуальный ресурс оказывается незадействованным. Эти респонденты в целом менее эффективны, чем те, которые предпочитают занимать активное положение по отношению к своему социальному окружению. Показателен пример одной из женщин, которая давно заработала на заводе большое уважение, в том числе из-за ее отношения к людям. А свое отношение она характеризует так: никого нельзя обижать; нельзя отказывать, если ты можешь выполнить просьбу – лучше все бросить, помочь, выслушать, поговорить. Результаты такого отношения – возможность обращаться к людям с любой своей просьбой. Она не просто принимает окружающих людей в качестве возможности решать свои проблемы, она выстраивает отношения с ними таким образом, чтобы, вкладывая, иметь возможность получать обратно.

Используя трехблочную схему ресурсов в качестве аналитического инструмента, мы можем предположить, что наиболее успешным будет поведение, которое основано на комбинированном использовании ресурсов каждого из блоков. Это позволяет компенсировать собственные ограничения и выстраивать взаимодействие со средой так, что оно в данной ситуации будет наиболее приемлемым.

С нашей точки зрения, необходимо выделить дополнительные характеристики ресурсов, которые показывают их динамику и изменчивость. Это, во-первых, степень актуальности, задействованности ресурсов, во-вторых, их вес, в-третьих, степень их субъективной новизны.

Актуальность ресурса определяется отношением к нему со стороны человека. Какое-то индивидуальное качество или особенность социального окружения могут быть полезными для решения проблемы, но не используются по

той или иной причине, значит, они не являются ресурсами совладания. Критерий актуальности ресурсов используется при выделении типов сознания в трудной жизненной ситуации [5].

Вес ресурса определяется его местом в системе возможностей, которыми обладает человек при решении жизненных проблем. Всех наших респондентов объединяет неблагоприятное положение на работе, которое накладывает отпечаток и на остальные сферы. Но далеко не всегда разрушение одной ниши – работы – ведет за собой разрушение остальных. Это связано с тем, что по-разному расставляются приоритеты между сферами жизни. Например, для мужской половины выборки характерно углубление в одну нишу – работу. При ее разрушении они не могут найти другие варианты самореализации, не переключаются на другие ниши, как это делают женщины, т. е. они теряют ресурсы социальные, и когда индивидуальных становится недостаточно, то они все больше погружаются в проблему, им сложнее найти ее конструктивное решение, они не могут выйти за пределы ситуации.

Субъективная новизна ресурса отражает степень гибкости реагирования человека на трудную ситуацию. Гибкость, мобильность, как показывает практика, достаточно важны для поиска конструктивного решения проблемы. Ориентация на субъективно новые ресурсы, по-видимому, зависит от характера осознания человеком той ситуации, в которой он оказался.

В целом ресурсы совладающего поведения можно определить как те индивидуальные, средовые и процессуальные возможности, которые используются человеком для преодоления трудной жизненной ситуации. При этом ключевую роль играют ресурсы процессуальные, связанные с

отношением человека к двум другим типам ресурсов. Отношение может быть реализовано субъективно (во внутреннем плане) и во внешней активности.

Выделение процессуальных ресурсов, с одной стороны, открывает перспективу управления совладающим поведением, а с другой стороны, позволяет трактовать ресурсы как биполярное образование, когда одно и то же свойство может актуализироваться, становиться фактором преодоления трудности или, наоборот, фактором, блокирующим преодоление. Представление о биполярной природе ресурсов дает возможность рассматривать человека и ситуацию не как статичную конструкцию, а в процессе их взаимодействия.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1.
2. Бодров В.А. Информационный стресс. СПб., 2000.
3. Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления // Куда идет Россия? Власть. Общество. Личность / Под ред. Т.И. Заславской: Международный симпозиум 17–18 января 2000 г. М., 2000.
4. Дёмин А.Н., Кожевникова Е.Ю. Совладающее поведение «новых бедных» // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 3.
5. Дёмин А.Н., Крылова Н.А. Типы трудового сознания незанятых женщин // Психологические проблемы самореализации личности: Сб. науч. тр. / Под ред. О. Г. Кукосяна. Вып. 3. Краснодар, 1998.
6. Дикая Л.И., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторам их формирования // Психологический журнал. 1996. № 3.
7. Ильин Е.П. Оптимальные состояния человека как психофизиологическая проблема // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5.
8. Либин А., Либина А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Стиль человека. М., 1998.

9. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. № 5.
10. Селье Г Стресс без дистресса. Рига, 1998.
11. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
12. Хомская Е.Д., Ефимов И.В., Сиротин Е.Б. Межполушарная асимметрия и произвольная регуляция интеллектуальной деятельности // Вопросы психологии. 1988. № 12.
13. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
14. Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегии адаптации // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1.
15. Ядов В.А Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред. А. Д. Воскресенский. М., 2000.
16. Bandura A. Social cognitive theory of personality // Handbook of Personality. Theory and Research. 2-d ed. / Ed. by L. A. Pervin, O. P. John. N.Y., 1999.
17. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y., 1984.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*Жизнь бьет ключом, когда открыт
источник финансирования.*

О. Сеин

*Бедность часто лишает человека
всех душевных сил и доброго начала.
Трудно поставить прямо пустой мешок.*

Б. Франклин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕГИОНАЛИСТИКА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ЛИДЕРЫ
МЕСТНЫХ
СООБЩЕСТВ

В. М. Юрченко,
Е. В. Морозова,
И. В. Самаркина,
И. В. Мирошниченко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ *

*В. М. Юрченко, Е. В. Морозова,
И. В. Самаркина, И. В. Мирошниченко*

В знаменитой работе «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль высказал уверенность в том, что объединенная сила граждан всегда более способна обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть. Однако «убедить людей в том, что они сами должны заниматься собственными делами, это... задача архисложная. Нередко людей значительно проще заинтересовать мелочами придворного этикета, нежели ремонтом собственного дома» [18, с. 86].

Комментируя сегодня слова классика политической мысли, мы хотели бы подчеркнуть, что местное самоуправление — одна из «несущих опор» гражданского общества. Самоуправление — самый близкий к людям институт публичной политики. Именно муниципальная демократия наполняет смыслом такие понятия, как свобода, равенство, права человека, справедливость, выводит их на уровень конкретной личности. Субъектами местного самоуправления выступают местные со-

* Работа выполнена при организационной и финансовой поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса), грант НАА 906.

общества, которым свойственны территориальная идентичность, чувство сопричастности и ответственность за происходящее в сообществе. Эволюция сообщества – сложный и противоречивый процесс, в котором переплетаются действия многих факторов, не в последнюю очередь на него влияют природа и характер политического лидерства на этом уровне политических отношений.

Что определило выбор темы исследовательского проекта? Во-первых, интерес к микроуровню политики. «Территориальное измерение» политики учитывает изменение возможностей «политической оптики» субъектов и позволяет находить новые, иногда неожиданные объяснения сложных политических феноменов (например, электоральных расколов). Во-вторых, сохранение в регионе самих местных сообществ. Как показывают многие исследования, территориальная идентичность на Юге России выражена сильнее, чем в других регионах страны. В Ставропольском крае, к примеру, 35% опрошенных считают себя прежде всего жителями Ставрополя, 26% – гражданами России. В Красноярском же крае только 16% опрошенных считают себя прежде всего его жителями, в Воронежской области – 13%, в Ленинградской – 10% [13, с. 61–77]. Глубоко укорененное региональное самосознание жителей Ставрополя сочетается с высоким уровнем доверия к районным администрациям: 43% респондентов доверяют им полностью или в значительной степени. В населенных пунктах Юга России сохранены плотные сети межличностных отношений. Существует позитивный исторический опыт самоорганизации сообществ. В-третьих, политические лидеры местных сообществ были и остаются одним из основных источников рекрутирования региональной и федеральной политических элит. Посмотрите на биографии наших депута-

тов Государственной Думы и Законодательного Собрания Краснодарского края, лидеров политических партий и движений, министров – почти в каждой вы найдете упоминание о политической работе на уровне района или города. В определенном смысле портрет лидеров местных сообществ 2000 г. – это набросок портрета региональной элиты, которая придет к власти через 3–4 года.

Хотя политическое лидерство – одно из самых востребованных предметных полей в политологии, исследования лидерства на мезо- и микроуровне в отечественной политической науке представлены немногими работами. Феномен регионального политического лидерства изучался К. С. Идиатуллиной, С. Е. Грейшак [11, 7].

Отдельные аспекты политического лидерства в местных сообществах нашли отражение в работах, посвященных местному самоуправлению [9, 14, 10, 6, 2, 1 и др.]

Зарубежная политическая наука, в первую очередь американская, описывает политику на уровне локуса (территории) как системное явление [25, 8], используя термины «parapolitical sistems», «local-level political sistems». Исследованию природы политического лидерства в Нью-Хейвене была посвящена одна из первых книг Р. Даля [26]. В русле социально-антропологических подходов написана монография Р. Сейди, анализирующая биографии лидеров-демократов в графстве Вестчестер, штат Нью-Йорк [31]. Географическое поле исследований политического лидерства местных сообществ постепенно расширялось, включая в свой состав Средний Восток, Австралию, Центральную и Восточную Европу [24, 27, 30].

Предпринятая Дж. Ханом попытка исследовать деятельность местных властей в СССР [28] привела автора к несогласию с советологами, писавшими о «псевдоучастии».

Используя целый набор эмпирических стратегий, Дж. Хан показал формы, посредством которых депутаты местных органов власти представляли интересы тех, кто их избрал. Мнения о достаточно высоком демократическом потенциале местного уровня власти в России придерживается и Н. Петро. В своей книге «Возрождение русской демократии: интерпретация политической культуры» он пишет: «Сколь прочно и вместе с тем исполнено глубокого смысла то, что именно здесь, на Западе, было положено немало сил во имя утверждения исторически присущего человеку чувства сопричастности к сообществу. Это чувство сдерживалось и дополнялось уважением индивидуальности, к которому так стремится сейчас постиндустриальное общество. Рассматривая опыт России как часть общего дискурса ценностей, мы на Западе могли бы открыть для себя то новое, что пригодилось бы нам самим» [31].

100 политических лидеров местных сообществ Кубани стали объектами данного исследования. Выборка лидеров отразила распределение элиты по четырем субрегионам края (г. Краснодар, Черноморское побережье, степная зона и предгорье), отличающимися социально-экономическими условиями, составом населения и политическими ориентациями (табл. 1).

Таблица 1

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ, ЧЕЛ.

Краснодар	Побережье	Степная зона	Предгорье
Краснодар – 21 Пригороды – 4	Новороссийск и пригороды – 11 Большой Сочи – 8 Туапсе и Туапсинский район – 8	Усть-Лабинский район – 4 Кореновский район – 5 Тбилисский район – 8 Крымский район – 6	Армавир – 7 Успенский район – 4 Мостовской район – 4 Горячключев- ский район – 10
Итого: 25	27	23	25

Нами учитывались также различные политические статусы лидеров (табл. 2), причем категория «хозяйственники, крупные предприниматели» была введена после пилотного этапа проекта.

Таблица 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТУСЫ РЕСПОНДЕНТОВ

Руководители администраций муниципальных образований	Депутаты представительных органов муниципальных образований	Руководители политических партий и движений	Руководители общественных организаций	Хозяйственники и крупные предприниматели	Лидеры национальных сообществ
24	24	16	14	11	11

Исследование строилось как политико-антропологическое, с опорой на качественные исследования*. Сравнивая их с количественными методами, Л. Харрисон пишет о том, что качественные методы позволяют сфокусировать столько деталей, сколько это возможно, и нацелены на то, чтобы достичь «глубины», а не «ширины» [29, р.74]. Авторы стремились в полной мере использовать достоинства

* В последние годы наблюдается своеобразный «ренессанс» качественных методов в политологии. Исследователи давно писали о разочарованности голым массовым эмпиризмом количественных исследований, агрегированием больших объемов данных, которые абстрагированы от своих источников во вневременных, безличных средах. Особенно востребованы оказываются качественные методы в периоды переходности, социальной турбулентности, политической неопределенности. Как утверждает П. Томсон, не будет понимания сущностных механизмов социальных изменений, «пока то, что известно из исследований абстрактных экономических и демографических моделей, идеологического и коллективного давления, не будет соединено с пониманием, которое может быть достигнуто только через исследование историй жизни. С пониманием того, как эти силы взаимодействуют на индивидуальном уровне, образуя те мириады решений, которые, накапливаясь, не только придают форму каждой истории жизни, но также образуют направление и масштаб крупных социальных изменений» [19, с. 134-135].

качественных методов: получить ответы прежде всего на вопросы почему? как? зачем? Мы исходили из того, что особенности мировосприятия и поведения лидеров могут быть поняты только через изучение в рамках общего социального контекста индивидуальных судеб представителей этой группы, а индивидуальный опыт становится «фрагментом» общего социального опыта.

Основной исследовательской техникой стало полустандартизированное интервью, «прагматичный курс, пролегающий посередине между жестким вопросником и спонтанными свидетельствами очевидцев» [19, с. 56]. Наиболее точно наше интервью по форме может быть определено как лейтмотивное [20, с. 24]: все респонденты высказывались на одинаковые темы, что дало основание для содержательного сравнения. Интервью проводились в сентябре-октябре 2000 г.

В качестве инструментария использовались опросник интервьюера с четырьмя тематическими блоками вопросов; анкета-путеводитель, где фиксировались некоторые формализованные показатели; тест по стратегии поведения в конфликте, который проводился только с согласия респондента. В среднем интервью длилось 2–2,5 часа, в 18 случаях потребовалось более одной встречи. В исследовании применялся метод наблюдения, результаты которого также фиксировались интервьюерами (степень интереса респондентов, совпадение вербальных и невербальных сигналов, демонстрация собственного статуса в общении и т.д.). Биографический метод позволил описать генезис личности в хронологической последовательности с указанием на переломные точки в жизни и сопутствующие им ситуации.

В ряде случаев по итогам интервью были выстроены карьерограммы респондентов. 64 графика профессиональ-

ных и политических карьер стали основой для количественного анализа, который позволил дополнить данные интервью. Существенным количественным дополнением стали также результаты обработки анкет-путеводителей, содержащих 50 параметров информации (пол, возраст, национальность, место жительства и т.д.).

На начальном этапе проекта выдвигалось достаточно большое количество задач, по завершении пилотного этапа часть из них отпала по разным причинам и внимание исследователей сосредоточилось на решении трех задач:

- а) изучить процесс политической социализации лидеров местных сообществ;
- б) выявить цели и типы их политических карьер;
- в) проанализировать политические ценности лидеров местных сообществ, их иерархию и эволюцию.

Коллективный портрет

Изложение результатов нашего исследования предварим коллективным портретом. Среди наших респондентов 62 мужчины и 38 женщин * (сравним с 10–12% женщин в региональных и федеральных властных структурах). В возрастном отношении группы были неоднородны: до 30 лет – 3, 31–40 лет – 14, 41–50 лет – 32, 51–60 лет – 32, свыше 60 лет – 19. Таким образом, средний возраст лидера – 49 лет, и, следовательно, процесс становления большинства лидеров происходил в советскую эпоху. Сравним со средним возрастом региональной политической элиты – 53,6 года *.

* Мы сознательно опускаем указание процентов, поскольку общее число респондентов – 100.

* По данным 13 субъектов Южного федерального округа [5, с. 163.]

Среди респондентов оказалось 75 русских, 11 армян, 2 украинца и 12 представителей других национальностей. На момент исследования 71 человек проживал в городе, 29 – в сельской местности.

Большая часть наших героев демонстрировала готовность к сотрудничеству, был только один отказ от интервью. «В ходе интервью, – пишет интервьюер Е.Ю. Кожевникова, – складывались самые различные представления о наших героях. Приходилось попутно избавляться от различного рода стереотипов, распространившихся в большом количестве вокруг власть имущих. Приятное большинство составляли неординарные личности, с определенной долей демонстративных проявлений и богатым житейским и профессиональным опытом».

Первой задачей нашего исследования было изучение процесса политической социализации политических лидеров местных сообществ.

Политическая социализация

С момента рождения человек становится «учеником» в своей семье, выучивая виды «порядка», которые интегрируют способы поведения. Р. Патнэм на примере Юга Италии продемонстрировал, как авторитарный уклад патриархальной семьи формировал тот стиль политического поведения, который был назван «аморальным фамелизмом» [16].

Семьи наших респондентов оказались очень непохожими. 23 мужчины и 29 женщин воспитывались в семьях, построенных на демократических отношениях между родителями. Как правило, возраст этих респондентов – до 40 лет.

«В семье царили отношения, основанные на доверии, а не на запретах. Мои родители были очень похожи. Их как бы объединяла одна потребность – делать добро людям.

Мой отец, работая шофером, часто не брал с людей деньги, а мама всегда стремилась помочь любому бедному человеку, постучавшемуся в наш дом» (Надежда, 38 лет, Краснодар).

Вторая группа респондентов – 40 мужчин и 29 женщин – выросли в полных семьях с ярко выраженным лидерством мужчины. Эти респонденты отмечали роль своих отцов в образовании и воспитании, называли отца «кладезем мудрости», «наставником», «советчиком», хотя в интервью часто возникала тема «беспрекословного подчинения».

«Отец прививал любовь к земле, предкам, уважение к старшим. Он приучал к работе на собственной земле, к необходимости расширения хозяйства, к мысли, что все в руках самого человека» (Анатолий, 74 года, Крымск).

«Отец – образец русского офицера: сильный, умный, интеллигентный, справедливый, образованный. Он погиб на войне, а я мечтал стать военным и образ отца пронес через всю жизнь» (Евгений, 62 года, Крымск).

«Папа всегда вел. Сопротивляться ему было бесполезно. Иногда я думаю, что он за меня пытался прожить жизнь» (Мирослава, 41 год, Новороссийск).

В неполных семьях, без отца, воспитывалось 20 мужчин и 9 женщин. Если к указанным 20 прибавить 13 мужчин, выросших в полных семьях с лидерством, а иногда и с диктатом матери, то надо признать: каждый третий респондент мужского пола испытывал доминирующее влияние матери. Родители Владимира из Краснодара развелись, когда ему не было и двух лет. Он вспоминает мать: «Очень волевая, собранная, любила порядок. Всегда жестко контролировала меня. Это было всегда, поэтому не было для меня необычным».

6 респондентов воспитывались дедушками и бабушками, в детдоме или приемных семьях. У этих лидеров силь-

но выражено стремление добиться расположения окружающих, желание быть востребованным – возможно, из-за скрытого опасения вновь потерять семью.

«После того как приемные родители взяли меня из детского дома, я чувствовала ответственность и благодарность за то, что мне сохранили жизнь, учили, воспитывали» (Любовь, 57 лет, Краснодар).

В многонациональных семьях выросло 15 респондентов, остальные – в мононациональных, 70% из мононациональных семей – русские. Социальное положение родителей респондентов: рабочие – 27%, крестьяне – 27, учителя – 6, военнослужащие – 15, техническая и гуманитарная интеллигенция – 15, служащие – 6, другие – 4%. «Обеспеченной» назвали семью своих родителей 12 человек, 38 отнесли ее к категории «средней», а 50 человек – к «бедной». В многодетных семьях (трое или более детей) выросли 44 респондента. В семье Размика из Краснодара, кроме него самого и родителей, жили 5 братьев и сестра, а также 5 братьев отца. «Мы жили, как в коммуналке», – говорит респондент.

Рассказывая о своих семьях, респонденты обращали внимание на те стороны семейного воспитания, которые сказались затем на их личностном и профессиональном становлении. Это обсуждение с детьми каких-либо острых общественных проблем, чтение газет в семье, совместное посещение театров, концертов, поддержание семейных традиций. Многие отметили увлеченность родителей (или одного из них) собственной работой как позитивный пример для себя. 6 респондентов выросли в семьях репрессированных, у них отмечается выраженный мотив «быть лучшим, чтобы не повторить судьбу родителей».

Следующий за семейным этап политической социализации – школьный. Неожиданностью для авторов стал тот

факт, что «школьный блок» интервью оказался самым слабо представленным. Школьный период жизни для большинства наших героев был благополучным: 7 человек были медалистами, а 58 учились на «4» и «5». Лишь трое респондентов отметили влияние школьных учителей на формирование убеждений и с теплотой вспоминали их. Встречались и откровенно негативные оценки, в основном в возрастной группе до 40 лет.

«Школа – это место, где нас никто не любил, где нас только использовали» (Евгений, 32 года, Краснодар).

Этот факт легко объясняется доминированием группы сверстников как фактора политической социализации. По данным нашего исследования, гораздо большее воздействие оказали на сегодняшних лидеров их дружеские компании, а также детские и юношеские политические организации. 48 опрошенных признались, что были «душой компании».

«...Были материальные трудности, не было сверхизобилия, но зато была искренность в отношениях между людьми, мы обладали чувством целостности, не отягощенным делением на национальности. Нас называли поколением победителей и учили защищать друг друга и Родину» (Петр, 53 года, Краснодар).

Многие из респондентов, отмечая чрезмерную идеологизацию молодежных организаций в советский период, подчеркивают, что организаторские навыки были получены именно там. Высокая оценка дана движению студенческих стройотрядов, где «вырабатывалось чувство ответственности, взаимовыручка, умение вкладывать в работу все силы». Эта группа довольно скептически оценивает сегодняшнее молодое поколение, подчеркивая необходимость государственного влияния на систему политической со-

циализации: «Нынешняя молодежь не умеет организовываться, просто выплевывается из стен школы».

«Порядок в стране можно навести, только сменив систему воспитания. Любви к Родине тоже нужно учить. Учить гордиться гимном, флагом. Нам есть чем гордиться, но мы не умеем этого делать, мы разучились» (Виктор, 52 года, Новороссийск).

Не последнюю роль в профессиональной и политической карьере лидеров играет уровень и тип образования. Высшее образование получили 76 респондентов, а среднее специальное – 23 человека. 53% лидеров имеют техническое и сельскохозяйственное образование, 15% – гуманитарное, 11% – педагогическое, 8% – естественно-научное. Следует отметить, что среди лидеров местных сообществ гораздо больше, чем среди региональных лидеров Южного округа, представлены люди с классическим университетским образованием – гуманитарным или естественно-научным, а лиц с техническим и сельскохозяйственным образованием на 20% меньше, чем в региональной элите [5, с. 154]. Для многих лидеров получение высшего образования оказалось связано с травматическим опытом разного рода. У 9 респондентов родители «сломали» выбор, сделанный детьми. Вместо факультета журналистики пришлось поступать на экономический сельскохозяйственного института, вместо медицинского – в институт физической культуры, вместо юридического – в политехнический: *«Мне казалось, что в вузах учатся самые одаренные дети, а когда столкнулся на деле – оказалось, что самые толковые одноклассники не поступили: не хватило денег или связей».*

Тем не менее 34 респондента указали на «увлеченность, интерес» как на основной мотив выбора профессии, при-

чем все воспринимают звания, образование как абсолютную ценность.

«Если бы был помоложе, закончил бы все факультеты университета» (Киркор, 70 лет, Горячеключевской район).

Вторым по значению фактором политической социализации в послешкольный период стала армия. 8 респондентов закончили высшие военные учебные заведения, 7 мечтали о военной карьере, но не прошли конкурс по состоянию здоровья, 5 работали на армию по найму. Из всех родов войск их больше всего привлекала авиация. 48 респондентов прошли срочную службу. Отношение к службе в армии скорее положительное: резко негативно высказались 26 человек, нейтрально – 29 человек, а 45 респондентов считают, что «через армию надо пройти всем». В то же время 74 лидера высказались за перевод армии на профессиональную основу. Оценки получились крайне полярные:

«Мечтал стать военным. Армия – это товарищество, дружба, взаимовыручка, дисциплина, поэтому и одобрил решение сына пойти на контрактную службу» (Геннадий, 52 года, Крымский район).

«Я служил на флоте. Армия была связана с романтикой и чувством локтя» (Юрий, 48 лет, Кореновский район).

«Годы в армии можно вычеркнуть из жизни. Военные готовят нравственных уродов, которые умеют только разрушать» (Виктор, 51 год, Крымский район).

«Армия – это шаблонное мышление, стандартные модели поведения, а затем деградация» (Игорь, 41 год, Усть-Лабинский район).

Интересно, что важным социализирующим влиянием обладало увлечение спортом. Серьезно занимались спортом, имели высокие спортивные разряды 19 наших героев. Предпочтение отдавалось индивидуальным видам спорта,

самыми популярными были парашютный спорт и бокс, назывались также борьба, подводный спорт, велогонки, легкая атлетика и гандбол. Основной мотив занятий спортом – желание победить, «быть первым» или «преодолеть себя», «доказать самому себе, что могу». С этим, видимо, связана и тяга к «экстремальным видам».

Для некоторых из респондентов событием, изменившим многие представления, стала поездка за границу. Респонденты попадали за рубеж туристами, служили в армии, работали в развивающихся странах, выезжали на семинары и стажировки. Увиденное вступало в противоречие со сформированными установками: «я сначала противился сам себе» (Вадим, 38 лет, Краснодар). Затем появлялся стойкий интерес.

«Я сделал выбор в пользу изучения английского языка, потому что хотел посмотреть мир. Уже тогда меня тянуло к знакомству с представителями других стран» (Виктор, 36 лет, Краснодар).

И наконец, единицы из респондентов указали на чтение художественной литературы как на фактор, значительно повлиявший на их становление. Любимые писатели: М. Рид, В. Каверин, Д. Лондон.

«Это были не сказки, это была сама жизнь. А я был одним из них, другом Сани Григорьева или его братом» (Виктор, 52 года, Новороссийск).

Следующий этап социализации политических лидеров местных сообществ – их профессиональная деятельность, которая совмещалась с активной работой в общественно-политических организациях. Так, 84 респондента были активистами организаций КПСС, из них 70 – на первичном уровне, 11 – на уровне района, города, 3 – на уровне края. В комсомольских организациях работали 27 респондентов, в профсоюзных – 6. Одни реализовывали свои убеждения,

другие находили круг общения, третьи видели в статусе «общественника» возможность карьерного роста или улучшения благосостояния.

«Считаю своей святой обязанностью объединять вокруг себя людей. Ведь мы ничегошеньки не знаем друг о друге, а вместе мы – сила» (Зинаида, 56 лет, Новороссийск).

«В послевоенное время, в период разрухи, голода и нищеты лишь люди, работавшие в высших эшелонах власти и в торговле, могли более или менее нормально существовать» (Михаил, 78 лет, Крымский район).

Важную роль в процессе социализации играют радикальные изменения окружающего мира, последствием которых становятся процессы ресоциализации. События 1991 г. более половины респондентов пережили как травму. В записях интервью мы находим классическое описание травматических синдромов, указанных П. Штомпкой [23]: «Все обрушилось в один момент. Мало того, люди стали сторониться меня как партийца. Это я переживал очень тяжело».

«Все хаотично, непродуманное коллективное сумасшествие и народа, и производства» (Владимир, 47 лет, Кореновский район).

Лидия, бывший первый секретарь райкома КПСС, благодарит судьбу за то, что карьера прервалась, когда она была достаточно молодой и стойкой, чтобы все осознать и пережить. Новая работа в соцзащите открыла перед ней «всю нашу жизнь», научила осмысливать ее по-новому.

Продолжение политической деятельности в новых условиях ставит вопрос о ресоциализации лидеров местных сообществ. Примерно треть из них воспринимают необходимость ресоциализации как свою насущную проблему и предпринимают усилия для ее решения. 13 респондентов получили второе образование экономического и юридиче-

ского профиля. Что особенно важно, лидеры начинают осознавать необходимость управленческой профессиональной подготовки, 4 человека получили второе образование по специальности «государственное и муниципальное управление», 12 респондентов имеют два профессиональных образования, закончили школы бизнеса, семинары и т.д. Хотели бы получить второе высшее еще 26 человек, но пока никаких шагов не предпринимают. Они и составляют ту часть группы, которой ресоциализация пока фиксируется как проблема будущего. Они часто проявляют растерянность, слабую адаптивность.

«Очень трудно в общении с людьми сталкиваться с их проблемами... Пропускаешь все через себя и порой осознаешь свое бессилие. На производстве все иначе: сказал-сделал. Есть производственные задания, все взаимосвязано, а в администрации все замыкается на мне» (Геннадий, 52 года, Крымский район).

Каждый четвертый респондент в разной степени продемонстрировал ригидность, стремление воспроизводить опыт и стереотипы, сложившиеся в прежней системе управления.

«Партийная система умела готовить кадры. Происходил жесткий отбор, человек мог расти до определенного уровня. Кто не справлялся – отбрасывался» (Александр, 49 лет, г. Армавир).

Для данной группы характерны настороженные, а иногда откровенно враждебные отношения к управленческим нововведениям и даже обозначающим их терминам (например, PR), идеализация прошлой системы, которая обеспечивала им максимальный психологический комфорт.

Анализ демографических переменных величин и факторов политической социализации позволяет установить ха-

рактик лидерства, видение себя в политике и местном самоуправлении.

Традиционно с точки зрения политической активности и наличия компонентов политического лидерства признается два вида лидеров: либо «реальные» лидеры, либо «менеджеры» (Р. Такер); в интерпретации Дж. МакГрегора Бернса – «преобразователи» и «дельцы» [3, с. 407–410].

Данная типология была применена в исследовании для анализа характера политического лидерства местных сообществ. Результаты анализа обобщены в табл. 3.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ТИПАМ ЛИДЕРСТВА

Тип лидерства	Компоненты политического лидерства	Количество респондентов, %
«Во всем первый» (инициатор, преобразующий)	Постановка диагноза, подготовка действий и мобилизация	45
«Второй заместитель»	Обладает всеми тремя компонентами, но в силу ряда причин не хочет или боится ответственности, его принцип: «меньше ответственности, достаточно власти»	15
«Администратор» (менеджер, делец)	Подготовка конкретных действий и мобилизация	15
«Член команды»	Мобилизация выполнения конкретных действий	25

Тип лидерства «во всем первый» формировался в условиях нуклеарной семьи, в которой было двое и более детей и превалировали начала демократических отношений. Эти люди с детства были «душой компании» или «ведущими» среди «ведомых» сверстников. По их мнению, «лидер может быть только природным, им нельзя стать».

Мотивацией их учебы, а также движущей силой карьерного роста было стремление соединиться с «большими делами», желание максимально реализоваться, улучшить свой социальный статус и материальное положение, выделиться из «серой массы», «выбивая место под солнцем». Лидеры такого склада чувствуют себя комфортно во всех сферах деятельности.

В конфликтных ситуациях они предпочитают стратегию «совы» – открытой и честной конфронтации: «Сильный человек всегда играет с открытым забралом». Они ценят и цели, и отношения, открыто определяют позиции и ищут выход в совместной работе по достижению целей: «задают тон в работе своей команды». Для них вся жизнь – борьба: «Падают, поднимаются, вновь идут...».

Тип лидерства «второй заместитель» имеет только одно кардинальное отличие от первого лидера – это избегание ответственности. Его принцип: «меньше ответственности, достаточно власти». Их устраивает неформальное, «теневое» лидерство: «поощряет инновации, но не внедряет их, припасая до лучших времен. Они «занимают пустые, но удобные ниши». Стратегия поведения в конфликте – «лисы». Они идут на компромиссы и хорошо владеют правилами политического торга. Искусство политика, по их мнению, состоит в том, чтобы «дать пряник – кнутом погрозить».

Третий тип лидерства, «администратор», развивается у людей из патриархальной семьи или же семьи военных, достаточно посредственных в учебе, не имеющих влияния среди сверстников и проявивших себя в период прохождения службы в армии. Соответственно, они считают, что «идеальна система беспрекословного подчинения приказам вышестоящего начальства». «Для управления не нужно знать, как работают станки, главное – все правильно организовать». В конфликт-

ных ситуациях они применяют силовую стратегию; по их мнению, конфликты решаются лишь выигрывшем одной из сторон и проигрывшем другой: «Я жесткий человек – хирург, причиняю человеку боль, чтобы потом ему было хорошо».

Тип лидерства «член команды» формируется в условиях безграничного авторитета родителей, сложных отношений со сверстниками, при наличии средних показателей в учебе. Детское восприятие полностью перенесено на жизненную позицию: «Начальник – это начальник, никаких дискуссий». Движущая сила карьеры такого лидера – «исполнительность и безотказность», «усердие и трудолюбие». Он не может без команды: «У одиночки свой тяжелый путь, один человек ничего не значит; без друзей, без коллектива ничего не добиться»; власть – лучшая защита от нее самой. Это «бумажные» тигры с нулевой властью, зависящие от всех, но в то же время не могущие быть вне политики. Их стратегия в разрешении конфликтов – избегание.

В целом политические лидеры местных сообществ рассматривают свою работу на данном территориальном уровне, во-первых, как возможность проявить себя на «родине», где есть поддержка семьи и людей, которые знают его лично, оценивают его действия; во-вторых, как стартовую площадку к выходу на региональный и федеральный уровень.

Политическая карьера

Слово «карьера» только недавно начало утрачивать негативные коннотации, присущие ему в советский период. Появление исследований по управлению персоналом и развитие отечественной элитологии стимулировали интерес к данной проблематике. Политическая карьера стала предметом диссертационных исследований [4].

Под политической карьерой мы понимаем поступательное изменение навыков, способностей и возможностей, связанных с политической деятельностью. Основными типами политической карьеры считают вертикальный (движение вперед по однажды выбранной линии – например, карьера в партии от рядового исполнителя до секретаря ЦК) и горизонтальный (последовательное освоение все новых участков и сфер деятельности: из профсоюзов – в администрацию, затем – в органы представительной власти). Кроме того, существует тип карьеры, который часто называют неформальным (пребывание рядом с центром власти, владение информацией и контроль за ее использованием, организация неформальной коммуникации).

Анализ карьерограмм политических лидеров помогает также ответить на несколько как методологических, так и теоретических вопросов. Во-первых, «примерить» методику анализа карьерограмм для исследования феномена политического лидерства. Во-вторых, описать модель карьеры политического лидера местного сообщества (возраст начала карьеры, ее продолжительность, сочетание с профессиональной карьерой), общее и особенное в моделях политических карьер мужчин и женщин.

Для решения этих задач использовались 64 карьерограммы (32 профессиональные и 32 политические), составленные интервьюерами по результатам проведенных интервью, в том числе 10 карьерограмм (31,3%) женщин-политиков и 22 карьерограммы (68,8%) мужчин-политиков. Они представляли все исследованные нами зоны Краснодарского края. В карьерограмме были отражены основные этапы профессиональной и политической карьеры лидера, его возраст, год рождения, пол, субрегион Краснодарского края. Для анализа данных мы использовали такие

переменные, как возраст начала профессиональной карьеры, возраст начала политической карьеры, продолжительность профессиональной карьеры, продолжительность политической карьеры, количество ступеней профессиональной карьеры, отраженное в карьерограмме, и количество ступеней политической карьеры, отраженное в карьерограмме. Для анализа данных мы использовали описательную статистику, в частности анализировали показатель среднего значения частоты по каждой переменной.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы рассматриваем эту часть работы как своего рода «пилотное» исследование, апробацию методики. Полученные результаты, на наш взгляд, как весьма предварительны и требуют подтверждения в дальнейших исследованиях. Осторожность выводов объясняется еще и скромными размерами нашей выборки.

Профессиональная карьера типичного политического лидера местного сообщества начинается в 22 года. Разброс возраста начала профессиональной деятельности достаточно велик, он составил от 10 до 36 лет, при этом максимум приходится на 24 года (15,6%). Средний возраст начала политической карьеры гораздо больше – 31 год. Разброс возраста начала политической деятельности составляет от 14 до 63 лет, но максимум приходится на 33 года (9,4%). В подавляющем большинстве случаев политической карьере предшествует профессиональная: мы имеем всего два исключения из этого правила в нашей выборке. Схема, представленная на рис. 1, показывает, что между временем начала профессиональной и политической карьеры есть некоторая зависимость, хотя иногда отмечались и исключения, когда политическая карьера стартовала первой.

Таким образом, типичный политический лидер, представитель местного сообщества-2000, – это выходец из

своей профессиональной среды, где он достиг профессионального (по крайней мере, статусного) признания.

Рис. 1. Начало карьеры

В анализируемой нами выборке можно проследить несколько моделей сочетания профессиональной и политической карьеры. Как правило, это последовательная смена профессиональной деятельности на политическую, реже – сочетание профессиональной и политической карьеры. Продолжительность профессиональной карьеры исследуемых нами лидеров колеблется в диапазоне от 1 до 43 лет. В среднем она составляет 19 лет, хотя при этом максимум приходится на 17 лет (9,4% выборки). Продолжительность политической карьеры заметно меньше, в среднем – 12,9 лет. Разброс в продолжительности политической карьеры составляет от 1 года до 36 лет. При этом максимум приходится на 6 лет (12,5% выборки).

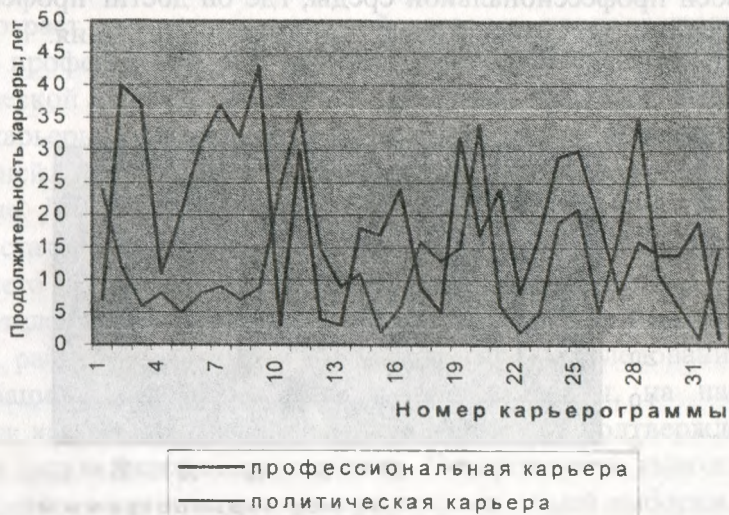

Рис. 2. Продолжительность карьеры

Одной из наших гипотез была гипотеза о существовании различий в моделях карьеры, как профессиональной, так и политической для мужчин и женщин-политиков. Наш анализ показал, что для женщин-политиков профессиональная карьера начиналась в возрасте от 10 до 28 лет *, в среднем в возрасте 20 лет, а чаще всего в возрасте 18 или 24 лет (в 20% случаев). Профессиональная карьера мужчин-политиков начиналась немного позже, в среднем в возрасте 23 лет (при разбросе от 17 до 36 лет). При этом максимум приходится на 23 года.

Что касается политической карьеры, то она начиналась для женщин в среднем в возрасте 31,6 лет. Разброс возраст-

* Лидеры старших возрастов начинали трудовую деятельность в 13–14 лет, а в одном случае – в 10 лет.

та начала политической карьеры для женщин составил от 14 до 47 лет. Максимальное количество случаев приходится на возраст 36 лет (20% выборки). Мужчины в этом отношении не на много отличаются от женщин. В среднем они также начинали свою политическую карьеру примерно в 31 год, хотя разброс возраста начала политической карьеры намного больше, чем у женщин, – от 18 до 63 лет. При этом максимум приходится на 33 года.

Продолжительность профессиональной карьеры для женщин составляет в среднем 19,5 лет при разбросе от 8 до 32 лет. Мы не обнаружили существенной разницы в показателях продолжительности профессиональной карьеры мужчин-политиков и женщин-политиков. Для мужчин эта продолжительность составляет 19 лет при разбросе от 1 года до 43 лет.

Что касается продолжительности политической карьеры, то для женщин из нашей выборки она составляет почти 14 лет и колеблется в диапазоне от 5 до 35 лет. При этом максимум приходится на 5 и 11 лет (по 20% выборки в каждом случае). Для мужчин-политиков эта продолжительность политической карьеры составляет 12 лет при разбросе от 1 года до 36 лет. При этом максимум приходится на 6 лет.

Мы также проанализировали количество ступеней профессиональной карьеры. В среднем их число составляет для нашей выборки 4,3 ступени (в разбросе от 1 до 8). Количество ступеней политической карьеры для нашей выборки составляет 3,7 ступени (в разбросе от 1 до 11). Это подтверждает главный вывод о предшествовании профессиональной карьеры карьере политической. Анализ количества этапов профессиональной и политической карьеры показывает, что, как правило, чем больше этапов профессиональной карьеры преодолел лидер, тем меньше он успел сделать шагов в карьеру

ере политической, и наоборот (рис. 3). Правда, в нашей выборке были и исключения из этого правила.

Рис. 3. Этапы карьерного роста

В целом проведенный нами анализ карьерограмм политических лидеров, представляющих местные сообщества на территории Краснодарского края, позволяет сделать предварительный вывод о перспективности этого метода, но при соблюдении ряда условий. Первое условие – полнота данных каждого интервью, второе условие – достаточно большой массив выборки, который позволил бы анализировать модели карьеры, например, по отдельным выделенным в исследовании зонам.

Анализ карьерограмм показал, что среди лидеров местных сообществ доминирует группа респондентов с горизонтальным типом карьеры. Вместе с тем передвижение по «горизонтали» отчасти было вынужденным: ведь 66 лиде-

ров в советский период находились на освобожденной партийной работе, 8 респондентов числились штатными работниками ВЛКСМ, и можно с большой долей уверенности предполагать, что они планировали развивать карьеру в рамках именно этих организаций. Но 1991 г. стал переломной точкой в их политической карьере, и лидерам пришлось продолжать ее в других сферах деятельности.

Этот же 1991 г. стал стартом политической карьеры еще для двух групп лидеров. Одна из них представлена людьми, которые по причине невозможности (в силу социального или этнического статуса) или нежелания («у власти стояли безвольные, мягкие люди, дело партии было загублено – сдался...») не были причислены к составу советской элиты во всем ее многообразии, что позволило им дистанцироваться от «партработников» в постперестроечный период и выступить в роли оппозиционеров, указывающих совершенно иные корни своего происхождения в отличие от «партработников» (принадлежность к «казацкому роду» или к неславянской национальности). Так, лидеры диаспор неславянской национальности, указывали на свою невозможность вхождения во властные структуры в советское время: «от природы – лидер, но добиться многого мешает национальность», «я был беспартийным, да еще армянином, кроме того врачом, который стал заслуженным работником культуры». Причем, действуя на одном, ограниченном социально-культурном пространстве и имея одинаковую мотивацию, побуждающую их к данным действиям, казачество и национальные диаспоры преследуют разные цели. Представители казачьих организаций называют себя реальной силой, которая «может навести порядок в крае», потому что «демократия понимается русскими как вседозволенность», хотя на самом деле «русский человек тянется к силе». Поэтому казаки, действуя на местном уровне и

оказывая влияние на семью, эволюционно хотят «изменить порядок устройства общества». Представители армянской диаспоры подчеркивали гражданские, а не политические аспекты деятельности: «за мною стоит 40 тысяч армян, но политикой мы не занимаемся...», «.....хочу, чтобы мои дети и все другие армяне, живущие в России, были ее достойными гражданами». Они акцентируют внимание на несправедливом отношении русских к лицам кавказской национальности: «...мы – христиане уже более полутора тысяч лет, в отличие от русских. Русские, язычники и огнепоклонники, пришли к нам за культурой», «главное – снять барьер между русскими и лицами кавказской национальности, а для этого нам нужно показать, какие мы есть».

Другая, и довольно многочисленная (24 человека), группа представлена вынужденными переселенцами и офицерами, уволенными в запас. Попытавшись найти работу по специальности и потерпев фиаско, они вначале видели в предложенной работе в муниципалитетах или партиях (как правило, в период избирательных кампаний) лишь источник средств к существованию. Потом «вошли во вкус» и в данный момент являются наиболее динамичной группой. Близки к этой группе и несколько респондентов, которые пытались организовать свое дело, разорились и занялись политикой.

«Переломной точкой» в судьбе респондентов стал их переход от профессиональной карьеры к политической. Первичный выбор между дальнейшей работой по специальности и партийной карьерой у представителей старшего поколения группы «партийцев» совершался с большим эмоциональным подъемом: «КПСС – больше, чем партия, это объединение людей выше других по уровню...». Предложение перейти на работу в партийные органы рассматривалось как большое доверие: «Я считал за честь работать в партийных органах...

считал себя причастным к высшим делам нашей Родины... льстило, что «киты» взяли меня в свою команду».

Младшая когорта профессиональных партработников конца 1960-х гг. и далее уже выбирает свой жизненный путь рационально, тщательно взвешивая альтернативы: «Вступил в партию по убеждениям... В первую очередь ради карьеры», «отказаться от должности инструктора – значило погубить всю дальнейшую карьеру».

У респондентов, начавших политическую карьеру в постсоветские времена, мы видим большее разнообразие мотивов (табл. 4).

«Я, человек дела, иду во власть, чтобы добиться там такой же эффективности и четкой работы, как у себя на производстве» (Виктор, 52 года, Туапсинский район).

«Движущая сила карьеры – желание быть независимым, вырваться из рамок, куда меня постоянно пытались загнать школа, родители, армия, институт» (Юрий, 43 года, Новороссийск).

«Я едва ли не первый в городе коммерсант, и когда на каждом шагу приходилось сталкиваться с тем, что нас душат, нас пытаются ободрать, я решил как-то защищаться. Лучшая защита – это иметь хоть какую-то власть, чтобы можно было бы на эту власть влиять» (Виктор, 52 года, Новороссийск).

У ряда лидеров очевидны выраженные компенсаторные мотивы:

«Мне всегда доставляло удовольствие руководить, иногда унижать с высоты своего положения, показывать им свое место – это была игра, во время которой я многому научился» (Вадим, 38 лет, Краснодар).

«Меня постоянно несло по течению, и я не могла сопротивляться ему. Не могла перечить отцу, мужу, боялась их расстроить. Выросли дети – попыталась себя реализовать» (Мирослава, 41 года, Новороссийск).

Таблица 4

МОТИВЫ КАРЬЕРНОГО РОСТА В САМООЦЕНКЕ РЕСПОНДЕНТОВ

Мотив	Количество респондентов, %
Желание максимальной самореализации	30
Стремление навести порядок	13
Возможность иметь больше средств для решения профессиональных проблем в своей сфере деятельности	18
Возможность улучшить свое материальное положение	10
Желание повысить свой социальный статус	8
Желание руководить, управлять	7
Другое	14

Политическую карьеру на уровне местных сообществ отличает совмещение политических статусов. Это обусловлено тесными горизонтальными связями властных и общественных отношений на уровне местного самоуправления. При совмещении нескольких статусов каждый из лидеров самостоятельно определял приоритет одного из них, и отметка о принадлежности к одной из обозначенных категорий политических лидеров ставилась на основе самоидентификации лидеров. Наиболее часто встречаются следующие пары совмещения статусов:

- 1) представитель местной администрации – представитель общественных организаций;
- 2) представитель местной администрации – представитель политических организаций;
- 3) депутат представительных местных органов власти – представитель общественных организаций;
- 4) депутат представительных местных органов власти – представитель политических организаций;
- 5) депутат представительных местных органов власти – лидер этнокультурных сообществ;

6) депутат представительных местных органов власти – крупный хозяйственник;

7) крупный хозяйственник – представитель политических организаций.

Отвечая на вопрос «Что, на ваш взгляд, необходимо, чтобы сделать успешную карьеру?», респонденты назвали целеустремленность и последовательность (37%), образование (31%), связи (17%), материальное благополучие (6%) при 9% воздержавшихся от ответа на вопрос.

Оценивая свой профессионализм, лидеры дали наивысшие баллы своим управленческим навыкам и знаниям о политической системе. Хуже обстоит дело с психологическими знаниями (их не хватает 90 респондентам). Знают иностранные языки на приличном уровне только 4 человека, и столько же используют в работе Интернет.

В отношении карьерной самооценки лидеры разделились на две примерно равные группы. 47 человек считают, что они достигли всего, чего желали, но каждый четвертый из них полагает возможным для себя горизонтальные перемещения на уровне местного сообщества. 46 человек планируют дальнейший рост, причем 1 респондент собирается стать Президентом РФ, 2 – депутатами Государственной Думы, 2 – министрами, 8 – главами администраций районов, 6 – депутатами Законодательного Собрания края, 32 планируют работу на более высоком уровне в представительных или исполнительных органах местной власти*.

* После завершения полевого исследования, в ноябре-декабре 2000 г. в районах и городах края состоялись выборы глав и депутатов представительных органов муниципальных образований. Трое из наших респондентов были избраны главами администраций районов, 24 – депутатами районных Советов, 19 назначены заместителями и руководителями департаментов районных и городских администраций.

При анализе потенциальных возможностей лидеров местных сообществ для продолжения их дальнейшей политической карьеры были выделены три группы респондентов: слаборесурсные, среднересурсные, сильноресурсные [22, с. 7–15].

Именно обладание такими ресурсами, как средний возраст, мужской пол, профессиональное (образование), место проживания в городе или райцентре, этничность, принадлежность к титульной нации, адекватная самооценка с осознанием реальных перспектив роста, профессиональные умения, дает возможность карьерному росту.

В исследовании к числу сильно ресурсных лидеров отнесены личности, которые обладают следующими видами характеристик, представленных в табл. 5:

Таблица 5

СИЛЬНОРЕСУРСНЫЕ ЛИДЕРЫ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Вид ресурса	Параметры ресурса	Объем, % от генеральной совокупности
Возраст	30–50 лет	49
Знания (образование)	Высшее	65
	Второе высшее	11
Пол	Мужской	78
Этничность	Русский	70
Уровень благосостояния	Средний	80
	Высокий	9
Место проживания	Город	71
Самочувствие	Планируется дальнейший рост	46
Профессиональные умения	Знание политической системы	19
	Психологические знания	10
	Знание компьютера	3
	Управленческие навыки	65
	Знание языка	4

Таким образом, от 35 до 45% лидеров местных сообществ можно считать сильноресурсными и обладающими оптимальными возможностями продолжения политической карьеры.

Политические ценности

Исследование позволило выделить три типа ментальности, присущей лидерам местных сообществ:

- патерналистско-эгалитаристский (примерно треть лидеров);
- индивидуалистическо-либеральный (около 20% лидеров);
- промежуточный (около 50%) (см. классификацию: [17, с. 29–37; 12, с. 36–44]).

Анализ типов ментальности включает в себя изучение таких характеристик, как направленность изменения ориентаций, психологическая реакция, формы поведения, тип сознания, принадлежность к социальной группе.

Первый тип ментальности характеризуется сохранением прежних ортодоксальных коммунистических ценностей, стремлением упрочить самоидентичность прежнего типа и верой в крепость исповедуемых норм. Люди с патерналистско-эгалитаристским типом ментальности авторитарны, консервативны и догматичны. Они продолжают борьбу или уходят в себя. «Социалистический строй все равно наступит. Наукой доказано, что капитализм сменяется социализмом».

Второй тип характеризуется переоценкой ценностей, существованием чувства утраты с верой в возможность позитивных перемен. Лидеры с индивидуалистическо-

либеральным типом ментальности принимают участие в перестройке социальных структур и процессов, разрабатывают социальные проекты и программы. У них преобладают в сознании прагматизм и либерально-реформаторские установки.

Промежуточный тип ментальности характеризуется неструктурированным, противоречивым типом рефлексии, использованием традиционных ценностей. Представители данного типа ментальности стремятся к объективности, критически относятся к старому обществу. Они испытывают определенную ностальгию по советским временам. Перестройка и распад Советского Союза были для них тяжелым периодом: «Кто бы мог тогда предсказать, что с партией такое случится. Ведь она казалась такой несокрушимой». При этом осознается, что «советская структура стала гнить» и «в ней не было жизни». Хотя демократические ценности отчасти ими приняты, сохраняется определенная раздвоенность сознания: «Я – за коммунизм, но лучше – за демократию».

Политико-идеологическая идентификация политических лидеров местных сообществ в пропорциональном отношении совпадают с возрастными показателями электоральных предпочтений избирателей Краснодарского края, где существует закономерность: чем моложе лидер, тем демократичней его взгляды (табл. 6). В зональном распределении электоральных предпочтений исторически более демократичны г. Краснодар и Черноморское побережье.

Таблица 6

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИДЕРОВ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ

Возраст, лет	Самоидентификация *, % к численности возрастной группы						
	СПС	«Яблоко»	«Единство»	«Отечество» (Лужков)	«Отечество» (Кондратенко)	КПРФ	Против всех
31–40	26	–	22	22	–	22	8
41–50	1	2	20	10	19	16	32
51–60	–	–	31	–	3	28	38
61–70	–	–	2	–	21	58	15

Идентификация в левом секторе политической шкалы достаточно размыта, так как не все лидеры отделяют движение «Отечество» (Кондратенко) от КПРФ, причем первое более популярно благодаря харизматическому лидеру Н.И. Кондратенко.

Сильны в Краснодарском крае позиции и «Единства». Это движение, как и «Отечество» (Кондратенко), и КПРФ, выступает за порядок в государстве, который при ранжировании ряда ценностей в 36% случаев (самый высокий показатель) имел для респондентов наивысшее значение: «„Единство“ не слишком отличается от КПСС. Нужна только одна партия, которая может обеспечить порядок».

Достаточно влиятельной силой является «Отечество» (Лужкова). Если суммировать поддержку, высказанную

* Для уточнения данных по позиции политической самоидентификация в интервью был включен дублирующий вопрос: «Сторонником какой партии Вы являетесь?». Показатели этих вопросов были скоррелированы, в табл. 6 даны усредненные показатели. Ряд партий, которые были заложены в вопросе (РНЕ, Демократический союз, ЛДПР, Трудовая Россия), получили при ответах по 0 баллов, поэтому в таблицу не были включены.

«Единству» и «Отечеству», то база политического центризма среди лидеров местных сообществ оказывается самой сильной в сравнении с флангами политического спектра*.

Среди лидеров определилась небольшая (7 человек), но четко выраженная группа со скептическим отношением к перспективам партстроительства в России.

«Серые люди хотят иметь свой кабинет, машину, секретаршу. Теперь они создают свои движения и кричат: «Я – за народ!» А в том движении 5–6 человек, включая жену и кошку» (Виктор, 52 года, Новороссийск).

Более 70% респондентов готовы поддержать «любую партию власти», которая могла бы обеспечить российскому обществу стабильность, устойчивость**. Поэтому в оценке деятельности исторических деятелей, рассматриваемых как идеал политика, и тех качеств, которые должны быть им присущи, политические лидеры местных сообществ были достаточно едины. Наиболее близки им оказались государственные деятели, которые «сумели навести порядок в стране и изменить ход истории» (Петр I, Ленин, Сталин) (табл. 7).

Таблица 7

Идеал политика	Кол-во респондентов, %
Петр I	35
Сталин	13
Ленин	3,8

* Следует обратить внимание на то обстоятельство, что интервью проводились до объединения «Единства» и «Отечества» в одну партию.

** Характерен в этом плане пример Александра из Тбилисского района, который был членом КПСС, НДР, «Отечества» (Лужкова), затем «Отечества» (Кондратенко). В момент интервью он занимался созданием отделения «Единства» в районе. Считает нормальным, когда люди на местах хотят поддержать партию власти: «Мы должны быть заодно с властью, иначе в стране не будет порядка».

Петр I и Сталин «обладали железной рукой» и «огромной силой воли», Ленин же – «идейный вдохновитель» масс, умевший управлять ими.

Сегодня симпатии к современным федеральным политикам на стороне В. В. Путина (35%), а к региональным (краевого уровня) – Н. И. Кондратенко (50%). Это объясняется тем, что для данных политических лидеров приоритетным является наведение порядка в стране. Данная ценность является доминирующей в связи с консервативными ориентациями массового сознания на Кубани.

Иерархия политических ценностей, имеющих наивысшее значение для респондентов, представлена в табл. 8.

Таблица 8

Политические ценности	Кол-во респондентов, %
Порядок	36
Права человека	24
Целостность государства	18
Свобода	10
Демократия	8
Другое	4

Неоднозначно оценивается деятельность политических лидеров переходного периода:

1) Ельцин – «бунтарь» (44%), но сделал главное – «направил Россию по новому демократическому пути развития» (35%);

2) Горбачев, с одной стороны, «дал возможность разграбить государство», «внес хаос» (75%), с другой – «великий человек, сделал свое дело» (20%).

Все преобразования в стране, по мнению абсолютного большинства респондентов, «должны быть продуманы и объяснены народу», необходимо сохранять стабильность в обществе и традиции.

Уровень информированности о политической системе и политических процессах лидеров высок, но сведения, исходящие из средств массовой информации федерального уровня (печатные, электронные), воспринимаются политическими лидерами местных сообществ очень критически. На локальном уровне предпочитают распространять информацию в межличностном общении в кругу местной элиты.

Поскольку интервью совпадали по времени с развертыванием избирательных кампаний в муниципальных образованиях, нам было интересно мнение собеседников об электоральных технологиях. В основном заявленные позиции можно сгруппировать следующим образом:

1) осуждение грязных методов борьбы и неиспользование их самим респондентом: «политические и карточные шулеры – одинаковые мошенники», «сильный человек всегда играет с открытым забралом»;

2) признание грязных методов следствием общественных отношений, «болезнью общества» («идет дождь, этого нельзя изменить»), преодолевать их можно только политическим просвещением;

3) осуждение «черного» PR в целом с допущением использовать иногда, когда необходимо «адекватно ответить сопернику».

Вместо заключения

Лидеры местных сообществ, откровенно и ответственно рассказывая истории своих жизней, развеяли расхожий стереотип о политиках, которые идут в политику либо удовлетворять свое «эго», либо набивать карманы. Лидия из Туапсинского района сказала нам: «Моя работа сегодня самая что ни на есть черная, но она благородная и наполнена таким человеческим смыслом, что это дает мне силы жить и чувствовать

себя нужной». Гуманистические ценности определяют сущность деятельности большинства респондентов, а идентификация себя с местным сообществом придает особый смысл их работе по обустройству малой Родины.

Авторы исследования старались дать максимально объективный коллективный портрет политических лидеров местных сообществ Краснодарского края. Их оценки, их мнения, их симпатии или антипатии зачастую являются определяющими в решении вопросов политического выбора на Кубани, где сильно развиты сети межличностной коммуникации, а «москвоборческие» настроения имеют солидное историческое прошлое. Не вникнув в механизмы функционирования социальных сетей, невозможно объяснить те электоральные парадоксы, которые время от времени преподносит Краснодарский край. Из всех районов российской периферии Юг проявляет наибольшую склонность «быть не как другие» [21, с. 42].

Конечно, не все возможности проекта были использованы. Одним из упущений стало отсутствие информации о лидере от его окружения – коллег, семьи, друзей. В итоге полученные образы оказались в некоторой степени односторонними. Достаточно велика оказалась степень положительной самопрезентации респондентов, которым приходится вести публичный образ жизни и постоянно поддерживать свой имидж. Этот фактор не всегда удавалось нивелировать в процессе интерпретации полученных данных, но мы были вынуждены руководствоваться принципом, который привел в одном из номеров «Полиса» Б.И. Макаренко: «Getting it as right as possible within the time available» – «Сделай все как можно правильнее с учетом имеющегося времени».

Потенциал развития проекта можно реализовать в двух направлениях. Во-первых, исследование может стать лон-

гитюдным: дальнейшее изучение политической карьеры и судьбы лидеров местных сообществ позволит лучше понять механизмы элитообразования. Во-вторых, скорректированная программа исследования может быть повторена с бывшими лидерами местных сообществ, вышедшими на региональный и федеральный уровень. Это даст возможность сравнить доминирующие мотивации политической деятельности, модели политической социализации, структуры политических ценностей. Наконец, более широкое использование качественных методов в политических исследованиях поможет преодолеть стереотип, будто действия над числами неоспоримы, а «статистические расчеты подобны природе, существующей вне зависимости от человека и человеческих страстей» [15, с. 101].

Библиографический список

1. Антипов А.Г., Захаров Н.Н., Шишигин П.В. Местное самоуправление – социально-политический институт гражданского общества. Пермь, 1999.
2. Бабичев И.В. Субъекты местного самоуправления и их взаимодействие. М., 2000.
3. Блондель Ж. Политическое лидерство // Психология и психоанализ власти: В 2 т. М., 1999. Т. 1.
4. Васильев И.Г. Карьера как фактор профессионального развития государственных служащих: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1999.
5. Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России. Ростов н/Д, 2001.
6. Волков Ю.Г., Дыльнов Г.В., Кузьмин И.Г., Аникин Л.С. Местное самоуправление: российский путь. Саратов, 1999.
7. Гржейшак С.Е. Региональное политическое лидерство: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
8. Дай Т. Политические системы местного самоуправления в США // Федерализм и региональная политика. Новосибирск, 1995. Вып. 2.
9. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в системе политических отношений России // Политическое управление. М., 1998.
10. Замотаев А.А. Местное самоуправление: основные понятия и термины. М., 1999.

11. Идиатуллина К.С. Региональное политическое лидерство в России: пути эволюции. Казань, 1997.
12. Козлова Н., Рылеева С., Степанов Е., Федотова В. Ценностные ориентации – предпосылка программ переустройства общества // Общественные науки и современность. 1996. №4.
13. Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения // Полис. 2001. №2.
14. Местное самоуправление: политологический подход. Саратов, 1994.
15. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации: Круглый стол. Выступление А.Г. Левинсона // Полис. 2001. №1.
16. Паттэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
17. Плескевич Н.М. Российское общество в новых социологических исследованиях // Общественные науки и современность. 2000. №2.
18. Токвиль де А. Демократия в Америке. М., 1992.
19. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.
20. Фукс-Хайнрих В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М., 1994.
21. Шкуратов В. В поисках Юга // Международная жизнь. 1992. № 3–4.
22. Ядов В.А. Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Политическая наука в России: Хрестоматия. М., 2000.
23. Штомпка П. Социальное изменение как травма (Статья первая) // Социс. 2001. № 1.
24. Antoun R. Low-Key Politics: Local-Level Politics and Change in the Middle East. Albany, 1979.
25. Batley F. G. Parapolitical Systems // Local-level Politics / Ed. M. Swartz. Chicago, 1968.
26. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven; L., 1961.
27. Democracy and Local Government: Ten Empirical studies. Honolulu, 1993.
28. Hahn G. W. Soviet Grassroots: Citizen Participation in Local Soviet Government. Princeton, 1988.
29. Harrison L. Political Research. Ann Introduction. L., 2000.
30. Localities and politics in the transformational process: The Clovac and Czech experiences. Bratislava, 1995.
31. Petro N. The Rebirth of Russian Democracy. An Interpretation of Political Culture. L., 1995.
32. Sady R. District Leaders: A Political Ethnography. Boulder, 2000.

КАФЕДРА

ТИПЫ
СОЦИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
(КОНСПЕКТ
СПЕЦКУРСА)
О. А. Оберемко

ВЫДЕЛЕНИЕ
ОСНОВНЫХ
ПАРАМЕТРОВ
СОЦИАЛЬНОГО
ОБЪЕКТА
(НА ПРИМЕРЕ
СОЗДАНИЯ БАЗЫ
ДАННЫХ
О ЛИЧНОСТНЫХ
ОСОБЕННОСТЯХ
СТУДЕНТОВ)
С. Д. Некрасов,
Ю. С. Шелковой

ЗАНЯТОСТЬ
И БЕЗРАБОТИЦА:
РЕТРОСПЕКТИВ-
НЫЙ ВЗГЛЯД
НА ПРОБЛЕМУ
А. В. Шувалов

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (КОНСПЕКТ СПЕЦКУРСА)

О. А. Оберемко

Предлагаем рассмотреть две идеально типические (в смысле М. Вебера) конструкции для поаспектного различения *традиционной* и *современной* социальных организаций. Напомним, что, по М. Веберу, идеальные типы предназначены не для втискивания в них, как в прокрустово ложе, умозрительной конструкции «живой» действительности, а для допускающего сравнительный анализ описания обществ и последующего осмысления результатов анализа. Построение идеальных типов в работе историка мыслится не конечной целью, а подготовительным этапом по разработке инструмента для его применения в исследовании социальных явлений.

Предлагаемые конструкции опираются главным образом на *общее впечатление* от знакомства с работами Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и, пожалуй, Г. Зиммеля, т.е. являются не историко-социологическими реконструкциями концепций упомянутых классиков, а скорее вольным переложением. Цель данного доклада не представить конечный продукт, а сделать апробацию перспективной, с нашей точки зрения, стратегии разработки языка междисциплинарного общения.

Для конструирования типов социальной организации мы выбрали ряд узловых точек: *традиционность (примордиальность)*; *субъект и тип социального действия*.

В *традиционной* социальной организации (*Gemeinschaft**) основным субъектом социального действия выступает реальная социальная группа – «совместность», члены которой имеют постоянное и тесное общение между собой. Субъектом действия является группа, а не индивиды, потому что все Я слиты до персональной неразличимости в Мы, ибо всякое индивидуальное действие напрямую диктуется потребностями группы, от удовлетворения которых зависит выживание всей группы (и ее членов) как в физическом, так и в социальном, культурном и прочих смыслах.

Неразличимость и подчиненность индивидуальных Я происходит, что принципиально, из-за скудности материальных, культурных, социальных и других ресурсов, необходимых для противостояния недружественному природному и/или социальному окружению. («Для веселия планета наша мало оборудована...») Скудность ресурсов диктует «запрет» на всякое выделение и противопоставление Я – Мы. Главная цель группы – *выживание во враждебном окружении*, т.е. обеспечение хотя бы простого воспроизводства. Поэтому всякое выделение индивида, малейшая несогласованность его действий с целями целой группы представляют опасность для всей группы и преследуются жесткими санкциями.

* Поскольку узкий термин «общество» в классической немецкой социологии может обозначать не всякое общество, а особый тип социальной организации эпохи Нового времени, или, в синонимических терминах, модерна, промышленного общества и т.п., мы будем использовать немецкие термины *Gemeinschaft* для обозначения традиционной социальной организации (общины, расширенной семьи и т.п.) и *Gesellschaft* – для обозначения социальной организации эпохи модерна.

При отсутствии непосредственной угрозы существования группы или отдельных ее представителей обнаруживается естественная «растительность» – бесцельность традиционного образа жизни *.

Gemeinschaft – это группа *Своих*. Эмпирически Своими можно быть по крови, месту обитания и т.п., но самое главное, что объединяет Своих, – это общее непосредственное знание обо всех членах группы и общий культурный опыт, приобретенный в совместном преодолении жизненных трудностей.

Общее знание – это принципиально одинаковое и в равной мере полное знание обо всех без исключения Своих. Возраст (время накопления памяти) – единственный дифференцирующий фактор. Никто не «выходит» за границы группы: все присутствуют, наблюдают и запоминают все происходящее – ведь это важно для выживания. Поэтому не нужна никакая письменность, знание передается непосредственно и устно **.

* Горожанин К. Маркс где-то писал с ненавистью об «индиотизме деревенской жизни». Видимая извне бесцельность, за которой есть как минимум экзистенциальный смысл, отражена в анекдоте, широко бытовавшем в 1970–1980-х гг. и рассказываемом героем Олега Янковского в фильме Андрея Тарковского «Ностальгия» с его заключительной ключевой фразой «А я здесь живу». Здравую и здоровую деревенскую жизнь «без придури» озвучивает тетушка (Т. Пельтцер), когда посмеивается над глупыми идеалами племянника в фильме «Формула любви» Марка Захарова.

** Традиция и есть устная передача: trans-dictio – через говорение, а не trans-scriptio. Отсюда вопрос, следует ли продолжать считать обычное право после его записи (например, адат) обычным, поскольку сам факт записи свидетельствует о необходимости записать, т.е. распаде субъекта обычного права (внутренней его дифференциации, утрате общего непосредственного знания и т.п.). Хотя надо признать, что дело не в самом факте письменности, а все-таки в характере текста. Общение внутри семьи посредством записок, имеющих жесткую, прямую привязку к актуальному жизненному контексту, а потому понятных

Паттерны взаимодействия со средой, в течение поколений проходя через естественный отбор практики, кристаллизуются в традицию как наиболее эффективные. В силу неизбежного различия жизненных обстоятельств культура каждого *Gemeinschaft*'а уникальна. Таким образом, индивидуализация происходит на групповом уровне: индивидуальна, неповторима целая общность. Ее неповторимость, среди прочего, подкрепляется могилами предков: на умерших не может претендовать никакая иная группа, умершие продолжают участвовать в жизни группы, с ними поддерживается прямое (пусть виртуальное) общение.

Культуру *Gemeinschaft*'а можно определить как *этнокультуру* в силу ее (а) принципиальной локальности, целостности и нетранзитивности и (б) тотальности для членов группы – она регулирует *все* сферы жизнедеятельности, поскольку из-за скудности ресурсов нет сферы, которая не была бы жизненно важной для социального организма.

Главный тип социального действия – *традиционное действие*. Здесь этот термин не имеет веберовских коннотаций, возникающих из противопоставления традиционного рациональному, где «традиционное» выступает как неосознаваемое. Применительно к конструируемому нами типу можно сказать, что в традиционной социальной организации традиционное действие наиболее рационально, т.е.

только тем, кто включен в этот контекст, остается прямым и «традиционным». Решающим является факт появления текстов, опосредующих общение людей в разнесенных (во времени и/или в пространстве) контекстах, т.е. текстов, лишенных привязки к конкретному жизненному контексту.

Здесь обнаруживаются «технические», количественные параметры (возможности отдельного, среднего по способностям индивида перерабатывать и хранить информацию) традиционной социальной организации: оно не может быть слишком многочисленным, его культура не может быть слишком сложной.

наиболее эффективно в соотношении целей и средств. Наиболее (социально) технологичные способы взаимодействия с *повторяющимися вызовами* среды (т.е. в типичных ситуациях) складываются в традицию, проходя естественный отбор. Поскольку мы постулируем скудость имеющихся в наличии ресурсов, то всякое творческое проявление индивида в типичной ситуации должно рассматриваться как опасная для всего Gemeinschaft'a блажь: только (а) своевольный (б) нерациональный (в) идиот (в древнегреческом смысле) будет рисковать общиной ради неясных перспектив достижения цели и/или ради самовыражения.

Но зато все жизненно важные для Gemeinschaft'a решения принимаются непосредственно в Gemeinschaft'e: нет никакой инстанции на Земле, куда общность делегировала бы какие-то свои полномочия, а потому обладала бы полнейшим суверенитетом.

Групповая идентификация

Идентификация индивида с группой происходит автоматически и не предполагает ни малейшего выбора. Индивид своим рождением «вбрасывается» в общность и впитывает (и с молоком матери, и когда становится гораздо старше) единое для всех членов общности знание — этнокультуру. Какого-то иного знания в общине просто нет, так как нет ни чужих, ни внутренней культурной дифференциации.

Проникновение иного знания для традиционной социальной организации опасно, поскольку оно может нарушить взаимопонимание, что смертельно опасно в критической ситуации; а скудность ресурсов permanently делает ситуацию критической.

Поэтому руководство общности обязано поддерживать жесткость и непроницаемость границ между «своими» и

«чужими». Среди способов поддержания границ можно назвать конструирование Чужих, как «нелюдей», в отношениях с которыми «разрешается» не придерживаться никаких правил общежития*.

Идентификация Себя имеет прежде всего негативный характер, подобно тому, как Э. Гелнер описывает конструирование этнической идентификации: «Мы» определяется как «не такие, как Они», при этом «свои» черты воспринимаются как «нормальные», немаркированные, а следовательно, слабо рефлекслируемые члены оппозиции.

Отсутствие внутри группы культурной дифференциации взаимосвязано с недифференцированностью *социальной структуры*: за редким исключением все занимаются всем в зависимости от необходимости, нет разделения труда как социального института. Стало быть, и в деятельности по жизнеобеспечению общины опять-таки все обладают одинаковым опытом, ведут один и тот же образ жизни, имеют единые источники жизнеобеспечения и т.п. Выделены только единичные, уникальные *роли*: вождь, жрец, кузнец. Внутри общности нет и не может быть вождей, жрецов и т.п. как социальных групп, ни статистических (*an sich*), ни осознающих свои партикулярные интересы (*fuer sich*). Э. Дюркгейм характеризовал традиционность термином механической солидарности одинаковых по социальным признакам людей, Ф. Теннис, напротив, видел здесь большее сходство с естественной органической связью.

* Вспоминается пример из школьного учебника истории, когда испанские конкистадоры устраивали соревнование, кто больше изрубит индейцев за единицу времени (ср. мальчишки палками в «битве» с травой срубают бадылки); или шок русских солдат в Первую мировую войну, когда они впервые увидели нателные крестики на жертвах, а им говорили, что немчура – это басурманы и т.п.

Применительно к такой социальной организации нельзя употреблять термин *социальная структура* в узко терминологическом смысле, потому что еще нет *общества* – *Gesellschaft*'а. Разделение труда заметно между поло-возрастными (а не социальными) группами. Чтобы понять их отличие от социальных групп, достаточно вообразить возможность их существования *fuer sich* и активное отстаивание их поло-возрастных интересов на общественной сцене.

Цементом (Ю. Элстер) традиционного общества является любовь, симпатия, безусловное понимание друг друга. Любовь не *за что-то*, а в силу принадлежности к *Gemeinschaft*'у (аналог роду, семье и т.п.), в силу того, что все, не принадлежащие к нему индивиды, суть Несвои (именно вместе! – *О.О.*), Чужие, Враги.

Современность: Субъект и тип социального действия

Основной субъект действия Современности * – целевая группа, занятая *предприятием* **, т.е. производящая длительные и порой сложные последовательности целенаправленных, заранее и тщательно планируемых, в предельном случае, полностью осознанных действий. Предприятие является последовательностью *рациональных*, в веберовском смысле, действий.

В группу подбираются не по признаку свойства (от слова «свой»), а по профессиональным качествам (квалификации) и готовности присоединиться к конкретному предприятию ***.

* Современность, она же модерн, Новое время, промышленное общество, индустриальное общество и пр.

** Термин М. Вебера.

*** Именно этот признак показывает, что нынешние войны в Чечне являются не национально-освободительными войнами чеченского народа, но экономическим по преимуществу предприятием.

В отличие от этнокультуры традиционности, *профессиональная культура* не тотальна, а «частична», т.е. регулирует не все стороны жизни индивида и группы, а только те, которые имеют отношение к выполнению профессиональных обязанностей. Если регламентации подвергается частная жизнь профессионала (семейные отношения, формы проведения досуга и т.п.), то такое вторжение оправдывается (справедливо или несправедливо – другой вопрос) заботой о качестве работы.

Принципиальный момент: модерн не знает еще расцвета (разгула) индивидуальности; например, проблема самоактуализации личности – это не проблема модерна. Индивид остается прежде всего членом группы. Но группа уже не тождественна целому социального организма, а составляет его часть, являясь *профессиональной группой*, выполняющей в организме и для организма определенные функции.

Частным подтверждением подчиненности индивида может служить новоевропейский научный этос: научные работники пишут в статьях от лица «мы», а не «я». Тем самым демонстрируется, что наука есть коллективное предприятие, каждая публикация делается от лица корпорации ученых и каждый ученый, когда приводит в публикации научные результаты, говоря «мы», клянется, что следовал принятым в корпорации ученых правилам получения научных результатов. При этом, в отличие от искусства, имя автора не прославляет оригинальность его взгляда на мир и стиля выражения, а лишь указывает, кто осмелился взять на себя ответственность, чтобы выступить от лица корпорации, и к кому надо обращаться с вопросами и претензиями.

Если в станице по традиции еще спрашивают: «А ты чьих будешь?» (потому что важна именно фамилия как этноним), то в городе интересуются: «Кем работаете?».

Общество модерна более фрагментарно, чем традиционная общность, однако ему далеко до атомизации постмодерна. Эта частичность, частность основного субъекта социальной деятельности идет рука об руку с утратой всякой реальной группой *истинного и полного суверенитета*, поскольку *самые важные для жизни вопросы* любой группы и индивида относятся к юрисдикции «большого общества», что у Ф. Тенниса обозначается понятием *Gesellschaft* – общество.

Групповая идентификация

Идентификация индивида с профессиональной группой происходит в период вторичной социализации (П. Бергер и Т. Лукман), особенность которой заключается в том, что индивид формально подготовлен сделать выбор, в какую из имеющихся в обществе групп ему влиться. Это в период первичной социализации (как и в традиционной общности) человек заброшен в мир с рождения и вынужден его воспринимать и воспроизводить в своих действиях как единственно возможный. От взрослого ждут сознательного и рационального выбора.

Чужие в городе эпохи Современности перестают быть врагами, потому что они скорее всего представители иных профессий. Чужие более не опасны, они даже полезны, поскольку они суть потребители тех товаров и услуг, которые производит моя профессиональная группа. Чем больше Чужих, тем больше у Нас работы, тем Мы богаче и нужнее *обществу*.

(Если вдруг чужая профессиональная группа задумает уничтожить другую профессиональную группу (производители, например чулок объявят крестовый поход против производителей колготок), это сделает ситуацию традиционной и возродит бинарное противопоставление Мы-Они.)

Именно в эпоху Современности складывается зрелая и всеобъемлющая социальная структура общества как слож-

ная, естественным образом, эмерджентно, а не по предписанию трансформирующаяся система социальных статусов, основанная на разделении труда.

От *типизации* повторяющихся безличных ситуаций культура переходит к типизации индивидов, которых она типизирует в зависимости от выполняемых ими общественных функций. Демиурги-профессионалы, накопив достаточно ресурсов, стали сами создавать типичные ситуации – ситуации булочной, ситуации кузни, ситуации ателье по пошиву верхней одежды и т.п. – и как создатели ситуаций сами стали представителями социальных типов.

При такой организации цементом общества являются взаимный интерес, расчет, выгода. Механизмом поддержания целостности общества служит обмен. Я буду с вами поддерживать отношение до тех пор, пока мне это выгодно, а мы – до тех пор, пока нам выгодно обмениваться. Как только выгода исчезает, мы прекращаем интеракции, и никакие моральные увещевания здесь неуместны. Если я захожу для интеракции иного (пусть даже совсем чужого), более выгодного партнера, я так же прекращаю интеракции со старым партнером. И так в любом предприятии.

Иначе говоря, в эпоху традиционности связь с другими, такими же, как Я, соплеменниками прекратить может только смерть одной из сторон, потому что эта связь задана более широким контекстом, чем жизни отдельных индивидов, и ее нельзя (за редчайшим исключением случаев «очуждения своих» по причине «предательства») прервать или изменить: для отца и матери дети остаются детьми, нельзя в связи с переходом на другую работу перестать быть брату братом и т.п. Этнородственные, гемайншафтные связи конструируются как извечно данные и неизменные, спасаются от произвола индивида в его прошлом и

будущем, над которыми в традиции он не властен. Да и кому в голову приходит выбирать родителей? Спаянность в единой судьбе предполагает сохранение верности группе.

Совсем иначе обстоит дело в Современности. У вас есть немного денег, которые вы готовы отдать за перемещение своего тела в пространстве, у водителя маршрутного такси есть бензин и колеса; у вас есть то, что нужно ему, у него есть то, что нужно вам. Это совпадение ситуативно. Как только обмен произошел, вас больше ничто не удерживает вместе: вы выходите из маршрутного такси, которое едет дальше. Какой может быть разговор о верности, об обязанности поддерживать связь после состоявшегося обмена?

В традиции аморально не помнить историю Своих, помнить занятие, семью, Родину и т.п., так как большинство статусов приписаны индивиду с рождения. В современности глупцом будет тот, кто будет затягивать не удовлетворяющие его отношения.

* * *

Сконструированными здесь идеальными типами можно пользоваться для интерпретации различных эмпирических случаев и их «диагностики», поскольку сами типы отражают стратегии конструирования своих отношений с другими*. Их также можно применять при сравнении разных объектов исследования.

К примеру, супруги готовы на развод ввиду «неэффективности» партнера. Мы можем диагностировать, что данная семья конструируется по типу предприятия: отношения прекращаются, как только они перестают удовлетворять потребности одной из сторон.

Другой пример: осетины быстро адаптируются к Москве, а карачаевцы воспроизводят свою среду при переезде в Москву.

* Как с другими-такими-же-как-Я, так и с другими-иными.

Здесь мы сможем воспользоваться предложенными идеальнотипическими конструкциями, чтобы установить, какие именно стороны в укладе жизни и мышлении народов заставляют по-разному приспосабливаться в одной и той же среде.

В заключение подчеркнем два момента.

1. Два идеальных типа традиционной и современной социальной организации должны быть дополнены третьим типом, относящимся к эпохе постмодерна.

Сконструированные идеальные типы нигде эмпирически не представлены. Во-первых, сейчас даже самый высокогорный аул Дагестана с мало изменившимся за последние века бытом нельзя считать традиционным *Gemeinschaft*'ом, хотя бы потому, что жители этих аулов *знают* людей – и своих, и несвоих, которые помногу раз пересекают границу общины в обе стороны и, если не приносят знание *большого общества*, то, по крайней мере, приносят достоверные знания *о нем* как об *иной бытии*, что неизбежно разрушает *Gemeinschaft*. Во-вторых, сам Ф. Теннис, конструируя «холодный и сухой» *Gesellschaft* в противоположность «теплому и влажному» *Gemeinschaft*'у, писал о принципиальной невозможности существования никакой социальной организации без гемайншафтной основы: такое общество просто раздерут ничем и никем не обузданные эгоистические устремления индивидов к выгоде.

2. Временное следование *Gesellschaft*'а за *Gemeinschaft*'ом не нужно понимать догматически. Выделенные в идеальных типах черты могут встречаться во всех обществах без исключения в разных пропорциях и в разных подсистемах. В самой традиционной общности можно обнаружить даже постмодерные черты в тех ее сегментах или подсистемах, где имеется достаточно ресурсов, чтобы крайние проявления индивидуализма воспринимались как совершенно не опасные для общественного организма.

ВЫДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПАРАМЕТРОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТУДЕНТОВ)

С. Д. Некрасов, Ю. С. Шелковой

В современной России лишь в начале 1991 г. профессия «социальная работа» была официально зарегистрирована в следующих модификациях: социальный работник, социальный педагог, специалист по социальной работе [2, с. 9].

Основными объектами профессиональной деятельности специалиста в области социальной работы служат группы населения и общности, нуждающиеся в социальной поддержке, помощи, защите и обслуживании [3]. Социальные объекты имеют динамичный характер, зависимы от меняющихся социально-экономических условий, поэтому одна из главных проблем в социальной работе – выделение основных инвариантных параметров различных социальных объектов. Причем эта проблема актуальна как для специалиста по социальной работе, так и для исследователя социальных взаимодействий человека и социума.

Последнее время в социальной работе находят применение электронные способы обработки данных, но еще мало используются системы управления базами данных (СУБД). Это обусловлено прежде всего тем, что большинство социальных работников не имеют устойчивых навыков в работе с СУБД, а профессионалы – специалисты по СУБД мало представляют специфику социальной работы, так как специальность появилась относительно недавно. Таким образом, создание электронных баз данных (БД) о личностных особенностях отдельных групп населения с использованием СУБД представляет ценность, в первую очередь для

различных специалистов: социального работника, профессионала по СУБД, исследователя социальных объектов.

Описания социальных объектов, как правило, разнообразны и разноаспектны, содержат большое количество различных числовых и качественных данных. Выделение основных инвариантных параметров различных объектов возможно путем строгого, формального их описания с использованием алгоритмических моделей, уточняемых с помощью возможностей вычислительной техники. Назовем такой подход к выделению параметров пошаговым. Каждый шаг будет завершаться анализом использования для практических целей введенных вначале параметров и уточнением списка этих параметров.

В настоящей статье приводится опыт реализации данного подхода на примере создания базы данных о личностных особенностях студентов факультета управления КубГУ. Данная работа проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-07-96006 «Моделирование статистических баз данных о личностных особенностях и учебных достижениях лиц, обучающихся в различных образовательных учреждениях».

Остановимся на основных рабочих терминах.

База данных – совокупность числовых сведений о реальных объектах, событиях или явлениях [5, с. 34].

Система управления базами данных – это программный продукт, предназначенный для создания, введения и совместного использования БД многими пользователями. В число первых отечественных СУБД входят IMS (IBM-1968) и ИНЭС (СССР-1976). В настоящее время количество СУБД исчисляется тысячами [1, с. 6].

Хранимые в БД данные имеют определенную логическую структуру, т. е. описываются некоторой моделью

представления данных, поддерживаемой СУБД. К числу классических моделей относятся: иерархическая, сетевая, реляционная, постреляционная, многомерная, объектно-ориентированная, объектно-реляционная, семантическая, ориентированная, дедуктивно-объектно-ориентированная [1, с. 21–35]. В настоящем исследовании одной из основных задач был выбор конкретной или создание новой модели представления данных.

Термин «моделирование» используется в различных науках: моделирование в химической технологии, физическое моделирование, математическое и др. Выделяют модели стохастические, статистические, детерминированные и др. [6, с. 100–103]. Однако моделирование в социальной работе мало используется. Это объясняется скорее всего тем, что данная работа имеет небольшой «стаж» и еще меньший в проведении прикладных исследований.

Работу по созданию модели представления данных о личностных особенностях студентов факультета управления КубГУ как социального объекта мы начали с помощью СУБД Microsoft Access, так как эта СУБД установлена на всех компьютерах факультета – месте работы потенциальных пользователей. Кроме того, эта СУБД обладает высокой гибкостью – качеством, необходимым на первом этапе моделирования.

Алгоритм моделирования БД в настоящем исследовании состоял из трех фаз (см. рисунок).

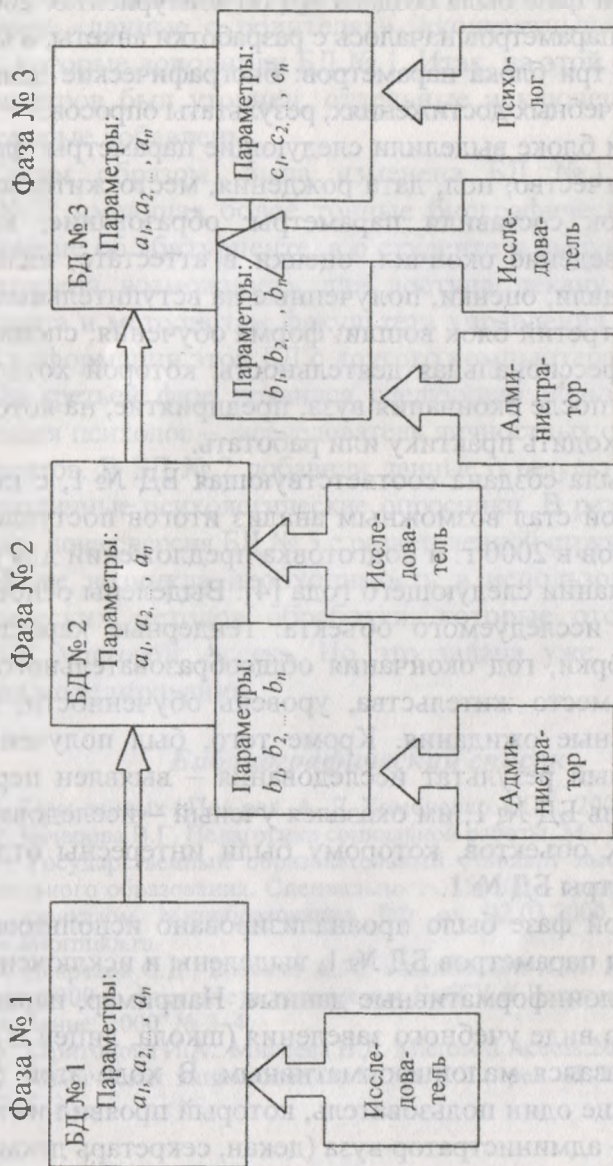

Схема первого этапа моделирования баз данных о личностных особенностях студентов факультета управления КубГУ

На первой фазе была создана БД об абитуриентах 2000 г. Выделение параметров началось с разработки анкеты, в которую вошли три блока параметров: биографические данные, данные об учебных достижениях, результаты опросов.

В первом блоке выделили следующие параметры: фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения, место жительства. Второй блок составили параметры: образование, какое учебное заведение окончил, оценки в аттестате, наличие золотой медали, оценки, полученные на вступительных экзаменах. В третий блок вошли: форма обучения, специальность, профессиональная деятельность, которой хотел бы заниматься после окончания вуза, предприятие, на котором мог бы проходить практику или работать.

Далее была создана соответствующая БД № 1, с помощью которой стал возможным анализ итогов поступления абитуриентов в 2000 г. и подготовка предложений для приемной кампании следующего года [4]. Выделены основные параметры исследуемого объекта: гендерные характеристики выборки, год окончания общеобразовательного учреждения, место жительства, уровень обученности, профессиональные ожидания. Кроме того, был получен дополнительный результат исследования – выявлен первый пользователь БД № 1, им оказался ученый – исследователь социальных объектов, которому были интересны отдельные параметры БД № 1.

На второй фазе было проанализировано использование имеющихся параметров БД № 1, выделены и исключены из БД № 1 малоинформативные данные. Например, параметр «сведения о виде учебного заведения (школа, лицей и гимназия)» оказался малоинформативным. В ходе этой фазы появился еще один пользователь, который проявил интерес к БД № 1, – администратор вуза (декан, секретарь деканата,

методист). Но для него недоставало некоторых данных (например, «данные о родителях», «контактный телефон» и др.), которые дополнили БД № 1. Итак, на этой фазе список параметров был уточнен, отдельные исключены из БД, а некоторые добавлены.

Таким образом, была изменена БД № 1 и создана БД № 2, имеющая более точные биографические данные, но уже не об абитуриенте, а о студенте и выпускнике; предоставлена возможность для доступа декану, секретарю деканата и методистам факультета управления к оперативной информации этой БД с другого компьютера.

На третьей фазе появился следующий пользователь. Им оказался психолог – исследователь личностных особенностей студентов. В БД № 2 добавили данные о результатах ответов на различные психологические опросники. В результате появилась новая версия БД № 3 с разветвленной структурой.

Далее возникла необходимость в использовании математических методов обработки, которые отсутствуют в СУБД Microsoft Access. Но это задача уже следующего этапа моделирования.

Библиографический список

1. Базы данных / Под ред. А. Д. Хомоненко. СПб., 2000.
2. Бочарова В.Г. Педагогика социальной работы. М., 1994.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 350500 – социальная работа: Утв. приказом Минобразования РФ от 02.03.2000. № 686.3 // www.informika.ru.
4. Некрасов С.Д., Босенко А.А., Ждановский А.М. Портрет абитуриента 2000 г. факультета управления КубГУ // Человек. Сообщество. Управление. 2000. № 3–4.
5. Харитоновна И.А., Михеева В.Д. Microsoft Access 2000. СПб, 2000.
6. Химическая энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. И.Л. Кнунянц. М., 1992. Т. 3.

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

А. В. Шувалов

Вопросы занятости трудовой деятельностью, как и проблемы эффективного использования рабочей силы, были в центре внимания ученых и философов, экономистов и руководителей государств во все эпохи человеческой цивилизации.

В обыденном представлении под занятостью понимается обеспеченность работой либо деятельность, приносящая трудовой доход. Таким образом, сам термин «занятость» свидетельствует о приобщении людей к трудовому процессу, о занятости трудом.

Однако с научной точки зрения занятость выступает как довольно сложная и многогранная категория, отражающая моменты экономического, социального, политического, демографического и даже бытового характера. В экономическом смысле занятость – это совокупность отношений между людьми по поводу их участия в производстве. Она выражает способ вовлечения трудоспособного населения в процесс создания материальных ценностей и благ.

О занятости впервые упоминается в трудах известных древнегреческих и древнеримских ученых-философов. Так, Платон и Цицерон ценили занятость не только физическим трудом, но и учебой, военным и медицинским делом, а также воспитанием подрастающего поколения. Одновременно они говорили о настоятельной обязанности всех граждан заниматься любым видом деятельности, но прежде всего выделяли занятие земледельческим трудом [1, 2].

По законам Перикла и Солона, государство преследовало безделье и наказывало каждого, кто не мог указать источник своих доходов. Иными словами, каждый должен

был отчитаться перед государством о своих доходах, что предполагало безусловную занятость [3].

В средневековом обществе проблемы занятости и управления трудом получили свое дальнейшее развитие в многочисленных философских произведениях Ибн-Сины, Бируни, О. Хайяма, Ш. Руставели, которые в правильном регулировании активной трудовой деятельности человека также видели основу существования человеческого общества. В Британии, например, уже в XIV в. весьма щепетильно и пунктуально относились к вопросам занятости населения. Так, в 1349 г. был принят специальный закон (ордонанс), предписывающий обязательную занятость для всех лиц моложе 60 лет [4].

Примерно в это же время в Киевской Руси появляются «Поучения» Вл. Мономаха, где он подробно описывает занятость славян различными видами деятельности, прославляет не только физический труд крестьянина и землепашца, но и труд «думающих бояр».

В дореволюционной России разработкой вопросов организации и управления трудовой деятельностью в той или иной степени занимались А. Н. Радищев, П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский, Н. Г. Чернышевский. В их научных трудах анализируются такие понятия, как «работные люди», «рабочий люд», «трудящийся человек». Одновременно в произведениях указанных авторов показано несовершенство существующей в то время системы управления «наемными работниками» и, как правило, предлагается кардинальный путь преобразования общественной жизни и порядка.

Существенный вклад в развитие теории управления занятостью внесли А. Смит и Д. Рикардо, разработавшие в конце XVIII в. основные принципы классической теории

трудоу стоимости, согласно которой труд наемных рабочих (а это понятие было введено в экономическую научную литературу именно ими) – единственный источник стоимости произведенных товаров и соответственно богатства любой страны.

Наиболее полно категорию «занятость» исследовал в своих трудах известный немецкий экономист и социолог К. Маркс. Так, в XXIII главе первого тома «Капитала» он всесторонне рассмотрел экономическую сущность занятости, обусловленную, по его мнению, процессом накопления промышленного и финансового капитала: «Во всех сферах возрастание переменной части капитала, а потому и числа занятых рабочих, всегда связано с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, принимает ли оно бросающуюся в глаза форму отталкивания уже занятых рабочих или не так заметную, но не менее действенную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами» [5].

Несмотря на усилившуюся в последнее время критику идей ученого, в методологии К. Маркса можно выделить несколько моментов, характеризующих занятость. По нашему мнению, они и сегодня остаются актуальными.

Во-первых, занятость он рассматривает как категорию, свойственную всем отраслям и сферам народного хозяйства. Нам могут возразить, что К. Маркс в данном случае имеет в виду только производственную сферу. Это так, но в контексте исследуемых проблем им рассматриваются также различные отрасли и численность занятых в них работников, что вполне приемлемо и по отношению к непроизводственной сфере. «В общем, увеличение числа рабочих после 1851 г., – писал он, – больше всего в таких от-

раслях, в которых до сих пор еще не было успешного применения машин» [5].

Во-вторых, К. Маркс показал, что во всех отраслях и сферах трудовой деятельности процесс расширенного воспроизводства приводит к абсолютному увеличению переменного капитала, доля которого по отношению ко всему авансированному капиталу падает. Иными словами, происходит относительное уменьшение спроса на рабочую силу, приводящее к появлению избыточного рабочего населения. Причиной этого, по мнению Маркса, является продукт накопления или развития богатства.

В-третьих, занятость, по утверждению ученого, характерна для всех этапов развития человеческого общества. В то же время в условиях рынка она имеет свою специфику, а именно: человек юридически свободен, но лишен всяких средств производства, а потому вынужден идти на рынок и продавать свою рабочую силу. Работодатель покупает ее, потребляет в процессе производства, осуществляет накопление капитала как основного условия существования рыночного хозяйства. И здесь, пожалуй, трудно возразить Марксу.

По мнению К. Маркса, причиной того, что в условиях рыночной экономики не все население занято, служит частная собственность на средства производства, позволяющая работодателям сосредоточивать в своих руках крупные накопления. В то же время именно они делают возможным в самом крупном масштабе быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства, которые направляются в старые или во вновь открывающиеся отрасли производства. Это, с точки зрения ученого, как раз и предопределяет расширение масштабов занятости.

Как показывает К. Маркс, ни вновь открывающиеся отрасли производства, ни модернизация старых отраслей не

могут занять всех рабочих, поскольку добавочные средства производства ведут к более быстрому росту постоянного капитала по отношению к переменному. Это в конечном счете вызывает рост органического строения капитала и соответственно снижение масштабов занятости и рост безработицы.

В свое время советские экономисты, рассматривая точку зрения К. Маркса на причины, формирующие занятость, делали вполне логичный для плановой экономики вывод: именно в условиях социализма исчезнут соответственно и все нерешенные проблемы занятости трудоспособного населения. Так, еще в начале 1960-х гг. А. П. Молотков писал: «...при социализме... нет и не может быть проблемы занятости» [6].

Между тем проблемы эти, как известно, существовали и полностью никогда не были решены. Более того, к концу 1980-х гг. они только обострились: полная (вернее сказать — поголовная) занятость привела к резкому снижению производительности труда и соответственно к уменьшению размера его оплаты. В этой связи приведем слова английского экономиста Д. С. Милля, высказанные задолго до «победы и расцвета» социалистического строя: «Если число рабочих избыточно, то даже социализм не в состоянии предупредить того, чтобы заработные платы не были низки» [7].

Категория занятости в нашей стране именно в советский период была исследована наиболее детально и тщательно. При этом она рассматривалась с различных позиций и точек зрения, естественно, по отношению к условиям плановой экономики.

Так, в начале XX в. занятость рассматривали как оптимальное, плановое распределение работников по сферам трудовой деятельности, характеризуя ее как степень вовлеченности рабочей силы в производство (С. Г. Струмилин, А. И. Чупров, Н. Карабанов). Для этого периода характерно

было максимально возможное привлечение к труду всех без исключения трудоспособных. Таким образом, принцип полной всеобщей занятости (вернее – трудовой повинности) был основополагающим. При этом наиболее жесткие формы социалистического контроля за трудовой деятельностью осуществлялись до середины 1950-х гг.

Начиная с 1960-х гг. ученые по-новому, более открыто изучают вопросы занятости, полемизируют по поводу основных ее проблем, более свободно подходят к изложению основных моментов, связанных с эффективностью труда.

Одни авторы, освещая сущность занятости, показывают ее взаимосвязь с другими экономическими процессами, явлениями и экономическими законами (В. Н. Ягодкин, В. В. Чембровский, А. Э. Котляр, Е. К. Рузавина, В. А. Щеренко, Э. Р. Саруханов, В. Т. Каун, Г. Т. Мамедов и пр.). Другие исследуют занятость прежде всего с точки зрения ее места и роли в обществе (М. Я. Сонин, Л. А. Булочникова, М. И. Долишний, В. Я. Чураков, А. Б. Соскиев, В. Г. Костаков, Д. С. Сбытова и др.). Третьи рассматривают категорию занятости, исходя из так называемого экономического закона полной занятости (И. А. Ягодкина, Ю. А. Бжилянский и т.д.).

Характерно, что в условиях «развитого социализма», говоря о занятости рабочей силы, имели в виду общественное производство в целом и, как правило, отождествляли это понятие с эффективным, рациональным и оптимальным использованием трудовых ресурсов общества.

Переход к рыночной экономике не снял существующих проблем занятости. Интерес к исследуемой проблеме только усилился. Так, в конце 1980–начале 1990-х гг. Н. Даниленко, В. Костаков, А. Никифорова, Е. Рузавина трактовали занятость как процесс трудовой деятельности различных категорий работников. З. Бабкина, А. Котляр,

П. Шмидт и другие определяли ее как общественные отношения между людьми по поводу включения работника в кооперацию на определенном рабочем месте, в том числе и в сфере предпринимательства.

Экономическая категория «занятость» неразрывно связана с категориями «труд», «трудовые ресурсы», «рабочая сила». Видимо, в этом и следует искать объяснение тому, что занятость иногда вообще отождествляется с процессом труда, использованием трудовых ресурсов и рабочей силой. Теоретически такое смешивание понятий может привести к неправильным толкованиям и выводам.

«Рабочая сила» в классическом понимании этого термина представляет собой совокупность способностей работника, которые он реализует в процессе трудовой деятельности. Однако это понятие может трактоваться и как совокупность занятых на том или ином производстве, предприятии, в отрасли региона. В условиях рынка под рабочей силой в статистико-экономическом аспекте понимается общая численность занятых и безработных.

Категория «трудовые ресурсы» была введена в отечественную экономическую литературу в начале 1920-х гг. академиком С.Г. Струмилиным, который исходил прежде всего из того, что ресурсы как таковые представляют собой потенциальную возможность их использования в перспективе с различной интенсивностью. Поэтому первоначально термин «трудовые ресурсы» определял количественный состав совокупных носителей рабочей силы, а несколько позже – и ее качественную структуру.

Несмотря на то что категория «трудовые ресурсы» в экономической литературе стала широко использоваться с начала 1960-х гг., среди ученых никогда не было единого мнения по поводу ее содержания. Так, существует несколько кон-

цепций: рабочая сила тождественна трудовым ресурсам (А. Э. Котляр, И. М. Мусатов, М. Я. Сонин); рабочая сила – составная часть трудовых ресурсов (П. О. Косяков, Л. Н. Соловьев, Д. Л. Романенко, В. Н. Поздняков и др.); трудовые ресурсы не являются экономической категорией (В. Г. Костаков, П. П. Литвяков, Э. Р. Саруханов); трудовые ресурсы следует рассматривать только в территориальном аспекте, а рабочую силу – в отраслевом (Т. Н. Медведева).

Однако большинство ученых считают, что трудовые ресурсы – это трудоспособное население страны (работающее и не работающее) в трудоспособном возрасте. Наиболее верное и правильное определение трудовых ресурсов, с нашей точки зрения, дает Е.В. Касимовский: «Трудовые ресурсы представляют собой численность потенциальной и действующей рабочей силы ... это часть трудоспособного населения, как занятого в общественном производстве, так и находящегося в резерве... трудовые ресурсы выражают общественные отношения по поводу их формирования, распределения, перераспределения и использования» [8].

У Т. Н. Медведевой читаем: «Трудовые ресурсы в самой общей форме могут определяться как наличное трудоспособное население. Это общая основа совокупной рабочей силы... Совокупная рабочая сила – это уже использованные определенным образом трудовые ресурсы, а трудовые ресурсы – это та основа и источник, за счет которого происходит формирование рабочей силы общества» [9].

Вместе с тем мы согласны и с той позицией, когда трудовые ресурсы отождествляются с рабочей силой, если последняя рассматривается в теоретическом (политико-экономическом) аспекте, а трудовые ресурсы – в статистико-экономическом. Ведь именно практика планирования труда и управления им обусловили введение термина «тру-

довые ресурсы» для более полного понимания количественной и качественной определенности рабочей силы.

Между тем в настоящее время данная категория используется все реже. Думается, это в определенной степени связано с тем, что сам термин «ресурсы» и их эффективное использование некоторые авторы ассоциируют с реалиями плановой экономики, поскольку именно в ее условиях указанное понятие предполагает необходимость полного использования ресурсов производства, что не типично для рыночной экономики.

Понятие «трудовой потенциал» в отличие от рассмотренных категорий характеризуется теми потенциальными возможностями рабочей силы и трудовых ресурсов, которые могут быть мобилизованы и приведены в действие в процессе управления трудом. «Трудовой потенциал, – пишет М. И. Скаржинский, – включает в себя помимо качественных характеристик рабочей силы механизм приведения способности к труду в функционирующее состояние: самодисциплину, ответственность, творческое отношение к своим производственным функциям носителя рабочей силы, работника» [10].

Полагаем, что при управлении занятостью следует учитывать целую совокупность компонентов трудового потенциала: здоровье, образование, возраст, стаж, профессионализм, нравственность, опыт, ответственность и стремление к труду. Думается, что в условиях формирования новых рыночных структур, таких, например, как совместные предприятия, трудовой потенциал занятых должен включать в себя, помимо отмеченных качественных характеристик, целеустремленность, инициативу, стремление к постоянному профессиональному росту, умение решать аналитические и концептуальные задачи. Отмеченные способ-

ности должны обязательно учитываться при решении стратегических кадровых задач развития персонала фирмы.

В последнее время в зарубежной и отечественной литературе широко используется понятие «человеческий капитал», которое следует понимать как важнейшие качества рабочей силы: уровень образования и квалификации, здоровье и интеллект занятого. Не случайно ученые активно поддерживают идею об эффективности инвестиций в человеческий капитал. В конечном счете все это повышает уровень занятости рабочей силы, смягчает и предупреждает безработицу [11, 12].

Занятость как экономическую категорию можно толковать в узком и широком смысле. В первом случае – как процесс непосредственного приложения труда (трудовое участие) различных групп населения в сфере общественно полезной деятельности, во втором – как совокупность экономических отношений между людьми по их участию в общественно полезном труде.

Степень занятости (или незанятости) трудовых ресурсов должна характеризоваться следующими показателями: отношением численности занятых к незанятым или наоборот; удельным весом занятых (или незанятых) в общей численности трудоспособного и экономически активного населения. Выбор показателей обусловлен при этом конкретными задачами научного анализа.

Проблемы занятости связаны с формированием и развитием рынка труда, а также с обострением безработицы. По нашему мнению, рынок труда представляет собой в широком смысле слова систему социально-экономических отношений, регулирующих процесс формирования, распределения, перераспределения и использования трудовых ре-

сурсов. В узком смысле – это механизм взаимодействия между продавцами и покупателями рабочей силы.

Эффективность функционирования рынка труда и политика занятости в регионе во многом определяются масштабами и уровнем безработицы. Безработица в той или иной форме существовала везде, даже в условиях плановой экономики, но проявляла себя, как правило, в неявной форме. Переход к рынку вскрыл изъяны и несовершенство принципа «всеобщей полной занятости», позволил по-новому интерпретировать проблемы скрытой и явной безработицы в нашей стране, в том числе применительно и к сельскому хозяйству.

Исторический опыт свидетельствует о том, что к безработным людям относились всегда по-разному. Так, если в Древнем Риме им иногда бесплатно раздавался хлеб, то в средневековой Англии они строго наказывались «за бездельность и тунеядство». В эпоху развития промышленного и финансового капитала безработица считалась главным и необходимым стимулом добросовестного и качественного труда, двигателем общественного прогресса. Это признавалось до тех пор, пока безработица в конце XIX–начале XX в. не приняла социально опасные масштабы, в том числе в Западной Европе, США и России.

В настоящее время существует двоякий взгляд на указанную проблему. Так, большинство зарубежных и отечественных ученых полностью признают отрицательные последствия безработицы, поскольку она приводит к потере квалификации рабочей силы, деморализует психику вынужденно незанятых. Все это закономерно приводит к социальной напряженности и преступности, а в конечном счете – к недополучению объема валового внутреннего продукта (А. Оукен, Э. Долан, К. Макконнелл, Д. Кейнс, А. Пигу и др.).

Другая же группа ученых считает вполне допустимым существование определенного уровня вынужденной незанятости (так называемая естественная норма безработицы, в пределах 5–7% численности экономически активного населения), объясняя это функционированием и неизбежными издержками как самой рыночной экономики, так и необходимостью постоянного повышения эффективности живого труда (С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Гумалензи).

Полагаем, что при переходе к рынку с его закономерным проявлением массового высвобождения рабочей силы и перепрофилированием производства, а значит, и с безработицей придется считаться как с реальной неизбежностью. Задача в данном случае должна заключаться в умелом и оптимальном стимулировании трудоспособного незанятого населения к своевременной переквалификации и в разумной материальной поддержке безработных со стороны государства. В этом суть современной политики занятости.

В настоящее время приоритетными направлениями повышения, занятости трудоспособного населения должны быть: совершенствование профессиональной ориентации и профобучения, включая внедрение и использование модульной системы обучения кадров; широкое привлечение безработных к оплачиваемым общественным работам; создание условий для стимулирования работодателей по организации и сохранению рабочих мест. Особое внимание следует уделить созданию центров трудовой и социально-психологической адаптации, проведению ярмарок учебных и рабочих мест, организации молодежных и подростковых бирж труда, разработке и внедрению учебных программ по адаптации выпускников учебных заведений на рынке труда.

Наметившаяся устойчивая тенденция оттока рабочей силы из производственной сферы в непроизводственную требует расширения подготовки кадров не только для традиционных сфер занятости (образования, здравоохранения, сферы услуг), но и для деятельности, связанной с защитой прав граждан, а также охранной, противопожарной, экологической и санитарной безопасностью окружающей среды.

В условиях, когда процесс обучения инерционен и недостаточно адаптирован к требованиям рынка труда, когда отсутствуют реально обоснованные планы по развитию тех или иных отраслей, целесообразно во всех учебных заведениях ввести обязательный учебный курс, предполагающий интенсивное обучение выпускников активным методам поиска работы и быстрой адаптации на рынке труда, что значительно усилило бы их конкурентоспособность.

С переходом к рыночным отношениям назрела объективная необходимость создания в большинстве регионов страны молодежных бирж труда (с их филиалами в трудоизбыточных административных районах), которые позволили бы организовать временную и сезонную занятость подростков, а также целенаправленно регулировать процесс трудоустройства молодежи. Молодежные биржи труда из центров информации об имеющихся вакансиях и рабочих местах должны превратиться в центры трудовой адаптации, профессиональной и психологической поддержки молодых людей. Они могут быть созданы за счет средств региональных фондов занятости и комитетов по делам молодежи и стать самостоятельными органами управления по координации развития занятости молодежи, в том числе и на селе. В их структуре необходимо организовать информационное агентство, рекламное бюро, маркетинговый центр, отдел мониторинга молодежного рынка труда.

Таким образом, только комплексный подход к решению проблем занятости и безработицы сможет повлиять на стабилизацию социально-экономической ситуации в стране.

Библиографический список

1. История средних веков: Хрестоматия. Ч. 1 / Сост. В. Е. Степанова. М., 1988.
2. Касимовский Е.Ф. Формирование и использование трудовых ресурсов. М., 1982.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1957.
4. Медведева Т.Н. Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов. М., 1978.
5. Мейер Э. Экономическое развитие Древнего мира / Пер. М. О. Гершензона. М., 1910.
6. Милль Дж. Основания политической экономии. М., 1895.
7. Молотков А.П. Закономерности развития отношения к труду. Красноярск, 1962.
8. Саградов А.А. Индекс человеческого развития: опыт применения. М., 2000.
9. Скаржинский М.И. Трудовой потенциал социалистического общества. М., 1987.
10. Сочинения Платона / Пер. с греч. проф. Карпова. СПб., 1863.
11. Цицерон. Избранные речи / Пер. с лат. А. Кливанова. М., 1876.
12. Ogawa N., Williamson J. Human Resources in Development along the Asia-Pacific Rim. Oxford, 1994.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

*История ничему не учит, а только наказывает
за незнание уроков.*
В. О. Ключевский

*Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло,
а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.*
В. О. Ключевский

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

**МОЛОДЕЖЬ
для МОЛОДЕЖИ
и ПОДРОСТКОВ**

**УЧЕНЫЕ
О ПЕРСПЕКТИВАХ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ
НАУКИ**

**ГЕНДЕРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
и ПЕРСПЕКТИВЫ
их ИЗУЧЕНИЯ
в СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**О НЕДЕЛЕ НАУКИ
НА ФАКУЛЬТЕТЕ
УПРАВЛЕНИЯ
(Краснодар,
апрель 2001 г.)**

МОЛОДЕЖЬ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ и ПОДРОСТКОВ

18 мая 2001 г. в краевом Центре социальной адаптации молодежи «Радуга» состоялся финал студенческого конкурса летних развивающих и оздоровительных программ для подростков и молодежи.

Пять студентов факультета управления вышли в финал конкурса и представили свои авторские программы по социальной адаптации и профилактике девиантного поведения молодежи и подростков. Это студенты Анна Малинина, Анастасия Рябинина, Светлана Витохина (3-й курс, отделение социальной работы); Виктория Кораблева (3-й курс, отделение психологии) и Инна Рындина (4-й курс, отделение психологии). Работы были выполнены под научным руководством преподавателей кафедры психологии КубГУ И. А. Сапоговой и Л. Н. Ожиговой.

Все 5 работ получили высокую оценку специалистов Центра и Комитета по делам молодежи Краснодарского края и рекомендованы к реализации в условиях летней оздоровительной программы Центра. Студенты приглашены на работу в лагерь «Маяк», где и будут проходить 3 профилактические смены «Летний дом – Радуга» для девочек-подростков из группы риска. Кроме того, авторские работы студентов будут изданы в методическом сборнике Центра по итогам летних программ.

Важно отметить, что студенты уже второй год участвуют в подобной профилактической программе. Летом 2000 г. они в качестве психологов и социальных педагогов уже попопро-

вали свои силы в «Радуге». Девушки являются членами Краснодарской краевой общественной организации Центр социально-психологических технологий «Перспектива», которая существует с ноября 1999 г. и состоит в основном из студентов и преподавателей отделения психологии и социальной работы факультета управления КубГУ. Участие студентов в профилактической программе «Радуга» – это их добровольная инициатива.

Основная цель «Перспективы» – популяризация психологических знаний, направленных на решение различных социальных проблем местного сообщества. Профилактика девиантного поведения и правонарушений среди подростков – одна из острых проблем современного общества, поэтому авторские программы студентов не только актуальны, но и востребованны.

А сам факт участия молодежи в решении проблем молодежи и положительные результаты конкурса свидетельствуют о том, что потенциал молодого профессионала может быть раскрыт уже в период обучения профессии.

УЧЕНЫЕ О ПЕРСПЕКТИВАХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ НАУКИ

26–28 апреля 2001 г. состоялась научно-практическая конференция «Формирование современной российской муниципальной науки: фундаментальной и прикладной». Организаторы конференции – факультет управления Кубанского государственного университета, Центр университетской поддержки развития местных сообществ, Фонд поддержки развития местных сообществ.

Целью конференции – дать оценку современного состояния научных и прикладных исследований в области муниципального управления в России и за рубежом, начать работу по консолидации межвузовских ресурсов в этой сфере (научных разработок, технологий, учебных программ и др.).

На конференции обсуждался ряд вопросов.

1. Формирование подходов, научных направлений и школ в области муниципального управления в современной России и за рубежом.

2. Опыт управления развитием в российских муниципалитетах (кто занимается развитием, формы, технологии, организация, достижения).

3. Проблемы профессионализации муниципального управления (модель специалиста, его подготовка, критерии эффективности деятельности, опыт подготовки муниципальных служащих).

В работе конференции приняли участие представители Московского госуниверситета управления, Института государства и права РАН, Обнинского института муниципального управления, Братского филиала Орловского технического университета, Новокузнецкого филиала Кемеровского госуниверситета, Кубанского госуниверситета, представители муниципалитетов и законодательного собрания Пермской области и Краснодарского края.

Обобщая итоги работы конференции, участники приняли рекомендации, в которых, в частности, отмечается в качестве важнейшей задачи научных организаций и вузов дальнейшее формирование и развитие муниципальной науки во всех ее сферах с учетом региональной специфики, в том числе исследование местных сообществ как сложных социальных систем и разработка наиболее эффективных форм и методов оказания муниципальных услуг населению.

По вопросам подготовки муниципальных кадров, издания учебной и учебно-методической литературы заинтересованным вузам предложено передать ГУУ свои учебные планы, их концептуальное обоснование, учебные программы по отдельным дисциплинам, методические и иные материалы для размещения на сайте ГУУ.

Вузам, выпускающим специалистов по муниципальному управлению, было рекомендовано усилить в своих учебных планах социологический и социально-психологический аспект подготовки кадров, используя опыт Кубанского госуниверситета и других вузов, а также содействовать созданию системы дистанционной подготовки и переподготовки муниципальных кадров, используя в этих целях учебные материалы и методики, разрабо-

танные в Институте муниципального управления (Обнинск) и других научных и учебных центрах.

На конференции была подчеркнута необходимость содействовать практическому внедрению научных разработок по проблеме повышения роли представительных органов в системе муниципального управления, изучать и использовать опыт Пермской области по организации эффективного взаимодействия законодательного органа государственной власти области и представительных органов местного самоуправления, включая обмен опытом и обучение кадров. Ученые призвали поддержать работу Фонда «Институт экономики города», других научных центров и вузов по оказанию методического и практического содействия в разработке концепций и стратегических планов развития городов и других муниципальных образований, использовать опыт Тюменской области, Кубанского госуниверситета и АСДГ по совершенствованию форм муниципальной статистики, в частности, изучить опыт КубГУ по созданию «Инвентарной книги территории» как основы информационной базы территории, включающей в себя необходимый для органов местного самоуправления набор статистических показателей.

Участниками конференции была отмечена необходимость развития сети консалтинговых услуг для муниципальных органов и практиков местного самоуправления. Предложено создать на базе ГУУ и других вузов консалтинговые центры по проблемам местного самоуправления с привлечением для этих целей научных центров и индивидуальных консультантов, а также рассмотреть предложения по созданию ассоциации консультантов по проблемам местного самоуправления.

Заинтересованным органам местного самоуправления, вузам и центрам в целях содействия внедрению достижений муниципальной науки в практику рекомендовано изучить и использовать опыт Воронежского и Кубанского госуниверситетов по созданию центров университетской поддержки развития местных сообществ для оказания научных, образовательных, консультационных и проектных услуг населению.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

За последние несколько лет возрос интерес к гендерным проблемам. Об этом свидетельствует увеличение числа гендерных исследований, утверждение гендерных дисциплин в учебных планах естественных и гуманитарных специальностей вузов, выход в свет учебных пособий, хрестоматий и т.д.

Однако дискуссии о предмете, методах и приоритетах в гендерных исследованиях не утихают. Это связано с тем, что гендерные исследования как самостоятельная область научных интересов появились и за рубежом, и в России сравнительно недавно и остаются скорее собирательным понятием для новейших гуманитарных теорий – экономических, социальных, политических, лингвистических и других, так или иначе интерпретирующих проблему взаимоотношения полов и использующих новейшее ее обозначение – «гендер».

Различия во взглядах не всегда носят антагонистический характер, зачастую они объединены общей ориентацией на диалог и понимание.

17 марта 2001 г. на факультете управления КубГУ проходила вторая научно-практическая конференция «Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе». Конференция вызвала большой интерес не только у ученых, преподавателей, практиков, но и у студентов. Об этом свидетельствует количество участников конференции – 58 человек.

Работа велась в трех секциях: «Гендер и социальные проблемы общества», «Гендер и профессиональное развитие личности», «Гендер и культура».

В программу конференции входили три пленарных доклада: З. И. Рябикиной, доктора психологических наук, профессора кафедры психологии КубГУ, по теме «Аутентичное бытие: гендерный аспект проблемы»; С. А. Сухих, доктора филологических наук, профессора кафедры гуманитарных дисциплин Южного института

менеджмента, по теме «Архетипы в сознании мужчины и женщины»; Л. Н. Ожиговой, преподавателя кафедры психологии КубГУ, по теме «Гендерный подход в социально-психологических исследованиях».

Доклады позволили уже в начале конференции обозначить основные проблемы в современных гендерных исследованиях и задали особый дискуссионный тон всей конференции.

З. И. Рябикина отметила в своем докладе, что гендер как одна из базовых характеристик личности обуславливает особенности ориентаций личности в организации бытия, а следовательно, изучение гендерных проблем самореализации личности должно быть связано с анализом повседневных практик человеческого бытия.

С. А. Сухих указал на необходимость исследования глубинных особенностей личности, фиксирующих культурно-символические значения маскулинности и феминности, которые оформлены в коллективном и индивидуальном бессознательном в качестве архетипов.

О методологических трудностях современного гендерного подхода говорила в своем выступлении Л. Н. Ожигова. Нечеткость в определении предмета и методов гендерных исследований, влияние идеологии феминизма, «переводной» характер научного обоснования гендера, отсутствие собственного терминологического аппарата – все это создает определенную специфику разработки гендерной тематики в России.

Развернувшееся на пленарном заседании обсуждение было продолжено во время работы секций, где было заслушано 18 сообщений. Основные позиции выступивших авторов отражены в вышедшем по итогам конференции сборнике тезисов научных докладов. Следует отметить, что тематика сообщений на секциях продемонстрировала, с одной стороны, широту охвата изучения проблем самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе, а с другой – противоречивость взглядов исследователей на суть и решение этих проблем.

Можно выделить несколько направлений в интерпретативных стратегиях авторов докладов:

– демонстрация половых различий в восприятии, конструировании и реализации жизненных планов, собственного бытия (Н. В. Бабабанова, Е. Н. Азлецкая, Н. Н. Майстренко, И. А. Селиванов, Е. А. Пархоменко, Т. И. Зернова, О. А. Оберемко, Н. Ю. Рымарев, Т. К. Хозяинова О. А. Кузин, Ю. Б. Ермакова);

– критический анализ гендерного неравенства в социуме (А. А. Попов, Н. Н. Шаруда, Ю. Ю. Скидан, Ю. Ефимова);

– культурологический анализ маскулинности и феминности (С. М. Максименко, Н. П. Кравченко, В. Игнатенко, С. В. Заев).

Такое различие в подходах к анализу гендерных проблем самореализации мужчины и женщины в российском обществе отражает современное состояние гендерных исследований. Гендер как одна из базовых социально-психологических характеристик личности изучается в разных естественных и гуманитарных дисциплинах, но часто без учета всех теоретических и методологических противоречий, заложенных в этом социальном конструкте. В итоге каждый исследователь заново создает свою гендерную теорию, говорит на понятном только ему языке и попадает в мифологическое пространство ему одному доступной гендерной реальности.

Помимо представленных в секциях практических данных в программе конференции были заявлены и презентованы две программы:

1) конкурс профилактических программ, проводимый ежегодно краевым Центром социальной адаптации молодежи «Радуга», который представляла Е. Е. Вихрова, руководитель экспериментальной службы «Шанс» ГУ КЦСАМ «Радуга»;

– программа работы клуба «Красивых женщин», который представляла Е. Н. Гусарова, преподаватель кафедры педагогики и психологии КГУКИ.

Во время круглого стола «Проблемы взаимодействия с клиентом-женщиной: рынок услуг и практика социально-психологической работы», ведущей которого была Е. Г. Сомова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии КубГУ, участники конференции познакомились с опытом работы нескольких фирм, рабо-

тающих в сфере услуг. Представители фирм «Шарм Клео», «Лавка жизни» и «Ногтевая индустрия» рассказали об особенностях своей деятельности, специфике заказов клиентов в зависимости от их половой принадлежности.

Свободная беседа во время круглого стола перешла в обсуждение итогов конференции, где центральной темой было противоречие в исследовательских подходах и стратегиях. В качестве конструктивного вывода и, возможно, вполне перспективного направления участниками конференции был предложен выход гендерной тематики в область решения узких практических проблем. Действительно, спор о том, кто лучше и из чего «сделаны» мальчишки и девчонки, как поется в детской песне, очень увлекателен, но не позволяет преодолеть реальные гендерные трудности в самореализации личности в обществе.

Обращение к конкретному социальному или индивидуальному запросу, касающемуся урегулирования конфликта гендерных и социальных ролей, психологической поддержки профессионализирующейся личности, гендерных особенностей управления коллективом и т.д., — все это не просто имеет рыночную востребованность, но и создает условия для оформления и продвижения гендерной теории и методологии.

Л. Н. Ожигова

О НЕДЕЛЕ НАУКИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ УПРАВЛЕНИЯ (Краснодар, апрель 2001 г.)

С 20 по 24 апреля 2001 г. в рамках общеуниверситетской недели студенческой науки проводились научные конференции. Студенты отделений государственного и муниципального управления, политологии и политического управления, психологии и социальной работы факультета управления выступили с интересными докладами, подготовленными при активном научном руководстве профессорско-преподавательского состава факультета. Широта тем, прозвучавших в научных докладах, охва-

тывает фундаментальные теоретические направления академической науки управления, а также некоторые направления прикладного знания, востребованного в новых динамичных условиях развивающейся России.

О том, что неделя науки на факультете управления стала ярким событием в студенческой жизни, говорят цифры. В работе конференции приняли участие 293 человека. С докладами на пленарных заседаниях выступили 130 человек. По итогам работы конференции призерами и лауреатами недели науки стали 14 студентов: К. В. Гетманцева, Ю. Ю. Четвертак, М. В. Матвеева, М. Ю. Ромарева, Е. Ю. Кожевникова, П. М. Муравей, О. О. Павлова, В. В. Верижникова, Е. Ю. Козмиди, Ю. С. Шелковой, Д. А. Мирошниченко, О. Ю. Дерунова, А. А. Таганова, Д. Н. Гитман.

Серьезные научные разработки в области политологической теории и в политической технологии были представлены в рамках 5 секций конференции, состоявшейся на отделении политологии и политического управления. В трех секциях конференции, проведенной на отделении государственного и муниципального управления, были заявлены интересные разработки теоретико-прикладного характера, ориентированные на использование в текущей практике государственно-муниципальных образований. Доклады, прозвучавшие на 6 секциях конференции, прошедшей на отделениях психологии и социальной работы, своей тематикой, иногда неожиданный, подчеркивают неослабевающий интерес к изучению проблем личности и общества. Безусловно, данная конференция стала очередным неординарным, ярким событием в жизни факультета.

По предложению старших товарищей и при энергичной поддержке младших товарищей традиционные апрельские конференции на факультете управления будут отныне проходить под общим нетрадиционным названием «Апрельские тезисы».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авджян Георгий Дмитриевич – канд. ист. наук, доц. кафедры ГМУ ф-та управления КубГУ.

Бурмистрова Татьяна Александровна – ст. преп. кафедры психологии личности и общей психологии ф-та управления КубГУ.

Вальвашов Александр Николаевич – первый заместитель начальника финансово-казначейского управления администрации г. Краснодара.

Демин Андрей Николаевич – канд. психол. наук, доц. кафедры социальной психологии и социологии управления ф-та управления КубГУ.

Ермоленко Владимир Валентинович – канд. техн. наук, доцент кафедры ГМУ ф-та управления КубГУ.

Кизим Анатолий Александрович – канд. экон. наук, доц. кафедры мировой экономики экономического ф-та КубГУ.

Кожевникова Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры социальной психологии и социологии управления ф-та управления КубГУ.

Кузьмичев Сергей Сергеевич – студент 5-го курса отделения ГМУ ф-та управления КубГУ.

Лизогуб Ирина Юрьевна – канд. социол. наук, преп. Киевского государственного университета.

Манченко Яна Анатольевна – студентка 5-го курса отделения ГМУ ф-та управления КубГУ.

Мирошниченко Инна Валерьевна – студентка 5-го курса отделения политологии ф-та управления КубГУ.

Морозова Елена Васильевна – доктор филос. наук, профессор кафедры политологии и политического управления ф-та управления КубГУ.

Некрасов Сергей Дмитриевич – канд. психол. наук, доц., зам. декана ф-та управления КубГУ.

Оберемко Олег Алексеевич – канд. социол. наук, доц. кафедры социальной психологии ф-та управления КубГУ.

Ожигова Людмила Николаевна – канд. психол. наук, преподаватель кафедры общей психологии и психологии личности ф-та управления КубГУ.

Пахомов Николай Владимирович – заместитель директора Финансово-казначейского управления г. Краснодара.

Самаркина Ирина Владимировна – директор Южного центра американской культуры, образования и науки КубГУ, аспирант кафедры политологии и политического управления ф-та управления КубГУ.

Фадеев Владимир Николаевич – руководитель Краснодарского почтамта.

Шелковой Юрий Сергеевич – студент 5-го курса отделения социальной работы ф-та управления КубГУ.

Шуваев Андрей Васильевич – канд. экон. наук, доц. Ставропольской гос. сельскохозяйственной академии.

Юрченко Виктор Михайлович – доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления ф-та управления КубГУ.